

Д. И. Эварницкій.

ОЧЕРКИ

ПО ИСТОРІИ

ЗАПОРОЖСКИХЪ КОЗАКОВЪ

И

НОВОРОССІЙСКАГО КРАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова, Надеждинская, 39.
1889.

Д. И. Эварницкій.

ОЧЕРКИ

ПО ИСТОРІИ

ЗАПОРОЖСКИХЪ КОЗАКОВЪ

И

НОВОРОССІЙСКАГО КРАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова, Надеждинская, 39.
1889.

2007051332

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ настоящее изданіе вошли одиннадцать очерковъ, относящихся къ исторіи запорожскихъ козаковъ и новороссійскаго края; изъ нихъ одна часть была напечатана въ видѣ журнальныхъ и газетныхъ статей, другая только была приготовлена къ печати; къ одиннадцати отдѣльнымъ очеркамъ приложено двѣнадцать дѣлъ, прямо или косвенно касающихся исторіи бывшаго запорожскаго края. Изъ одиннадцати очерковъ первый—Иванъ Максимовичъ Синельниковъ—печатается въ третій разъ, что̀ вполнѣ зависѣло отъ матеріала, который авторъ постепенно получалъ для біографіи И. М. Синельникова: въ первый разъ авторъ располагалъ матеріаломъ, доставленнымъ ему Алексѣемъ Васильевичемъ Васильевымъ; во второй разъ онъ имѣлъ подъ рукой дневникъ Александра Васильевича Страхова, свойственника Синельникова, и въ третій разъ онъ пользовался свѣдѣніями, добытыми изъ фамильныхъ бумагъ генералъ-маіора Алексѣя Николаевича Синельникова, настоящаго представителя, по мужской линіи, поколѣнія И. М. Синельникова. Авторъ съ большой охотой останавливался на личности «перваго екатеринославскаго правителя», такъ какъ эта

личность представляется ему во всѣхъ отношеніяхъ симпатичной: дѣльный, честный. умный и разсудительный, Синельниковъ дѣйствительно былъ «правой рукой свѣтлѣйшаго» при устройствѣ имъ новороссійскаго края. Въ очеркѣ авторъ не высказываетъ Синельникову ни похвалы, ни порицанія, заставляя говорить за себя факты. Изъ остальныхъ очерковъ въ третій разъ печатается «Выборъ войсковой старшины у запорожскихъ козаковъ»; въ первый разъ этотъ очеркъ былъ напечатанъ по русски; во второй разъ неизвѣстнымъ автору В. Сѣчевикомъ—по галицки, въ журналѣ «Зоря» 1889 года, и въ третій разъ, въ исправленномъ и пополненномъ видѣ, въ настоящемъ изданіи. За переводомъ встрѣчавшихся въ очеркахъ турецкихъ и татарскихъ словъ авторъ обращался къ спеціалисту турецко-татарскихъ языковъ, профессору императорскаго с.-петербургскаго университета, Василію Дмитріевичу Смирнову, которому и выражаетъ свою полную признательность.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Иванъ Максимовичъ
Синельниковъ.

Доз. ценз. Спб., 4 Нояб. 1889 г. Тип. И. Скороходова, Надеж., 39.

I.

Иванъ Максимовичъ Синельниковъ, первый екатеринославскій правитель, 1784 — 1788 г. [1]).

Дворянскій родъ Синельниковыхъ становится документально извѣстнымъ со второй половины XVII вѣка. Изъ «Общаго гербовника дворянскихъ родовъ всероссійской имперіи» [1]) мы узнаемъ первѣе всего о Ѳедорѣ Акимовичѣ Синельниковѣ и тутъ же находимъ описаніе герба Синельниковыхъ: въ щитѣ, имѣющемъ голубое поле, крестообразно изображены серебряная сабля, копье и шпага, обращенныя острыми концами вверхъ: щитъ увѣнчанъ дворянскимъ шлемомъ и короною; наметъ на щитѣ голубой, подложенный серебромъ. Въ «Сыскныхъ и отказныхъ книгахъ 7200 года до Р. Х. или 1692 года по Р. Х.» мы находимъ, что, по указу царей Ивана и Петра Алексѣевичей, «Ѳедоръ Акимовъ Синельниковъ верстанъ помѣстнымъ окладомъ» воронежской губерніи, полатовскаго уѣзда (теперь бирючинскаго) подъ большою яругою и большимъ полатовскимъ лѣсомъ въ деревнѣ Старой-Пузиной.

«Въ 7200 году находился въ бывшемъ городѣ Полатовѣ въ приказѣ изъ дѣтей боярскихъ Ѳедоръ Акимовъ сынъ Синельни-

---

[1]) По фамильнымъ бумагамъ генералъ-маіора Алексѣя Николаевича Синельникова, матерьяламъ Алексѣя Васильевича Васильева и печатнымъ даннымъ.

[2]) Часть VIII, отдѣленіе I, стр. 124.

ковъ, сынъ боярскій; денежный окладъ ему пять рублей да земли двѣсти четвертей и третій жребій мельницы на рѣчкѣ Мосеѣ обще съ полатовцемъ Евтихіемъ Ждановымъ» [1]). Изъ фамильныхъ же документовъ теперешнихъ Синельниковыхъ видно, что у Ѳедора Акимовича былъ старшій сынъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, у Ѳедора Ѳедоровича — Максимъ Ѳедоровичъ, а у Максима Ѳедоровича—два сына Иванъ Максимовичъ и Алексѣй Максимовичъ. Максимъ Ѳедоровичъ считался небогатымъ помѣщикомъ воронежской губерніи, служилъ сперва въ военной службѣ, потомъ въ статской секретаремъ валуйской провинціальной канцеляріи и только впослѣдствіи (1781 года, 3 сентября), чрезъ своего сына и по представленію князя Г. А. Потемкина, получилъ мѣсто прокурора въ верхнемъ земскомъ судѣ и сразу чинъ надворнаго совѣтника.

Иванъ Максимовичъ Синельниковъ родился въ 1741 году, воспитаніе получилъ домашнее [2]) и началъ свою службу при отцѣ, въ должности повытчика той же валуйской канцеляріи. Но статская служба не нравилась ему, и онъ нѣсколько разъ просилъ позволенія у отца поступить въ военную службу. Отецъ всякій разъ отказывалъ сыну; сынъ, однако, настаивилъ на своемъ и въ концѣ концовъ успѣлъ привести въ исполненіе свое желаніе. Онъ воспользовался временнымъ пребываніемъ въ валуйскомъ уѣздѣ графа Петра Антоновича Девіера, въ свое время пользовавшагося большимъ расположеніемъ императора Петра III. Узнавъ, что графъ Девіеръ располагалъ уѣхать изъ имѣнія въ Петербургъ, Иванъ Максимовичъ неожиданно явился къ нему и обратился съ усердною просьбой взять его съ собой въ Петербургъ для поступленія въ полкъ. Девіеръ благосклонно выслушалъ просьбу Синельникова и согласился взять его съ собой. Но, по пріѣздѣ въ Петербургъ, графъ Девіеръ почелъ за лучшее отправить Синельникова въ военную службу на югъ. От-

---

[1]) Изъ фамильныхъ бумагъ генералъ-маіора А. Н. Синельникова.

[2]) Въ формулярномъ спискѣ И. М. Синельникова 1782 года показано: «по россійски читать и писать умѣетъ».

пуская отъ себя Синельникова, графъ Девіеръ далъ ему на прощанье письмо къ своему пріятелю, генералъ-маіору Христофору Ѳедоровичу Штофельну. Генералъ Штофельнъ командовалъ кавалерійскими полками на такъ называемой днѣпровской линіи, отъ Бѣлевской крѣпости [1]) до крѣпости Александровской на Днѣпрѣ [2]), имѣя свою штабъ-квартиру въ крѣпости Козловской [3]).

Синельниковъ явился къ генералу Штофельну и былъ принятъ имъ на службу ротнымъ писаремъ. Это было 1761 года 23 мая; въ этомъ же году Синельниковъ произведенъ былъ сперва каптенармусомъ, потомъ вахмистромъ, а въ слѣдующемъ 1762 году генералъ Штофельнъ назначилъ его своимъ «флигель-адъютантомъ полковничьяго ранга» для разныхъ при своей особѣ порученій Синельниковъ исполнялъ эту должность адъютанта до 1764 года, когда получилъ чинъ поручика.

Сдѣлавшись поручикомъ, И. М. Синельниковъ изъявилъ желаніе поступить во фронтъ и, вопреки настояній генерала Штофельна, обѣщавшаго ему свою протекцію, перешелъ въ ямбургскій карабинерный полкъ, состоявшій подъ командою графа Богдана Антоновича де-Бальмена. Здѣсь 1 января 1764 года онъ былъ произведенъ въ чинъ ротмистра, послѣ чего, не переходя изъ этого полка, числясь въ немъ оффиціально, получилъ въ командованіе донецкій пикинерный полкъ «для искорененія въ немъ своеправія». Дѣло объясняется тѣмъ, что донецкій пикинерный полкъ, стоя въ 1769 году на зимнихъ квартирахъ, взбунтовался противъ своего начальства: онъ не хотѣлъ принимать названія пикинернаго, не сталъ повиноваться своимъ начальникамъ и оставилъ ввѣренный ему постъ противъ непріятеля. Синельникову предписано было, чтобъ онъ «всячески постарался возбудить прежнюю россійскихъ воиновъ къ своему монарху и отечеству верность и усердіе, употребить при первомъ случаѣ въ

---

[1]) Теперь Константиноградъ полтавской губерніи.

[2]) Теперь городъ Александровскъ екатеринославской губ.

[3]) Теперь село того же имени.

*

нынѣ наставшую войну въ храбромъ сраженіи съ непріятелемъ такой ихъ проступокъ и большое прегрѣшеніе омыть своею кровію» [1]). Назначеніе Синельникова въ донецкій пикинерный полкъ состоялось по распоряженію бывшаго предводителя 2 арміи генералъ-аншефа графа П. И. Панина.

Въ 1770 году Синельниковъ принималъ участіе въ наставшей въ то время первой русско-турецкой войнѣ, подъ начальствомъ генералъ-поручика Романіуса. Командуя донецкимъ пикинернымъ полкомъ, Синельниковъ храбро сражался подъ Перекопомъ и Колончакомъ, за что въ слѣдующемъ году произведенъ въ премьеръ-маіоры. Въ томъ же году былъ при взятіи Перекопа, переходѣ русскихъ черезъ Сивашъ, покореніи Кафы и поискахъ непріятеля въ горахъ, подъ начальствомъ генералъ-поручика князя Прозоровскаго. Храбрые подвиги Синельникова въ эту войну засвидѣтельствованы аттестаціями его командировъ, генералъ-поручика Романіуса и генералъ-маіора князя Прозоровскаго. «1771 года августа дня данъ ямбургского карабинерного полку, господину премеръ-маиору Ивану Синелникову втомъ, что оной с полкомъ донецкимъ пикинернымъ всю прошлую компанію находясь у меня вкомандѣ велъ себя добро порядочно и на бывшихъ подъ Перекопомъ июля 19 и 24 сраженіяхъ равно и сентября 24 числа, когда я отряженъ былъ со особливымъ деташементомъ къ преследованію хана идущаго изъ Очакова чрезъ Кинбурнъ, в Перекопъ, неустрашимостію своею не одинъ разъ отличалъ себя храбро и предпріимчиво, и что сей полкъ первую компанію служил безъ всякой регулы козаками и не хотя принять названія пикинерного в зимнія свои квартиры бунтовалъ; то оный маиоръ опредѣленъ будучи прошлого 1770 году в февралѣ мѣсяцѣ по особливой ево Синелникова способности бывшимъ предводителемъ второй арміи господиномъ генералъ аншефомъ и разныхъ ординовъ кавалеромъ графомъ Петромъ Ивановичемъ Панинымъ недоволно что истребилъ изъ нихъ своенравие, но и в столь короткое время тру-

---

[1]) Изъ фамильныхъ бумагъ генералъ-маіора А. Н. Синельникова.

дами своимп, не имея у себя ни единого изъ регулярныхъ помощника, сформируя ихъ по отряду регулярного войска и обмундировавъ по данному отъ его сиятелства образцу: довелъ до такого состоянія и исправности, что оной полкъ в делѣ противъ неприятеля равными с прочими регулярными войсками; и исполняя данное ему от помянутого бывшего предводителя особливое повеленіе, чтоб оной полкъ вину свою заслужилъ предъ ея императорскимъ величествомъ кровію: то сей маиоръ Синелниковъ столько былъ усерденъ оправдать ихъ проступокъ храбрымъ ополченіемъ выраженный, что нередко подвергалъ себя опасностямъ, а колми паче во второе сраженіе, когда полкъ ево окруженъ былъ великими толпами, в глазахъ моихъ самъ рубилъ двухъ турокъ, и всемъ далъ образецъ симъ новымъ людямъ удержать свое мѣсто и прогнать неприятеля с пораженіемъ; о чемъ от меня тогда и х командѣ засвидѣтельствовано. Генералъ поручикъ Аврамъ Романіусъ» [1]). Но самъ Синельниковъ приписывалъ подвиги на войнѣ не себѣ лично, а своему полку, для котораго онъ усердно хлопоталъ о всемилостивѣйшемъ прощеніи. И его хлопоты увѣнчались успѣхомъ. О храбрыхъ поступкахъ донецкаго пикинернаго полка, подъ руководствомъ премьеръ-маіора Ивана Синельникова, донесено было въ 1772 году 9 ноября въ военную коллегію сперва генералъ поручикомъ Бергомъ, а потомъ генералъ-аншефомъ княземъ Долгорукимъ. «Соображая нынѣшнѣе ихъ известное состояніе, скоторымъ действителшо уже сопряжено совершеннѣйшее ихъ повиновеніе и по долгу верноподданической своей присяги, кслужбе усердіе, а того болше подкрепивъ его премеръ маиора унованіе безпрестанно изливающимся природнымъ вашего императорскаго величества человеколюбіемъ и безпримѣрнымъ к подданнымъ своимъ милосердіемъ, осмѣливается онъ поставить себѣ прямымъ долгомъ к поощренію ихъ службѣ, а кольми паче офицеровъ, которые раздѣляютъ с нимъ маіоромъ труды, а наипаче, чтобъ во оной и впредь охотнѣе входить могли вольноопределяю-

[1]) Изъ фамильныхъ бумагъ генералъ-маіора А. Н. Синельникова.

щіяся благородные люди, исходатайствовать оному полку отъ высочайшей воли вашего императорскаго величества прощенія.» Изъ военной коллегіи просьба была передана на высочайшее имя императрицѣ Екатеринѣ II. Императрица, прочитавъ донесеніе военной коллегіи, отвѣтила всемилостивѣйшимъ прощеніемъ: «Богъ проститъ, 4 ноября, 1772 года въ санкпетербурге» [1]).

Будучи премьеръ-маіоромъ, И. М. Синельниковъ избранъ былъ въ 1772 году, 11 марта, валуйскимъ уѣзднымъ дворянствомъ депутатомъ въ коммиссію «для сочиненія проэкта новаго уложенія». За участіе въ этой коммиссіи онъ получилъ депутатскую золотую медаль на золотой цѣпочкѣ для ношенія въ петлицѣ [2]).

Въ 1773 и 1774 годахъ И. М. Синельниковъ продолжалъ службу на Крымскомъ полуостровѣ. Во время прибытія туда турецкаго дессанта и поднятія оружія татарами, на Синельникова возлагались троякія обязанности: командованіе донецкимъ пикинернымъ полкомъ, развѣдываніе черезъ особыхъ военныхъ агентовъ о непріятеляхъ и надзоръ «надъ отдѣльными легкаго войска деташементами» [3]).

Между тѣмъ въ это самое время въ юго-восточной Россіи свирѣпствовалъ Емельянъ Пугачевъ со своею ватагою. Положеніе дѣлъ въ юго-восточномъ краѣ на столько казалось серьезнымъ, что императрица тотчасъ послѣ мира съ Турціей, въ 1774 году, приказала двинуть туда полки. Это приказаніе получилъ и донецкій пикинерный полкъ. Ивану Максимовичу Синельникову велѣно было оставить Крымъ и двинуться въ оренбургскій край «на усмиреніе въ черни мятежа»... Синельниковъ оставилъ Крымъ въ ноябрѣ того же 1774 года и быстро пришелъ къ мѣсту своего назначенія, расположившись штабъ-квартирою въ пригородѣ Тетюшахъ, казанской губерніи, въ домѣ помѣщицы Страховой. Пребываніе въ домѣ Страховой имѣло

---

[1]) Изъ фамильныхъ бумагъ генералъ-маіора А. Н. Синельникова.

[2]) Съ этой медалью Иванъ Максимовичъ изображенъ и на фамильномъ портретѣ.

[3]) Изъ фамильныхъ бумагъ генералъ-маіора А. Н. Синельникова.

для Синельникова то значеніе, что здѣсь ему суждено было найти подругу жизни, въ лицѣ дочери умершаго премьеръ-маіора Василія Михайловича Страхова. Домъ Страховыхъ Синельниковъ нашелъ сперва пустымъ, такъ какъ хозяева его, опасаясь злодѣйствъ со стороны пугачевцевъ, скрылись въ ближайшемъ лѣсу; но потомъ, съ прибытіемъ въ Тетюши полка, Страховы возвратились въ домъ, и тутъ въ 1775 году въ январѣ мѣсяцѣ, къ общему удовольствію гостя и хозяевъ, состоялось бракосочетаніе Ивана Максимовича Синельникова и дѣвицы Авдотьи Васильевны Страховой. Синельникову въ это время было 34 года. Младшій изъ братьевъ А. В. Страховой, Александръ Васильевичъ Страховъ, остался при Синельниковѣ, впослѣдствіи поступилъ къ нему въ полкъ и не разлучался съ нимъ до самой его смерти [1]). Ему мы обязаны первыми свѣдѣніями о жизни И. М. Синельникова.

По усмиреніи мятежа, Синельниковъ весною 1775 года изъ Тетюшъ выступилъ со своимъ полкомъ въ Симбирскъ. Въ Симбирскѣ уже въ то время содержался въ желѣзной клѣткѣ пойманный Емельянъ Пугачевъ. Когда Синельниковъ представился мѣстному губернатору, то послѣдній пригласилъ его взглянуть на страшнаго разбойника. Синельниковъ послѣдовалъ приглашенію и вмѣстѣ съ губернаторомъ вошелъ въ тюрьму, гдѣ содержался Пугачевъ. Но едва онъ показался на порогѣ тюрьмы, какъ Пугачевъ быстро привсталъ съ своего мѣста и громко крикнулъ: «Здравствуй, батюшка Иванъ Максимовичъ!» Оказалось, что Пугачевъ служилъ у Синельникова козакомъ въ Крыму и за дурное поведеніе часто подвергался отъ строгаго маіора разнымъ взысканіямъ.

Изъ Симбирска Синельниковъ пришелъ съ полкомъ въ Саратовъ. Но здѣсь его постигло неожиданное несчастье: онъ былъ арестованъ. Причина этого ареста остается намъ неизвѣстною;

---

[1]) Самъ Александръ Васильевичъ Страховъ скончался въ 1836 году. Черезъ Страховыхъ Синельниковы стали свойственниками съ писателями Державинымъ и Панаевымъ.

въ послужномъ спискѣ Ивана Максимовича на этотъ счетъ стоитъ краткое замѣчаніе. «Въ Саратовѣ находился въ арестованіи и въ препровожденіи изъ Саратова на новоднѣпровскую линію двухъ баталіоновъ, артиллерійскаго и гарнизоннаго». А. В. Страховъ ставитъ этотъ арестъ въ связь съ бунтомъ донецкаго пикинернаго полка. Не зная того, что Синельниковъ состоялъ въ ямбургскомъ карабинерномъ полку и только временнѣ командовалъ донецкимъ пикинернымъ полкомъ; не зная того, что онъ даже способствовалъ усмиренію полка, новое начальство И. М. Синельникова, по словамъ Страхова, получивши императорскую грамоту о прощеніи полка, кромѣ нѣсколькихъ офицеровъ, подвергло аресту въ числѣ другихъ офицеровъ и «премьеръ-маіора донецкаго пикинернаго полка Ивана Синельникова». Ему приказано было отправиться на новоднѣпровскую линію въ крѣпость Александровскую и сдать тамъ свой полкъ бригадиру Лалошу.

Видя, что это не больше, какъ ошибка, Иванъ Максимовичъ подалъ просьбу своему начальству, въ которой объяснялъ, что «царское прощеніе до него не можетъ относиться, ибо онъ состоялъ въ ямбургскомъ карабинерномъ полку и, командуя донецкимъ пикинернымъ полкомъ, заслужилъ послѣднему всемилостивѣйшее прощеніе». Просьба Ивана Максимовича была разсмотрѣна, и положеніе его съ этого времени даже улучшилось: въ февралѣ мѣсяцѣ 1775 года онъ былъ произведенъ въ маіоры кинбурнскаго драгунскаго полка, въ октябрѣ мѣсяцѣ того же года въ подполковники астраханскаго драгунскаго полка. Однако, въ астраханскомъ драгунскомъ полку Синельниковъ только числился по списку, въ дѣйствительности же состоялъ въ Бѣлевской крѣпости при азовскомъ губернаторѣ Васильѣ Алексѣевичѣ Чертковѣ, послѣ открытія незадолго предъ этимъ (14 февраля 1775 года) азовской и новороссійской губерній.

Въ тоже время И. М. Синельниковъ выпросилъ и для своего брата премьеръ-маіора Алексѣя Максимовича Синельникова сперва выше собственнаго имѣнія Николаевки, по правую сторону Днѣпра, 3,359 десятинъ и 361 квад. саж., гдѣ основана была слобода Алексѣевка никопольскаго уѣзда; а потомъ 1,500

десятинъ земли по лѣвую сторону Днѣпра, между Самарскимъ ретраншементомъ и крѣпостью Александровскою, по теченію рѣчки Татарки съ лѣвой стороны, противъ порога Сурскаго, лежащаго въ Днѣпрѣ. На послѣдней землѣ А. М. Синельниковъ основалъ деревню Норовку, впослѣдствіи называвшуюся отъ имени владѣльца Алексѣевкой и въ настоящее время именующуюся Любимовкой [1].

Въ 1777 году И. М. Синельниковъ состоялъ уже при новороссійскомъ губернаторѣ, генералъ-маіорѣ Матвѣѣ Васильевичѣ Муромцевѣ и, по порученію Муромцева, въ началѣ этого же года открылъ въ городѣ Полтавѣ такъ называемую «провинціальную канцелярію» новороссійскаго края съ правомъ прикомандировать къ ней надлежащій штатъ чиновниковъ. Дѣло объясняется тѣмъ, что полтавская губернія, по своему географическому положенію, входила въ это время въ составъ новороссійской губерніи, но такъ какъ въ послѣдней еще не было устроено губернскаго города, то канцелярію губерніи велѣно было временно открыть въ городѣ Полтавѣ. Обязанность открытія «провинціальной канцеляріи» и была возложена на И. М. Синельникова, который вмѣстѣ съ этимъ былъ назначенъ воеводою города Полтавы. Осенью этого же года Синельниковъ по порученію того же генералъ-маіора Муромцева, открылъ «провинціальную канцелярію» уже на мѣстѣ бывшей запорожской Сичи, послѣдней по времени, на рѣкѣ Подпильной, въ городкѣ названномъ тогда Покровскомъ, и вмѣстѣ съ этимъ назначенъ былъ командиромъ четырехъ пѣхотныхъ полковъ.

Въ это время императрицу Екатерину II и князя Г. А. Потемкина сильно занималъ вопросъ о колонизаціи пустыннаго и ничѣмъ, послѣ паденія запорожской Сичи, незащищеннаго новороссійскаго края. Чтобы заселить край, приказано было принимать отовсюду всякихъ выходцевъ и колонизовать ими пустыя

---

[1]) А. М. Синельниковъ не былъ женатъ и при жизни по духовному завѣщанію передалъ свое имѣніе племяннику Василію Ивановичу Синельникову.

степи, въ особенности черноморскія окраины. Чрезъ князя Потемкина Екатерина II узнала о желаніи переселиться въ предѣлы Россіи грековъ-христіанъ, оставившихъ свою родину, вслѣдствіе притѣсненій со стороны турокъ, въ Архипелагѣ и временно удалившихся въ Крымъ. Императрица изъявила желаніе принять ихъ въ свое подданство и приказала отвести имъ мѣста для поселенія около Азовскаго моря. Переселеніе грековъ-христіанъ изъ Крыма на Азовское побережье она возложила на знаменитаго князя А. В. Суворова, стоявшаго тогда съ полкомъ въ Крыму. Суворовъ, исполняя царское повелѣнье, искалъ себѣ помощниковъ; между другими лицами ему указали и на И. М. Синельникова. Слыша отовсюду похвалы Синельникову, Суворовъ рѣшился остановиться на немъ и поручилъ ему переселеніе грековъ изъ Крыма на указанныя имъ мѣста вмѣстѣ съ обязанностію продовольствія переселенцевъ.

Въ 1778 году для осмотра положенія дѣлъ и успѣховъ колонизаціи въ новороссійскій край выѣхалъ двоюродный братъ свѣтлѣйшаго князя Григорія Александровича Потемкина, графъ Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ. Графъ Потемкинъ между прочимъ произвелъ ревизію и у Синельникова; въ его распоряженіяхъ онъ нашелъ «какія-то неисправности» и грозилъ донести объ этомъ князю Потемкину. Синельниковъ тщетно оправдывался независящими отъ него обстоятельствами и подъ конецъ нашелъ нужнымъ ѣхать въ Петербургъ для объясненія дѣлъ самому князю. Но грозившее несчастье обратилось для него въ счастье: Синельниковъ нашелъ себѣ въ Петербургѣ защитника въ лицѣ правителя канцеляріи князя Потемкина, В. С. Попова и, когда пріѣхалъ въ Петербургъ, то самъ графъ Потемкинъ, убѣдившись въ своей ошибкѣ, рекомендовалъ его князю Потемкину, какъ человѣка честнаго и весьма необходимаго по устройству новороссійскаго края. Князь Потемкинъ давно искалъ такого человѣка и пожелалъ лично видѣть Синельникова. Синельниковъ былъ представленъ свѣтлѣйшему, и съ этихъ поръ роль его въ новороссійскомъ краѣ ясно опредѣлилась: на него возлагались спеціально обязанности колонизаціи и устройства края. Возвра-

тясь изъ Петербурга на югъ, Синельниковъ прежде всего, по данному ему порученію, перевелъ «провинціальную канцелярію» изъ города Покровска, мѣста бывшей Сичи, въ бывшее селеніе запорожскихъ козаковъ, Никитино, наименовавъ его, по волѣ князя Никополемъ, т. е. городомъ побѣдъ, и занялся его устройствомъ.

За особое усердіе къ службѣ И. М. Синельниковъ въ 1779 году, 22 сентября, былъ произведенъ въ полковники и получилъ въ командованіе херсонскій пикинерный полкъ, сформированный изъ запорожскихъ козаковъ послѣ разоренія Сичи; принявъ его отъ бригадира Маркова въ селеніи Петриковкѣ [1]), И. М. Синельниковъ перевелъ полкъ въ мѣстечко Новый-Кодакъ, лежащій на правомъ берегу Днѣпра, на восемь верстъ выше теперешняго города Екатеринослава.

Уже въ это время, послѣ паденія запорожской Сичи, И. М. Синельникову дано было у лѣваго берега рѣки Днѣпра, при устьѣ рѣчки Вороной 6,742 десятины и 288 квадр. саженъ земли [1]); на пожалованной землѣ Синельниковъ основалъ село Васильевку, названную имъ по имени старшаго сына, Василія, съ лѣвой стороны Днѣпра, противъ Ненасытецкаго порога.

«Геометрическій спеціальный планъ азовской губерніи екатеринославскаго уѣзда деревни Васильевки съ принадлежащими къ ней всѣми землями, которыя даны по указу азовской губернской канцеляріи изъ дикопорозжихъ казенныхъ земель во владѣніе полковнику Ивану Максимовову сыну Синельникову, межеваніе учинено въ 1779 году сентября дня, межевщикомъ подпорутчикомъ Емельяномъ Тимофѣевымъ, а внутри того владѣнія обмежеваннаго отъ всѣхъ смежныхъ владѣльцевъ одною окружною межею, по нынѣшней меже состоитъ пашенной земли и степи подъ хлѣбопашество способной 4,300 десятинъ, сѣнокосовъ 525 десятинъ, мелкаго лѣсу 135 десятинъ, подъ посе-

[1]) Въ «Вѣдомости 1776 года, учиненной въ азовской губернской канцеляріи», показано 9,374 десятины. См. «Екатеринославскій юбилейный листокъ» 1887 года 16-го апрѣля.

леніемъ, огородами, гуменниками и конопляниками 40 десятинъ, подъ столбовою дорогою, лежащею изъ города Екатеринослава въ крѣпость Александровскую, 45 десятинъ, подъ проселочными дорогами 17 десятинъ, подъ половиною рѣки Днѣпра, рѣчки Вороной, озерами, оврага Ракова 86 десятинъ: подъ бичевникомъ 14 десятинъ, подъ песками и глинистою 858 десятинъ, каменистой и гористой 722 десятины и 288 квадр. саженъ; состоящей же деревни Васильевки податныхъ малороссіянъ мужескаго пола 45 и женска 25 душъ.»

Въ 1780 году И. М. Синельникову пожалованы были новыя земли въ количествѣ 3536 десятинъ и 750 квадр. саж., да особо женѣ его, Авдотьѣ Васильевнѣ Синельниковой, по правую сторону Днѣпра въ соотвѣтствіе съ землями впервые дарованными. Здѣсь, въ 1736 году, во время войны русскихъ съ турками, во всю длину Ненасытецкаго порога, устроенъ былъ Ненасытецкій ретраншементъ, а въ 1741 году у «Ненасытецкаго ретраншемента» возникло уже поселеніе изъ малороссійскихъ козаковъ и крестьянъ [2]). И. М. Синельниковъ далъ этому поселенію названіе села Николаеки, по имени другого своего сына Николая; имѣніе же Авдосьи Васильевны Синельниковой получило названіе деревни Войсковой, потому что населено было остатками запорожскаго войска.

«Геометричаскій спеціальный планъ новороссійской губерніи никопольскаго уѣзда слободы Николаевки съ принадлежащими къ ней всѣми землями, которыя даны по указу новороссійской губернской канцеляріи изъ порозжихъ казенныхъ земель во владѣніе полковнику Ивану Максимову сыну Синельникову, межеваніе учинено 1780 года декабря 15 дня, прапорщикомъ и межевщиковъ Яковомъ Пономаревымъ, а внутри того владѣнія обмежованнаго отъ всѣхъ смежныхъ земель одною окружною межою по нынѣшней мѣрѣ по исчисленію земли состоитъ: степи

---

[1]) Теперь посадъ Новая—Прага, херсонской губерніи.

[2]) Записки одес. общ. ист. и древн., VII, 174, прим. 34; Полное собраніе законовъ, XI, № 8813, 943.

способной къ хлѣбопашеству 3101 десятина, сѣнныхъ покосовъ 30 десятинъ 1000 квадр. саж., подъ поселеніемъ, огородами, гуменниками и коноплянниками 3 десятины, подъ половиною рѣки Днѣпра, праваго берега и протоками 88 десятинъ и 2611 квадр. саж., подъ бичевниками 10 десятинъ и 200 квад. саж., подъ дорогами проселочными и полевыми 37 десятинъ, подъ крутыми косогорами и оврагами 148 десятинъ 900 квадр. саж., подъ старымъ ретраншаментомъ называемымъ Ненасытецкимъ 50 десятинъ; всего 3536 десятинъ 760 квадр. саж., а за исключеніемъ неспособной къ пашнѣ земли во владѣніи слободы Николаевки осталось 3180 десятинъ; въ той слободѣ Николаевкѣ подданныхъ малороссіянъ мужска пола 20 душъ, женска 15 душъ».

«Геометрическій специальный планъ новороссійской губерніи никопольскаго уѣзда слободы Войсковой съ принадлежащими къ ней части острова Дубоваго и всѣми землями, которыя даны по указу новороссійской губернской канцеляріи изъ порожнихъ казенныхъ земель во владѣнье полковницѣ Авдотьѣ Васильевой дочери Синельниковой, межеванія учиненнаго прапорщикомъ и межевщикомъ Яковомъ Пономаревымъ; а внутри того владѣнія обмежеваннаго отъ всѣхъ смежныхъ земель одною окружною межою по нынѣшней мѣрѣ по исчисленію земли состоитъ: степи способной къ хлѣбопашеству 2561 десятина, сѣнныхъ покосовъ 25 десятинъ 800 квадр. саж., лѣсу дровяного и мелкого 230 десятинъ, подъ поселеніемъ, огородами, гуменниками и коноплянниками 3 десятины 1600 квадр. саж., подъ половиною рѣки Днѣпра праваго берега и протоками 136 десятинъ и 1075 квадр. саж., подъ каменьями 128 десятинъ, подъ бичевниками 23 десятины 1600 квадр. саж., подъ крутыми косогорами 52 десятины, подъ песками 4 десятины и 30 квадр. саж.; всего 3187 десятинъ и 1075 квадр. саж., во владѣніи слободы Войсковой подданныхъ малороссіянъ мужеска пола 19, женска 13 душъ».

Въ 1781 году И. М. Синельникову велѣно было поселить около теперешняго города Павлограда тысячу человѣкъ колони-

стовъ, вышедшихъ съ острова Корсики. Въ 1782 году онъ получилъ во владѣніе село Медвѣдовку, теперь полтавской губерніи, константиноградскаго уѣзда[1]), и около же этого времени земли «около Плетеницкаго Рога», теперь таврической губерніи, мелитопольскаго уѣзда; на послѣднихъ основано было село Ивановское, названное по имени самаго владѣльца Ивана, Ивановскимъ.

«Геометрическій специальный планъ таврической губерніи, днѣпровскаго уѣзда села Ивановскаго съ принадлежащими къ нему всѣми землями, которые состоятъ во владѣніи маіора и кавалера Василія Иванова сына Синельникова. Межеваніе учинено въ прошломъ 1806 году старшимъ землемѣромъ титулярнымъ совѣтникомъ Щелкуновымъ. А внутри того владѣнія обмежеваннаго одною окружною отъ всѣхъ смежныхъ дачъ и владѣльцевъ межею по нынѣшней мѣрѣ и по исчисленію земли состоитъ: пашенной 656 десятинъ 300 квадр. саж., сѣнного покосу и степи способной къ хлѣбопашеству 12,962 десятинъ 1102 квадр. саж., лѣсу мелкого дровяного 94 десятины 1700 квадр. саж., подъ поселеніемъ, огородами, гуменниками и конопляниками, въ томъ числѣ и у священно и церковно служителей 39 десятинъ 1200 квадр. саж., подъ церковью и кладбищемъ 1500 квадр. саж., подъ большею столбовою дорогою 59 десятинъ 1200 квадр. саж., подъ проселочными дорогами 16 десятинъ 1500 квадр. саж., подъ песчаными и кучугуристыми мѣстами 2703 десятины 2287 квадр. саж.; подъ болотистыми мѣстами 12 десятинъ 269 квадр. саж., подъ половинами пролива Днѣпровскаго, рѣки Конски, подъ рѣчкою Ушкалкою, озерами, косогорами, крутостью горъ и береговъ 283 десятины 1700 квадр. саж., а всего во всей окружной межѣ удобной и неудобной земли 16,819 десятинъ 768 квадр. саж., а а за исключеніемъ неудобныхъ мѣстъ осталось одной удобной земли 13742 десятины 1902 квадр. саж.; за исключеніемъ же одной большой столбовой дороги осталось всякихъ угодій земли

---

[1]) «Въ 1782 года, а можетъ быть и раньше»; такъ показывалъ сынъ Ивана Максимовича, Василій Ивановичъ Синельниковъ.

16759 десятинъ 1968 квадр. саж., да изъ того числа вырѣзано къ состоящей въ томъ селѣ церкви во имя преподобнаго Іоанна Кущника... Да сверхъ сего въ силу даннаго правительствующаго сената межевой экспедиціи землемѣрамъ наставленія 5 части 7 пункта повелѣно всѣмъ священно и церковно служителямъ, кои дѣйствительно при церквахъ, въ лѣса принадлежащія тѣмъ селеніямъ и деревнямъ, какъ въ той церкви въ приходѣ, не исключая и на пустошахъ имѣющихся, въ коихъ владѣльцы и сами лѣса рубятъ, а не въ заказные для рубки, имѣютъ пріѣздъ въ лѣсъ безвозбранно; затѣмъ въ дѣйствительномъ владѣніи села Ивановскаго осталось всякихъ угодій: земли 16,693 десятины 144 квадр. саж.; въ томъ селѣ за маіоромъ и кавалеромъ Синельниковымъ состоитъ господскій домъ, при немъ дворовыхъ людей не имѣется, крестьянскихъ дворовъ 115, въ нихъ по ревизіи мужеска 317, женска пола 282 душъ».

Въ томъ же 1782 году, «по учрежденіи на правой сторонѣ Днѣпра двухъ провинцій словенской и херсонской», И. М. Синельниковъ несъ должность воеводы и коменданта обѣихъ провинцій, съ правами заселенія новороссійскаго края на самыхъ широкихъ началахъ. Въ то время поселеніе одного человѣка обходилось Синельникову не дороже пяти рублей. Въ 1782 году И. М. Синельникову особымъ ордеромъ отъ князя Г. А. Потемкина поручено было осмотрѣть во всей подробности новороссійскую губернію и сдѣлать описанія и планы важнѣйшихъ мѣстъ ея.

Въ 1783 году И. М. Синельниковъ вызванъ былъ изъ Новаго-Кодака княземъ Потемкинымъ въ Петербургъ, гдѣ получилъ приказаніе перевести съ острова Даго тысячу человѣкъ шведовъ для поселенія ихъ въ новороссійскомъ краѣ. Приказаніе было исполнено немедленно: Синельниковъ привезъ и поселилъ ихъ близъ города Казыкерменя [1]), давъ наименованье ихъ поселку Шведской колоніи.

Въ томъ же 1783 году, 1 апрѣля, И. М. Синельниковъ произведенъ былъ въ бригадиры, а 2 февраля назначенъ но-

[1]) Теперь городъ херсонской губерніи и уѣзда.

вороссійскимъ вице-губернаторомъ или, какъ значится въ его формулярномъ спискѣ, поручикомъ и товарищемъ, при губернаторѣ, генералъ-поручикѣ Т. И. Тутолминѣ. Теперь, вслѣдствіе новыхъ обязанностей, Синельниковъ долженъ былъ передать свой полкъ подполковнику Алексѣю Депрерадовичу. Въ это время И. М. Синельниковъ жилъ попеременно то въ Кременчугѣ, то въ Никополѣ, то въ Херсонѣ.

Въ этомъ же году 1 іюля отъ имени князя Потемкина изданъ былъ ордеръ къ бывшимъ козакамъ запорожскаго войска: «Объявляю чрезъ сіе тѣмъ изъ пребывающихъ въ азовской губерніи въ словенской и елисаветградской провинціяхъ жителямъ, кои въ бывшемъ войскѣ запорожскомъ служили, что полковому старшинѣ и арміи капитану Головатому препоручено отъ меня приглашать изъ нихъ охотниковъ къ служенію въ козачьемъ званіи подъ моимъ предводительствомъ. Число сихъ козаковъ простираться будетъ конныхъ 500 и пѣшихъ въ лодкахъ тоже число, которымъ опредѣляется довольное жалованье и пропитаніе. Для сего желающіе да явятся въ Херсонъ къ господину бригадиру Синельникову» [1]. Сверхъ этого тогда же Синельникову поручено было заняться поселеніемъ въ городѣ Херсонѣ мастеровыхъ людей, выдавъ каждому изъ нихъ по пяти рублей на обзаведенье, и водворенныхъ московскихъ, стародубскихъ и елисаветградскихъ раскольниковъ на рѣкѣ Бѣлозеркѣ близъ Днѣпра, почти противъ Никополя.

Въ это время императрицѣ Екатеринѣ II угодно было соединить двѣ обширныя губерніи новороссійскую и азовскую въ одно громадное съ 15 уѣздами намѣстничество, съ Екатеринославомъ во главѣ, въ которое входили три теперешнія губерніи: екатеринославская, херсонская, полтавская и одинъ уѣздъ— маріупольскій—таврической. Первымъ дѣломъ предстояло построить новый городъ, Екатеринославъ. Хотя городъ уже и существовалъ на рѣкѣ Кильчени (близь теперешняго города Но-

---

[1]) А. А. Скальковскій. Хронологическое обозрѣніе новороссійск. края, Одесса, 1836, I, 159.

воносковска), но онъ стоялъ на очень низменной мѣстности, оттого ежегодно заливался весенней водой, и жители его страдали отъ гнилостныхъ испареній, развивавшихся какъ въ самомъ городѣ, такъ и его окрестностяхъ. Поэтому высочайшимъ указомъ приказано было перенести городъ съ низменнаго берега рѣчки Кильчени на возвышенный правый берегъ рѣки Днѣпра, на мѣсто бывшаго селенія запорожскихъ козаковъ Половицы.

Въ 1784 году велѣно было новороссійскому правителю генералъ-поручику Тимофею Ивановичу Тутолмину открыть екатеринославское намѣстничество. Открывъ намѣстничество, Тутолминъ, однако, опредѣленъ былъ архангельскимъ и олонецкимъ генералъ-губернаторомъ; назначеніе же перваго екатеринославскаго «правителя» получилъ 22 мая бригадиръ И. М. Синельниковъ. Ему опредѣлено было жить въ городѣ Кременчугѣ, временномъ губернскомъ городѣ екатеринославскаго намѣстничества. Въ томъ же году 22 сентября И. М. Синельникову пожалованъ былъ орденъ Владиміра 3-й степени: въ 1785 году онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры; въ 1786 году 22 сентября получилъ новый орденъ Владиміра 2-й степени.

Съ назначеніемъ въ правители екатеринославскаго намѣстничества на И. М. Синельникова возлагались самыя разнообразныя обязанности по устройству новороссійскаго края: онъ былъ охранителемъ края, колонизаторомъ степей, начальникомъ коммиссіи по продовольствію переселенцевъ изъ разныхъ странъ въ Новороссію и въ провинціи, вновь пріобрѣтенныя Россіей послѣ войны съ Турціей, начальникомъ заготовленія провіанта для русской арміи, находившейся тогда въ новороссійскомъ краѣ, главнымъ управителемъ всѣхъ соляныхъ и питейныхъ сборовъ въ краѣ и наконецъ строителемъ городовъ, въ особенности самаго города Екатеринослава.

Каковы въ частности были обязанности, возлагавшіяся на Синельникова, и какъ онъ къ нимъ относился, это всего лучше видно изъ его писемъ къ правителю канцеляріи князя Потемкина, Василію Степановичу Попову. Синельниковъ заботился о правильной организаціи пикинеровъ, пѣшихъ въ то время обя-

запности пограничной въ Новороссіи стражи, о привлеченіи къ пикинерной службѣ козаковъ-раскольниковъ, о вызовѣ изъ-за Дуная въ предѣлы Россіи запорожскихъ козаковъ, о покупкѣ въ Польшѣ лѣса для построекъ въ разныхъ городахъ и селахъ новороссійскаго края, о сохраненіи драгоцѣнныхъ сосудовъ упраздненной, послѣ паденія Сичи, сичевой покровской церкви и въ особенности объ искорененіи «заразительной болѣзни»—чумы, въ то время страшно поразившей край, особенно города: Елисаветградъ, Кременчугъ, Крыловъ, мѣстечко Петриковку и др. «Я теперь выписываю къ себѣ, извѣщалъ Синельниковъ Попова, г. Самойловича, дабы онъ всмотрѣлся въ здѣшнія кременчугскія болѣзни, которыя хотя мною неусыпнѣйшимъ стараньемъ пресѣкаются, однакоже не видя конца, долженъ я опасаться наступающей осени и сырыхъ погодъ, ибо всѣми нами, здѣшними жителями, примѣчено, среди лѣта, а особенно въ жары имѣетъ та болѣзнь дѣйствіе слабое, а въ сырыя погоды сильное; и потому хотя я и самъ называю тѣ болѣзни сомнительными столько и прилипчивыми, но предосторожность въ городѣ имѣю также, какой сильнѣе быть не можетъ, въ разсужденіи, что наполнены всѣ кварталы медицинскими и квартальными смотрителями и что ни одинъ изъ города и въ городъ, а паче на квартиру безъ свѣдѣнія моего выѣхать не можетъ, и что я о благосостояніи каждаго дома дѣйствительно извѣстенъ; а также и въ уѣздахъ взята же всевозможнѣйшая осторожность; словомъ надѣясь на Бога, ничего нужнаго къ защищенію отъ сего зла не упустить... Первая моя забота будетъ вникать съ г. Самойловичемъ въ болѣзнь кременчугскую, ибо, благодаря Бога, вездѣ благополучно, и какъ не могу я предъ свѣтлѣйшимъ княземъ солгать ни въ чемъ, то и буду разсказывать истинную правду... Теперь благодаря Бога, въ городѣ всѣ жители, и на островъ Днѣпровскій выведенные здоровы и болѣзнь не оказывалась пять дней; а только управлюсь съ колодниками, которые обыкновенно чищивали домы и что въ острогъ выпущены были послѣ осми недѣль, бывшіе же колодники въ карантинѣ; и потому, какъ видно, залѣзло къ нимъ сіе зло, не смотря на всѣ

чинимыя и крѣпкія предосторожности, изъ давнихъ временъ. Да сильно я сомнѣваюсь въ домахъ, которые хотя и обмазываю дегтемъ и известью и выкуриваю, но все однакожъ они кажутся мнѣ опасными, такъ какъ въ нѣкоторыхъ послѣ сей церемоніи и стоянія ихъ впустѣ девяти недѣль, вошедшіе получали болѣзни» [1]). «Не знаю, какъ Богъ поможетъ нынѣ. А впрочемъ прежде былъ щастливъ въ прогоненіи сей трясцы, обращаясь съ нею бѣдокуркою нерѣдко, и имѣлъ въ памяти, что на огонь потребна вода, и съ огнемъ обходиться должно осторожно и гасить его надобно поспѣшно. Кажется мнѣ, хотя бы чортова была чума, то съ такою яростію, съ какою мы гоняемся за нею, зарѣжемъ ее безъ ножа. Воровъ изъ острога гдѣ было ея гнѣздо, вывелъ въ поле; корсиканцевъ, притащенныхъ изъ Херсона и таскающихся по городу, перевелъ на Днѣпровскій островъ, а гарнизонныхъ и мастеровыя роты, со всею ихъ рухлядью, гдѣ всѣхъ вывѣтриваю и питаю; а чтобы дурно хлѣба не ѣли, строятъ больницы, ко успокоенію впредь нищихъ. Первый гренадерскій баталіонъ въ лагерѣ, и всѣмъ чиноначальникамъ далъ по части дворовъ на обозрѣніе почти ежечасное... На послѣдокъ истребя большой рынокъ, а опредѣля малыя во всякомъ кварталѣ, для торговокъ избирая мѣста на подвозъ изъ другихъ мѣстъ и на продажу съѣстныхъ припасовъ со осторожностію особливо устроенною: кому когда продавать и какъ деньги принимать,—и сими, и всѣми средствами истребляю чуму и надѣюсь на Бога, что изчезнутъ злыя дѣянія и мерзкія слѣды ея скоро... Данило Самойловичъ господинъ Самойловичъ сей часъ пришелъ ко мнѣ въ роту, осмотрѣлъ больныхъ и увѣряетъ что чума жало свое притупляетъ и просилъ о пожалованіи ему обѣщанныхъ митроскоповъ (sic), посмотрѣть чрезъ нихъ: животная ль или неживотная чума. Пожалуйте пришлите; и я на нее окаяну посмотрю» [2]). «Видно о чумѣ много накричали изъ Малороссіи; да и правда, они резонъ имѣютъ; тамъ народъ непри-

[1]) Писано 1784 года іюля 31 дня.

[2]) Писано 1784 года августа 21 дня.

*

вычный употреблять себя на сокрушеніе ея; полиція, какъ вижу, опасывается однакожъ строго. Примѣчаю я, что есть тамъ хотѣніе сдѣлать привязку къ нашей странѣ; но, совсѣмъ тѣмъ, кажется мнѣ, удачи не будетъ. Я пишу на поспортахъ, чтобы держали па ихъ границахъ карантинъ, по указу; но вмѣсто того ѣздятъ благополучно; и можно-ль имъ усмотрѣть такъ, какъ должно, когда въ Городищѣ и въ Лубнахъ заставы, а между тѣмъ пространное поле? Наша чума, ей-Богу изчезаетъ, и, съ помощію Божіею и наступаемыхъ морозовъ, надѣюсь будетъ ей конецъ; что же не сдѣлаетъ она пораженія многимъ, то я увѣрить могу, что сего быть не можетъ: дѣйствія нашей полиціи, право, хороши, а что не искореняютъ ея поспѣшно, то чѣмъ же мы виноваты, что заведено доброе гнѣздо? Въ Кременчугѣ, въ новыхъ домахъ, нигдѣ не открывается; въ Петриковкѣ 15, а въ Крыловѣ 8 дней не оказывается. Въ сіи селенія, сколько постигаю, забрела изъ Александріи, нынѣ благополучной, отъ разъѣхавшихся отсюда, послѣ открытія, секретарей и столоначальника» [1]). «Слава Богу, болѣзнь у насъ исчезаетъ и, надѣюсь на Бога, что искоренимъ ее всеконечно. Полиція у насъ такъ хороша, что никакъ возникнуть ей не даетъ, и мы среди опасностей, довольно веселы: а сказать вамъ матку-правду, здѣсь она нарочитое было свила гнѣздо отъ недоумѣнія жителей, таившихъ сіе зло въ домахъ своихъ, или ближе сказать, какъ будто нарошно играя зломъ и нося его за пазухой и сообщая другимъ не вѣрили, что умираютъ они отъ того; а кто умретъ, о томъ говорили, что только ему жить положено. Но нынѣ, однакоже разули свои глаза и смотрятъ ими остро, каждый проклиная свое прежнее невѣріе и недоумѣніе. Нуждъ мы никакихъ въ городѣ, а болѣе въ карантинѣ не имѣемъ да и не повстрѣтимся съ ними, ибо забота сія есть у насъ изъ первыхъ. Каждый призрѣнъ, и о довольствіи всякаго простирается испытаніе; а чтобъ при семъ случаѣ не имѣла казна излишнихъ расходовъ, то взятыя мною 1000 рублей издержи-

---

[1]) Писано въ томъ же году, но безъ обозначенія числа и мѣсяца.

ваются хозяйственнымъ образомъ: по 6 копеекъ въ день на душу, достаточно питаетъ бѣдныхъ, по мѣрѣ доставляемой провизіи. Словомъ, надѣемся на Бога искоренить чуму, и не будетъ намъ стыдно. И мнѣ хочется, чтобъ кременчугская полиція была примѣромъ и могла указать, что гдѣ употребляется равнодушное попеченіе и сильный присмотръ, тамъ язва не можетъ пожирать много людей» [1]).

«Изъ препровождаемаго у сего, подъ открытою печатью, къ его свѣтлости князю Григорію Александровичу рапорта моего усмотрѣть изволите оказавшееся, близь Херсона, нѣкоторое сомнительство, въ разсужденіи примѣненныхъ въ слободѣ г. генералъ-маіора Репнинскаго болѣе обыкновеннаго больныхъ, гдѣ хотя и не признано дѣйствительной опасности, я однакожъ принужденнымъ нашелся предпринять надъ тѣмъ селеніемъ должную предосторожность со стороны земской. Сіе обстоятельство побудило меня повторить вамъ, м. г., мысль мою въ предшедшемъ письмѣ изображенную, что край здѣшній не можетъ быть безопасенъ, доколѣ не послѣдуетъ рѣшительнаго предписанія о выдержаніи въ херсонскомъ карантинѣ всѣхъ безъ изъятія, приходящихъ изъ Турціи людей и всякого рода товаровъ чрезъ шестинедѣльное время, сообразно карантину ольвіопольскому, откуда никогда еще болѣзнь заразительная не могла быть приносима въ наши границы; почему и прошу покорнѣйше распространить сію пользу и къ сторонѣ Херсона, ибо я крѣпко опасаюсь военныхъ распоряженій и поспѣшно летающихъ оттоль съ апельсинами и другими фруктами курьеровъ; и, кажется мнѣ, что не можемъ мы здѣсь сказать смѣло о безопасности, кою насилу мы стрясли съ шеи по тамошнимъ разнообразнымъ начальствамъ.—N.B. Офицеръ карантинный ни о чемъ меня не рапортуетъ и, кажется, прилично военную стражу имѣетъ впереди, а когда придутъ въ карантинъ, то тамъ дѣло не ихъ; правда, сказать могутъ, что промышленникамъ покажется карантинъ и всѣ предосторожности скучными; но намъ однакожъ тягостнѣе видѣть

[1]) Писано 1784 года августа 28 дня.

умирающихъ и быть цѣлымъ намѣстничествомъ въ стѣсненіи и терпѣть во всѣмъ дороговизну. Сію часть я вижу въ такомъ положеніи, что въ случаѣ несчастія не буду знать, кто просмотрѣлъ и кто виноватъ; такъ какъ и было, что всѣ правы; къ отвѣту же я поближе всѣхъ, и первому мнѣ сотворите оплеуху, ибо между служивыми рѣдко найдутся больныя, такъ какъ и я здѣсь находилъ чрезъ шпіоновъ и обысканіи, а мужики скоро закричатъ, что «болѣзнь прошла, а отколь незнаемъ» [1]).

Изъ тѣхъ же писемъ къ В. С. Попову мы узнаемъ, что одновременно съ заботами объ искорененіи чумы И. М. Синельникова занимали вопросы о заведеніи въ городѣ училища, учрежденіи межевой экспедиціи, назначеніи переводчиковъ, объ устройствѣ аптеки, мостовъ, перевозовъ, почтъ въ краѣ, объ увеличеніи жалованья курьерамъ намѣстническаго правленія, о переводѣ смоленскаго драгунскаго полка въ бахмутскій и донецкій уѣзды «для способствованія въ пресѣченіи донцамъ непозволительнаго вывода людей изъ намѣстничества екатеринославскаго». «Таковое въ сихъ обстоятельствамъ споспѣшествованіе тѣмъ больше нужно, что хотя я, по мѣрѣ возможности старанія, съ желаемымъ успѣхомъ возбудилъ охоту въ польскомъ украинскомъ народѣ къ переселенію въ здѣшнюю губернію, который начинаетъ стекаться сюда со многихъ тамошнихъ мѣстъ; но въ то самое время, когда первая часть губерніи распространяется и наполняется новыми жителями, лѣвая опустошается своими же сосѣдями.» [2]).

Тѣ же письма говорятъ, сколько хлопотъ выпало на долю И. М. Синельникова, когда ему сообщено было о намѣреніи цесаревича и великаго князя Павла Петровича отправиться въ путешествіе по Новороссіи, съ цѣлью обозрѣнія мѣстъ и нуждъ народа [3]), а еще больше того при передвиженіи раскольниковъ

---

[1]) Писано 1785 г. марта 3 дня. Записки одес. общ. истор. и древн., т. IX, стр. 261—270.

[2]) Тамъ же, стр. 265.

[3]) Путешествіе это, однако, не состоялось.

села Знаменскаго таврической губерніи въ село Бѣлозерку [1]), о сооруженіи церквей въ слободѣ Диковкѣ и селѣ Новогригорьевскомъ, о построеніи таможни въ Красноселькѣ и о колонизаціи всего новороссійскаго края. Князь Потемкинъ особымъ ордеромъ писалъ Синельникову, «Весьма желательно, чтобы знаменскіе раскольники склонились проситься на таврической степи по рѣчкѣ Бѣлозеркѣ. Вамъ извѣстны изящныя тамошнія мѣста, дайте объ нихъ знать и, изъясня всѣ выгоды тамошняго пребыванія, посовѣтуйте имъ учредить тамъ свое жительство; скажите, что домы имъ построятся отъ казны, церковь каменная и монастырь, и что доставятся разныя выгоды; сіе для того наипаче желательно, что имѣвъ тамъ достаточное число земли, можно будетъ умножить селеніе желающими съ ними поселиться, чево по скудности земли въ настоящемъ пребываніи быть не можетъ. Я буду ожидать отъ васъ скораго на сіе донесенія, а между тѣмъ съ особливымъ пребываю почтеніемъ, 28 октября 1784 года» [2]). Исполняя волю князя Потемкина, И. М. Синельниковъ писалъ въ отвѣтъ на его ордеръ В. С. Попову, что «знаменскихъ раскольничьихъ дворовъ 120, мужска пола 499 душъ и ежели дано будетъ по 50 рублей на дворъ, полагая въ ономъ 4 души, а всего 6,250 рублей и льготы на 5 лѣтъ, то безъ сумнѣнія переведутца они на Бѣлозерку, давъ притомъ имъ время на избраніе своихъ домовъ и на переселеніе нынѣшнее лѣто, которымъ начавъ весною, перейтить они совсѣмъ туда будутъ должны; и сею малою потерею казенныхъ денегъ будетъ тамъ населеніе началомъ ко умноженію народа; а церковь или обѣщанный монастырь какъ угодно строить; а къ тому же надобно знать, что сія слобода правовѣрна, въ коей и священникъ Мартьяновъ сынъ, то, мнѣ кажется, имъ монастырь ненадобно... Хотя и не получилъ я отъ васъ на представленіе мое резолюціи его свѣтлости о заплатѣ за сторгованные у знаменцевъ 70 дворовъ денегъ, но какъ жители оного села, изготовляясь къ извѣстному переселенію, не прочутъ уже своихъ жилищъ, слѣдо-

[1]) Теперь той же губерніи, мелитопольскаго уѣзда.

[2]) Записки одесскаго общ. ист. и древн., IX, 283.

вательно и опустошать могутъ, а нѣкоторые распродываютъ въ постороннія руки, то и принужденъ я учинить заплату имъ, какъ за тѣ 70 дворовъ, въ коихъ имѣете вы доставленную отъ меня вѣдомость, 1050 р., 50 к., такъ и за вновь сторгованные 8, о коихъ также прилагается за рукою г. Стромберха, вѣдомость, 91 р., 50 к., а всего за 78 дворовъ 1142 рубля, изъ имѣющейся у меня его свѣтлости суммы, съ такимъ намѣреніемъ, что ежели обѣщанные его свѣтлостію русскіе крестьяне весною сюда и не будутъ, то до того будутъ въ тѣ домы впущены формируемые изъ за границы поселенцы, могущіе, по прибытіи крестьянъ, переселитца на другое мѣсто, дабы тѣмъ сохранить и жилища и церковь готовую, отъ переселенія тѣхъ знаменцевъ остаться на мѣстѣ долженствующею. Начинаю также населять, сверхъ нововозведенныхъ трехъ слободъ, третью, при самой границѣ, противъ польскаго села Нерубая, на выгодномъ и для вербованія поселянъ свободномъ мѣстѣ, для которой 14 семей на первый случай уже и выбрано; только прошу покорно испросить у его свѣтлости повелѣніе, какое сей новой слободѣ дать наименованіе... Въ слободѣ Диповкѣ, онажъ и Гутницкая, купленной у Семена Тимофѣевича Порошина, начинается строеніемъ церковь, по желанію мужиковъ, во имя святителя чудотворца Николая, собственнымъ ихъ коштомъ; а другая будетъ строитца въ новозаведенномъ селѣ Новогригорьевкѣ, также по желаю мужиковъ, собственнымъ ихъ коштомъ изъ валежника княжихъ лѣсовъ; такъ прошу доложить: какому святому дѣлать оную, или обождать и дѣлать впередъ каменную, какъ разбогатѣемъ, а на первый случай здѣлать часовню. На Самоткани его свѣтлость изволилъ пожелать сдѣлать какой-то по секрету домъ; а между тѣмъ не пришелъ бы въ гнилость лѣсъ, тамъ припасенный: то не благоугодно ли будетъ повелѣть между тѣмъ сдѣлать мнѣ и тамъ пріѣзжій домикъ готическій, дабы возможно было хозяину имѣть пристанище, о коемъ и планъ у сего слѣдуетъ. Присланнаго сюда отъ господина фонъ-Сталя [1]) кубовой краски мастера купца тульскаго Канилова, по обозрѣніи

[1]) Управляющій имѣніемъ князя Потемкина, въ могилевской губерніи.

имъ удобныхъ къ тому водворѣнію въ елисаветградскихъ его свѣтлости деревняхъ мѣстъ, отправилъ я, по его (князя Потемкина) желанію, для личныхъ объясненій къ вамъ, чрезъ Дубровну, съ тѣмъ чтобы господинъ фонъ-Сталь при окказіи, препроводилъ его изъ Дубровны далѣе, или же дождался объ немъ вашего извѣщенія [1]). Копію съ сенатскаго указа о людяхъ и земляхъ, отшедшихъ сюда изъ Воронежа и раздѣливпшихъ по душамъ (о запорожцахъ знаю что сказать), ибо о нихъ былъ манифестъ, чтобъ ишли по разрушеніи Сѣчи, куда пожелаютъ, изъ коихъ нѣкоторые пожелавшіе и записались за помѣщиками, по ихъ желаніямъ... Въ слободѣ Гутницѣ или Лицовое дѣлаю церковь; и прислали мужики просьбу о постройкѣже церкви въ Новогригорьевской слободкѣ вновь, съ прошлаго года не желаемой, то и тамъ поговорю съ мужиками, довольно-ли имѣютъ къ тому пріуготовленія. Благодарю за позволеніе купить сѣно; а о построеніи таможни въ Красносельѣ замолчали по боярски; видно у васъ и зимою льда не выпросишь; а я, кажется, дѣло представлялъ, когда таможня съ служителями квартируетъ по мужицкимъ дворамъ, по очереди, и таможенного орла, какъ будто вывѣску изъ улицы въ улицу переносятъ присутствующіе. Въ Красносельѣ церковь хорошо будетъ окрашена; торги умножаютца; все село покрывается вмѣсто соломы бывшей дубовою гонтою изъ валежника; избы переправлены и у всякаго двора поставлены большія ворота съ таковою же крышею, а усажены улицы деревьями и ростутъ. Садъ, занятый въ прошломъ году не меньше кременчугскаго, благодаря Бога, растетъ, и садовникъ хорошъ; пруды подняты и воды много; а не дождавшись резолюціи о таможнѣ, дѣлаемъ, для жилья своего, близь господскаго двора, три изрядныхъ дома: Комбурлея, Апикеева и Карамала, и Красноселье похоже на барское мѣстечко. Надобно еще усилить торги и подѣлать каменныя лавки и прочее, съ позволенія хозяина, какъ умножится кирпича и какъ, Богъ дастъ, обзаведусь хлѣбопашествомъ. Раздѣляя земли для удоб-

[1]) Писано 1786 года марта 2-го дня.

наго владѣнія и господской экономіи, назначилъ слободки Кауновку и Титову свести въ село Михайловское (которое однакожъ люди называютъ Плоское), дабы сіе село съ селеніемъ соединить съ хуторомъ, и чтобъ въ одномъ было 400 дворовъ и построена въ немъ была другая церковь; и тутъ будетъ главное хлѣбопашество, а красносельскіе жители доведены будутъ, сверхъ хлѣбопашества, къ торгу. Дицовка, гдѣ теперь кирпичной заводъ, и при коей будетъ сдѣланъ винной заводъ, Русская Богданка, Новогригорьевское, Рудая, Нуховка останутся при своихъ земляхъ, изъ коихъ кромѣ первой, надобно много еще добавить по числу людей. У знаменскихъ всѣ 172 двора куплены; и домы цѣлы, и сады сбережены; и ожидаю русскихъ крестьянъ обѣщанныхъ 1000 душъ. Прикосновенную къ селу Плоскому деревушку съ 13 дворами и 120 десятинами земли велѣлъ купить у попа за 800 р.; но священникъ хочетъ 1000, а я не даю. Надобно необходимо еще купить три слободы, одну у г. Араповой, другую у капитанши Радойчиной, а третью близь Знаменки и прикосновенную къ землямъ Русской Богдановки, о коихъ сторгуяся пришлю подробное описаніе. Въ Красносельи надобно сдѣлать магазины, чтобъ скупать изъ Польши хлѣбъ и, при удобномъ случаѣ, продавать въ магазины удаленные. Водяныя мельницы переправлены; но помышляю еще сдѣлать одну добрую вѣтряную и мастера нѣмца выписываю. Дай Богъ только мнѣ собраться съ силами, хлѣбомъ и деньгами, — а то будетъ хорошо. Имѣя помышленіе о польскихъ выходцахъ и о строгости поляковъ ко удержанію своихъ мужиковъ, коимъ однакожъ всѣхъ дорогъ пресѣчь никогда они не могутъ, не проминулъ я навѣдаться моимъ примѣчаніемъ о знатныхъ слободахъ, въ харьковской и воронежской губерніи лежащихъ, и нашелъ, что нѣкоторые господа по тысячи, по двѣ и по три, душъ черкасъ, съ землями и совсѣми выгодами продаютъ, прося по 50 и 40 рублей мужска полу душу. Сіи черкасы платятъ въ казну по 70 коп. съ души, а рекрутъ дать на одинъ украинскій бывшій гусарскій полкъ, комплектуя его тѣми помѣщичьими черкасами, коимъ доводится,

по множеству ихъ, давать рекрута съ 1000, а иногда и съ 1500 душъ; и мнѣ кажется, что казна мало имѣетъ отъ нихъ прибыли, въ разсужденіи русскихъ крестьянъ; а еслибы употребить сумму, и, купя таковыхъ черкасъ у помѣщиковъ въ казну, лучшихъ изъ нихъ людей оставить на тѣхъ-же самыхъ мѣстахъ, положа на нихъ, сверхъ подушныхъ и рекрутъ, оброку по 2 р. съ души,—то много-бы было прибыли, напримѣръ: 2000 душъ дастъ нынѣ въ казну подушныхъ 1400 р., а если изъ сего числа перевести на пустыя земли, въ екатеринославское намѣстничество или таврическую область, 1429 душъ, а оставить тамъ на прежнемъ жилищѣ съ вышеписаннымъ оброкомъ только 571 душу, то тоже самое получать-бы могла казна, что и всѣ 2000 душъ платили оную, и тотъ-же самый комплектовался-бы полкъ, который комплектуется изъ многаго числа душъ, коихъ также останется множество-же, въ разсужденіи многаго числа душъ сихъ черкасъ у помѣщиковъ. И такимъ образомъ, не открывая сего публикѣ, легко можно тысячъ десятка два душъ скупить. Поселеніе-жъ сихъ людей въ новыхъ мѣстахъ стоило-бы развѣ только самой малости, въ разсужденіи опредѣленія къ нимъ начальниковъ и вспоможенія частію лѣса. А впрочемъ, давъ имъ льготы на 10 лѣтъ и показавъ выходы земель и что оныя выдутъ изъ подданства въ казенныя обыватели, то сами они, своимъ иждивеніемъ, переселятся, яко люди привычные съ мѣста на мѣсто къ переходамъ и не боящіеся болѣзней отъ здѣшняго воздуха. А здѣсь они будутъ платить поземельный окладъ, и народъ лѣнивый и довольно глупый выучится у насъ, пограничныхъ жителей, называться воинскими обывателями, какихъ имѣемъ мы нынѣ, дающихъ рекрутъ отъ 30 душъ и содержащихъ одною губерніею 10 полковъ. А къ тому-жъ и плодоносная нашего края земля, небывалая во многихъ мѣстахъ подъ плугомъ, увидѣла-бы въ скоромъ времени на себѣ хлѣбопашцевъ» [1]).

Письма И. М. Синельникова къ В. С. Попову даютъ много

[1]) Записки одесскаго общества исторіи и древн., IX, 277—280.

указаній на заботы его и о другихъ, менѣе важныхъ, дѣлахъ: о пріѣздѣ въ Тавриду молодаго графа Строганова, о прибытіи въ Новороссію пересcы миледи Кравенъ, «острякъ-молодицы» [1]), о результатахъ ученыхъ занятій секретаря Якимова, которому порученъ былъ княземъ Потемкинымъ переводъ Иліады Гомера, и о назначеніи ему, по его бѣдности и немощи, пенсіи въ 300 рублей, о поискахъ серебряныхъ рудъ «вмѣстѣ съ жидомъ-мастеромъ, каторжнымъ колодникомъ, двумя купцами и пьянымъ аптекаремъ», о посылкѣ четырехъ учениковъ мѣстныхъ казенныхъ училищъ въ Петербургъ для обученія скульптурѣ, о большомъ весеннемъ наводненіи въ Днѣпрѣ, объ отпускѣ въ Бѣлоруссію 200,000 пудовъ соли, «для того, что здѣсь соль дешева въ продажѣ 25, 26 и 28 копѣекъ за пудъ», о прибыли отъ почтъ, мостовъ и перевозовъ. «Гдѣ содержатели почтъ брали отъ пары по 117 рублей, тамъ нынѣ 65; мостъ кременчугскій прежде содержался во всѣ четыре года по 7,200 рублей, а нынѣ первый годъ, 6,825, а послѣдніе по 5,775 рублей. Такъ я думаю, на всякой всячинѣ будетъ барышъ; новой же казенной палатѣ открыть способы я готовъ [2]). Тутъ же И. М. Синельниковъ проситъ В. С. Попова о наградахъ достойныхъ лицъ: нѣкоего Быстрицкаго за переводъ богословскаго сочиненія съ латинскаго языка на русскій, Шпеера — «пограничной таможни цольнера», Титова, Наковальнина, Смирнова, Шкляревича, Емцова, Самойловича за особое усердіе къ службѣ. «Объ немъ — Самойловичѣ — иначе промолвить нельзя, какъ герой чумной, или истинный Эскулапій или, когда хотите, Иппократъ. Ей, ей, я передъ вами не солгу» [3]). Благодаритъ за снисхожденіе наказанія нѣкоему Анисимову. «Благодарю за спасеніе отъ кнута и обрѣзанія ушей Анисимова, коему добрая дана школа сидѣніемъ въ мурьѣ, отъ ареста и отъ чумныхъ двухсрочныхъ карантиновъ, да еще пошколитца. Нужно здѣсь учить и многихъ, но отъ по-

[1]) Ученая англичанка, напечатавшая сочиненіе въ 1786 году о Крымѣ и Константинополѣ.

[2]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей,. IX, 271.

[3]) Тамъ же, стр. 270.

губленія сохрани насъ, Господь Богъ! Губить людей прилично безумнымъ боярамъ и богачамъ, а нашему добродѣтельному князю сіе несоотвѣтственно. Къ намъ же та пословица, что въ старину говорили: куда конь съ копытомъ, туда й ракъ съ клешней—вовсе пейдетъ, ибо мы и не бояре и не богачи» [1]). Проситъ о снисхожденіи къ проступку капитана Фридриха Геки. «Вчерась привели въ Кременчукъ мужики съ дубинами препровождаемаго отъ мѣста до мѣста въ симбирскій драгунскій полкъ, разжалованнаго изъ капитановъ, бывшаго волошскаго гусарскаго полку въ драгуны, Фридриха Гека; я его вины не знаю, а слышу, что онъ разжалованъ военною коллегіею за слабое содержаніе своей команды, коя ограбила татаръ. А мнѣ кажется, слабость съ глупостью родня; дуракамъ-же потребно наказаніе, а не несчастіе, коего они чувствовать не умѣютъ, и имъ не принадлежитъ. Здѣлай милость, естли его вина неважна, походатайствуй, чтобъ его, отдавъ чинъ, выгнали изъ службы, яко простака, и избавь несчастія жену, и дѣтей везущей за нимъ на телѣгѣ и волахъ. Ей, Богу больно; сіе чудо или, ближе сказать, нещастіе маршируетъ чрезъ губернію свѣтлѣйшаго и человѣколюбиваго князя, душевно привязаннаго къ добру. Прочти, Христа ради, письмо; а мнѣ многіе гвворили, что онъ погибъ отъ глупости» [2]).

Въ тѣхъ-же письмахъ И. М. Синельниковъ сообщаетъ о нѣкоторыхъ затрудненіяхъ, которыя онъ встрѣчалъ при исполненіи своихъ обязанностей, въ особенности вслѣдствіе медленности движенія курьеровъ, и сложности порученій, на него возлагаемыхъ.

Сейчасъ только пріѣхалъ курьеромъ господинъ Волховскій, съ посылкою Осипа Михайловича де-Рибаса, поѣхавшій прежде Балка за три дня, и поспѣвшій послѣ его въ двѣнадцатыя сутки. Я думаю, онъ подвигъ сей дѣлалъ скоро потому, что родня его Петръ Степановичъ, приказалъ ему, какъ можно скорѣе спѣшить и безъ сумнѣнія слѣдующими словами: «смотри-жъ, небоже, иди

---

[1]) Тамъ же, стр. 268.

[2]) Письмо 1786 года января 6 дня, тамъ-же, 273.

да худко идь, бо ты теперь не просто идешъ, а хурьеромъ»,—то онъ такъ и исполнилъ и ѣхалъ не просто, а натурально заѣзжалъ къ родычамъ и въ домъ свой въ Полтаву оббаиытысь и попастысь галушками. Поклонитесь отъ меня Петру Степановичу и попросите его, чтобъ онъ родычамъ своимъ на дорогу галушокъ не давалъ, а то онъ ихъ необычайными подвижностями занудитъ» [1]). «Такъ ли я написалъ Коховскому о порученіи ему провіантской таврическсой коммиссіи? Здѣлайте милость, пишите, какъ надобно, только избавьте меня таврическихъ магазиновъ, гдѣ одинъ маленькій чинъ безъ помощи губернатора тамошняго, ничего успѣшнаго сдѣлать не можетъ. Князь изволилъ приказать написать ордеръ отъ его свѣтлости, что онъ Варыпаева, за неисполненіе Коховскаго повелѣній, напишетъ въ солдаты; то на семъ увѣдомляю, а также и покорнѣйше прошу прочитать Коховскаго рапортъ и приложенныя къ нему отъ Варыпаева, которыя кажутся мнѣ, что онъ возилъ хлѣбъ безъ помощи его, хотя оной отъ него просилъ, да не выпросилъ. Впрочемъ я, какъ не мастеръ вину слагать на маленькихъ людей, то и не могу судить Варыпаева, не исполнилъ, или нельзя было ему лучше произвесть, то есть: не дано подводъ, такъ надобно нанимать, и сколько успѣлъ, столько нанялъ, а Коховскій могъ ему приказать, какъ хотѣлъ, ибо онъ и отъ меня о сей матеріи два сообщенія имѣлъ, даже и цѣну положилъ по его благоразсмотрѣнію; но онъ чуждался, какъ будто посторонній, а обязанъ столько-же, по его званію, сколько и я, пещися о продовольствіи войскъ» [2]).

Работая энергично, безпрестанно и неусыпно, заботясь всего больше о благѣ края, о нуждахъ другихъ лицъ, П. М. Спильниковъ мало, однако, былъ отличаемъ въ Петербургѣ; въ письмахъ къ А. С. Попову онъ замѣчаетъ о невниманіи къ себѣ начальства. «Посылаю къ вамъ поданную челобитную отъ Ларіона Спиридоновича [3]) о владимірскомъ орденѣ: а намъ съ старикомъ Воино-

[1]) Тамъ же, стр. 267.

[2]) Тамъ же, стр. 271.

[3]) Л. С. Алексѣева.

вымъ [1]) хотя бы уже изъ особой милости свѣтлѣйшаго князя тутъ же пожаловали, причитая намъ въ работизну провіантское ремесло [2]), и что есть въ насъ надежда и впредь къ собранію денегъ; а для меня лестно было-бы больше, потому что извѣстно вамъ: два предводителя Панинъ и Долгоруковъ за драку съ турками обѣщали, да не доставили; а свѣтлѣйшій благотворитель и за новыя и за старыя службы награждать трудящихъ успѣваетъ... Помнитца мнѣ и вы знаете, что я, премьеръ-маіоромъ будучи, командовалъ и Штеричемъ и Шевичемъ, а Дунинъ часто былъ въ моей командѣ; да я не знаю, они какъ-то выслужилися меня прежде, и потому далеко отъ нихъ отсталъ, и осталося при немъ одно: что милостивъ Богъ и добръ свѣтлѣйшій князь. Онъ мнѣ изволилъ сказать: «поѣзжай и постарайся и будь мнѣ вѣренъ, а за мною дѣло не станетъ пещися о награжденіи тебя»; сіе было тогда, какъ вы дружески уцѣпились защищать меня отъ клеветы. И такъ я, помня сіе веду себя и вѣрнымъ и усерднымъ, день и ночь потѣю надъ бумагами и надъ вычетами, какъ бы копѣйки не прощитать... Прескверно; я уже четвертую недѣлю капляю и похожъ сталъ на жирнаго и громогласнаго Матвѣя Аѳонина [3]); ужъ и баса пѣть не могу! Апропо: сему Матвѣю Философову о жалованьи ничего не упомянули; а онъ говоритъ, что желудокъ его воздуха не варитъ. Іосифъ Михайловичъ де-Рибасъ и за водами и за дѣвками, гостилъ здѣсь до сего дня».

Таковы были обязанности И. М. Синельникова по устройству края вообще, но на него возложено было кромѣ того и построеніе самаго города Екатеринослава на берегу Днѣпра. Къ постройкѣ Екатеринослава онъ долженъ былъ приступить немедленно, со всею скоростью, «гигантскими шагами». «Правителю

---

[1]) Вице-губернаторъ при И. М. Синельниковѣ, бригадиръ Воиновъ.

[2]) Не нужно забывать, что Синельниковъ завѣдывалъ и провіантомъ войскамъ.

[3]) Товарищъ по университету Потемкина, отличавшійся особенною худобою.

[4]) Тамъ-же, стр. 261, 265, 273.

намѣстничества екатеринославскаго, господину генералъ-маіору и кавалеру Синельникову. Предложа екатеринославской казенной палатѣ объ отпускѣ вашему превосходительству 200,000 рублевъ на строеніе губернскаго города Екатеринослава, предлагаю вамъ, по принятіи означенной суммы, приступить *немедленно* къ заготовленію матеріаловъ и припасовъ сколь можно въ большемъ числѣ по близости къ означенному отъ меня подъ тотъ городъ мѣсту, гдѣ теперь находится деревня Половица. Ваше превосходительство, примите также мѣры къ пріисканію мастеровыхъ и рабочихъ людей, дабы такимъ образомъ ничего уже не препятствовало открытію и произведенію работъ на семъ новомъ городѣ, посвященномъ славѣ имени величія нашея самодержавицы. Князь Потемкинъ, 10 октября, 1786 года» [1]).

Постройка города Екатеринослава затѣвалась на самыхъ широкихъ началахъ; въ немъ должны быть: университетъ [2]), музыкальная академія, академія художествъ, ботаническій садъ, колоссальный городской соборъ [3]), нѣсколько православныхъ и неправославныхъ церквей, двѣнадцать различныхъ казенныхъ фабрикъ, гостинный дворъ, городскія пропилеи съ биржею и театромъ въ срединѣ, городскія палаты во вкусѣ греческихъ и римскихъ, архіепископія съ дикастеріей и духовной схолой, дома—инвалидовъ, губернаторскій, вице-губернаторскій, дворянскій, наконецъ аптека, колодцы, бассейны, фонтаны и плотины, а въ остальныхъ городахъ намѣстничества по «одному главному училищу для большихъ классовъ и для приготовленія самихъ учителей какъ для русскихъ такъ и для тѣхъ, кои греческій

[1]) Владиміровъ. Первое столѣтіе г. Екатеринослава. Екатеринославъ, 1887, 56.

[2]) По преданію, на островѣ Монастырскомъ или Потемкинскомъ. Ордеръ объ основаніи университета данъ былъ княземъ Потемкинымъ на имя И. М. Синельникова. Записки одес. общ. исторіи и древн., II, отд. II, 743.

[3]) Во имя Преображенія Господня, по плану архитектора Геруа, 71 саж. длины, 21 саж. съ аршиномъ ширины и 65 саж. съ однимъ аршиномъ съ третью высоты. Этотъ соборъ долженъ быть «на одинъ аршинчикъ длиннѣе, чѣмъ соборъ Петра въ Римѣ» (слова Потемкина).

или татарскій языкъ употребляютъ, по примѣру с.-петербургскихъ народныхъ школъ». Для самаго города и его предмѣстьевъ отведено было пространство земли въ 20 верстъ длины и 15 ширины, т. е. площадь въ 300 квадратныхъ верстъ, и къ этому особый выгонъ для пастбища скота въ 80 тысячъ десятинъ; кромѣ выгона къ городу предполагали еще присоединить острова Монастырскій, для заведенія на немъ ботаническаго сада при университетѣ, и Становой для увеселенія жителей и ловли рыбы около него въ Днѣпрѣ, съ цѣлью увеличенія городскихъ доходовъ. Для постройки города единовременно отпущено было 200,000 рублей, выдача которыхъ продолжена была потомъ еще на пять лѣтъ, высланы были на три года 12 полковъ, опредѣлены всѣ суммы упраздненныхъ новороссійской и азовской губерній, всѣ деньги, поступавшія въ уѣздныя казначейства екатеринославскаго намѣстничества, и наконецъ, спеціально ассигнованная ежегодная субсидія въ 2,000 рублей «на непредвидѣнныя надобности». Самому «правителю» екатеринославскаго намѣстничества, И. М. Синельникову опредѣлено было «столовыхъ денегъ» 250 рублей въ мѣсяцъ, т. е. 3,000 рублей въ годъ, которые онъ долженъ былъ получать изъ строительной суммы. «Правителю намѣстничества екатеринославскаго генералъ-маіору и кавалеру Синельникову. По возложеніи на васъ строенія города Екатеринослава опредѣляю я вашему превосходительству столовыхъ денегъ по двести по пятидесяти рублевъ на мѣсяцъ, которые имѣете получить изъ строительной суммы. Князь Потемкинъ, октября 10 дня 1786 года.»

Для фабрикъ возникавшаго Екатеринослава выписывались отовсюду мастеровые люди, для возведенія городскихъ зданій назначена была «экспедиція построенія города» съ особымъ штатомъ чиновниковъ, для скорѣйшаго сооруженія частныхъ домовъ позволена была строителямъ ссуда казенныхъ матеріаловъ, выборъ лучшихъ мѣстъ и свобода отъ постоевъ солдатъ, наконецъ для учено-эстетическихъ учрежденій опредѣлены исторіографъ де-Гюень (de-Guenne) съ жалованьемъ въ 1,500 рублей въ годъ, профессора Ливановъ, Прокоповичъ и Гибалъ съ

жалованьемъ по 800 рублей, художники Неретинъ, Захарченко и Бухаровъ, съ жалованьемъ по 150 рублей каждому въ годъ и наконецъ директоръ музыкальной академіи Сарти. «Правителю намѣстничества екатеринославскаго господину генералъ-маіору и кавалеру Синельникову. Чтобы споспѣшествовать по сей возможности созданію города Екатеринослава и побудить частныхъ людей къ построенію домовъ, палатей, предполагаю я преподавать онымъ способствованіе ссудою нужныхъ матеріаловъ отъ стороны казенной, ваше превосходительство, имѣете о томъ объявить во всемъ намѣстничествѣ, присовокупивъ къ сему, что кто прежде другихъ начнутъ строиться, тѣ воспользуются лучшимъ мѣстомъ и за таковое доброе начало получатъ увольненіе отъ постоевъ. Князь Потемкинъ Таврическій, іюня 17 дня 1787 года». «Правителю намѣстничества екатеринославскаго генералъ-маіору и кавалеру Синельникову. По представленію вашему считаю занужно учрежденіе экспедиціи для строенія губернскаго города Екатеринослава утверждаю я препровождаемый здѣсь штатъ оныя и деньги по тому штату на чиновъ слѣдующія девятьсотъ пятьдесят рублевъ предписываю отпустить изъ строительной суммы. Что-жъ принадлежитъ до опредѣленія чиновъ, то имѣете на вакацію присутствующаго помѣстить одобряемаго вами надворнаго совѣтника Михаила Замятина, въ казначеи титулярнаго совѣтника Ивана Нечаева, на прочія же мѣста опредѣлить достойныхъ людей по вашему разсмотрѣнію. Сія экспедиція состоя подъ точнымъ вашимъ вѣдомствомъ долженствуетъ всемѣрно пещись объ успѣхахъ въ строеніи города совсевозможнымъ наблюденіемъ пользы казенной. Князь Потемкинъ Таврическій, іюля 5 дня 1787 года. Кременчугъ» [1]). «Правителю екатеринославскаго намѣстничества генералъ-маіору Синельникову. Директоръ екатеринославской музыкальной академіи господинъ Сарти отправленъ отъ меня въ Кременчугъ, которому извольте приказать отвесть выгодную

---

[1]) Владиміровъ. Первое столѣтіе города Екатеринослава, Екатеринославъ, 1887 г., 56 и 57.

квартиру и надлежащее по требованію его чинить удовлетвореніе, для чего предлагается здѣсь переводъ съ заключеннаго съ нимъ контракта [1]). Распоряженія его касательно музыки долженствуютъ быть исполняемы. Князь Потемкинъ, 14 марта 1787 года» [2]).

При постройкѣ города Екатеринослава И. М. Синельниковъ встрѣтилъ разныя затрудненія и прежде всего со стороны самой стихіи—разлива весенней воды. Апрѣля 21 числа онъ писалъ В. С. Попову. «Я ѣду въ шлюпкѣ по улицамъ (Кременчуга) къ княжескому дому смотрѣть, какъ вода, прорвавъ плотину, ворвалась въ нижнюю куртину сада, а отколь въ Крюковъ на помощь къ Тебекину, изловившему и установляющему па большіе якоря большія для соли здѣланныя суда, которыя вчерашнею сильною бурею сорвало съ малыхъ якорей. Вотъ какъ гуляетъ наша полая вода! Цѣлая половина города въ водѣ, а еще пребываетъ... Чуть не унесло мачтовыхъ деревъ, слѣдующихъ въ Херсонъ; каждую порознь переловя привязали къ канатамъ. Представьте ширину, болѣе семи верстъ, сильными вѣтрами всколебавшуюся вчерась; строеніе и что могло быть слабымъ ломаетъ вода... Божественными усты говорилъ свѣтлѣйшій князь, что мы дураки для чего селились на низкихъ мѣстахъ». Нѣтъ ни единаго погреба и ледника, въ коемъ не было бы воды; какое-же будетъ здоровье для людей, когда сольетъ вода и наступятъ жары, станутъ парить прокислую воду?» [3]) «Однако же, какъ ни велика она была, но сыскались такіе люди, кои большей водѣ показывали мѣста, гдѣ она бывала въ давнія времена и я вымѣривая нашелъ, что была больше полтора аршина. Словомъ, теперешняя вода во многихъ

[1]) По контракту Сарти получалъ 3,500 руб. въ годъ, кромѣ подъемныхъ 2,500 руб. на проѣздъ изъ Петербурга въ Екатеринославъ, казенную квартиру и дрова, за что обязывался учить музыкѣ и сочинять музыкальныя пьесы, въ которыхъ окажется надобность.

[2]) Гавріилъ. Очеркъ повѣствованій о новороссійскомъ краѣ. Тверь, 1857 г., II, 14.

[3]) Записки одесск. общ. истор. и древн., IX, 277.

*

домикахъ была подъ крышу, а та переѣхала бъ подъ потолокъ» [1]).

Это обстоятельство заставило И. М. Синельникова сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы жители строившагося города Екатеринослава селились на возвышенномъ берегу Днѣпра, ближе къ Монастырскому острову. «Я перестану теперь планы на дворы подписывать, не измѣривши самихъ мѣстъ, опасаясь, чтобы не накостыляли мнѣ шеи. Теперь-то много охотниковъ садиться на горѣ, гдѣ будетъ новый Екатеринославъ. Всякій говоритъ, чтобъ садиться отъ Днѣпра повыше; однакожъ и тамъ, селеніе Половицы, лежащаго надъ городомъ, вода не занимала» [2]). Разумѣется, это обстоятельство въ сильной степени задерживало построеніе Екатеринослава. Не мало также задержало построеніе города и слишкомъ продолжительное разсматриваніе плановъ, для сооруженія города, представленныхъ И. М. Синельниковымъ на утвержденіе князя Потемкина въ Петербургъ. «Честь имѣю препроводить при семъ два плана, снятые по инструменту: одинъ съ прожектомъ и раздѣленіемъ города на кварталы, съ другой съ показаніемъ положенія мѣста,—то и не будетъ ли благоугодно сей планъ апробовать и меня онымъ снабдить для приступленія къ строенію. Я буду ожидать вашего разрѣшенія. Многіе изъ желающихъ строиться просятъ у меня отводу мѣстъ, къ чему такожъ безъ плана приступить неможно; то симъ обстоятельствомъ не признано ль будетъ за нужное означить на планѣ особо казенныя строенія отъ партикулярныхъ? Какъ же въ прошломъ году писано было ко мнѣ, что присланы будутъ ко мнѣ планы и смѣты, то не угодно ли будетъ прислать одни только планы, а смѣты я могу сдѣлать на мѣстѣ, соображаясь къ здѣшнимъ цѣнамъ и найму рабочихъ людей, а потому и означиться тамъ строеніе, сходно съ высочайшимъ указомъ» [3]). Не малою также помѣхою для построенія

[1]) Тамъ же, 275.
[2]) Тамъ же, 275.
[3]) Тамъ же, 276.

города служила и медленная выдача казенныхъ субсидій, и еще больше того—недостатокъ рабочихъ рукъ.

Тѣмъ не менѣе, вскорѣ послѣ основанія Екатеринослава, князь Потемкинъ писалъ императрицѣ: «Я, матушка, прошу воззрѣть на здѣшнее мѣсто, какъ на такое, гдѣ слава твоя оригинальная и гдѣ ты не дѣлишься ею съ твоими предшественниками; тутъ ты не слѣдуешь по стези другаго». И «матушка-государыня» пожелала воззрѣть на вновь пріобрѣтенный и устраиваемый южный край, чтобы самолично и воочію убѣдиться, на сколько справедливы были толки придворныхъ завистниковъ и недоброжелателей Потемкина, представлявшихъ Новороссію безводной и безплодной пустыней, а дѣйствія князя по ея устройству—химерой и фантазіей. Въ 1786 году было объявлено, что императрица Екатерина II предпринимаетъ путешествіе въ новороссійскій край, съ цѣлью лично обозрѣть вновь заселенныя мѣста. Предъ этимъ князь Потемкинъ вызвалъ изъ Екатеринослава въ Петербургъ И. М. Синельникова и тутъ далъ ему приказаніе устроить дороги, поставить каменныя мили, насадить плантаціи, открыть кирпичные и черепичные заводы, вырыть колодцы, заготовить матеріалы для постройки города Екатеринослава, соорудить временные дворцы и тріумфальныя ворота въ мѣстахъ екатеринославскаго намѣстничества, гдѣ будетъ проѣзжать, по заранѣе составленному маршруту, государыня [1]). Возвратясь на мѣсто, И. М. Синельниковъ отрядилъ подполковника Наковальнина и далъ ему отъ себя порученіе осмотрѣть дороги, мосты, переправы и мѣста для сооруженія дворцовъ и тріумфальныхъ воротъ. Но Потемкинъ и послѣ этого не оставлялъ Синельникова. Послѣ отъѣзда Ивана Максимовича изъ Петербурга въ Екатеринославъ, князь отправлялъ ему частыя письменныя наставленія, въ виду «шествія императрицы», и, называя его въ своихъ ордерахъ «усерднымъ

---

[1]) Маршрутъ напечатанъ въ «Запискахъ одесскаго общества исторіи и древностей», т. II, от. II и III., 7—59; IX, 280.

и дѣятельнымъ слугою отечества [1]), всячески побуждалъ къ скорѣйшему окончанію необходимыхъ построекъ для встрѣчи императрицы. Синельниковъ отвѣчалъ въ канцелярію князя жалобою на неимѣніе денегъ, на которыя онъ могъ бы закупить матеріалъ и перевести его черезъ длинныя степныя пространства къ опредѣленнымъ мѣстамъ. «Часто вы говорите: давай да подавай, а денегъ нѣтъ ни копѣйки»; нѣтъ и рабочихъ силъ, чтобы дѣлать дѣло. «Гдѣ крестьяне, обѣщанные въ домы знаменскихъ раскольниковъ, кои куплены и караулятъ ихъ? Хоть уже тѣхъ бы 300 душъ прислали, которыя сторгованы Державинымъ; онъ ко мнѣ писалъ, что 1000 ищетъ, да еще не сыскалъ» [2]). Синельниковъ жаловался на то, что у него даже нѣтъ шлюпки, на которую можно было бы принять императрицу при выходѣ ея изъ судна въ Кременчугѣ, и нѣтъ достаточнаго количества каретъ, и просилъ прислать изъ Петербурга по крайней мѣрѣ 6 каретъ «для господъ» [3]).

Во время наставшаго въ 1787 году путешествія императрицы, И. М. Синельниковъ былъ однимъ изъ видныхъ дѣйствующихъ лицъ при особѣ государыни и князя Потемкина, какъ хозяинъ новороссійскаго края.

Изъ Петербурга императрица Екатерина II, въ январѣ мѣсяцѣ 1787 года, прибыла сперва въ Кіевъ. Изъ Кіева ранней весной, 22 апрѣля, она отправилась внизъ по Днѣпру со всею своею свитою, съ разными послами, на 80 галерахъ, нарочно для ея путешествія устроенныхъ, ярко раззолоченныхъ, разукрашенныхъ амурами и флагами, снабженныхъ музыкантами и пѣвцами. И. М. Синельниковъ встрѣтилъ императрицу у мѣстечка Крылова, на западной границѣ екатеринославскаго намѣстничества и потомъ послѣдовалъ за нею внизъ по Днѣпру въ городъ Кременчугъ, слободу Святотроицкую и мѣстечко Переволочну. Плаваніе сильно затруднялось поднявшимися на Днѣпрѣ

[1]) Тамъ же, 748.

[2]) Тамъ же, IX, 278.

[3]) Тамъ же, 281.

противными вѣтрами. Седьмаго мая, не доѣхавъ еще и до Новаго Кодака, императрица получила извѣстіе отъ графа М. П. Румянцева, что на встрѣчу ей выѣхалъ изъ города Херсона австрійскій императоръ Іосифъ II съ графомъ Кобленцомъ, прибывшій въ Россію для переговоровъ о разныхъ политическихъ дѣлахъ, подъ именемъ графа Фалькенштейна. Императрица тотчасъ вышла на берегъ, сѣла въ карету и, въ сопровожденіи принца де-Линя, графа Дмитріева-Мамонова и графини Браницкой, выѣхала въ степь. Въ 30 верстахъ отъ Новаго-Кодака [1]) императрица и императоръ, по выраженію самой Екатерины, встрѣтились «носъ съ носомъ», потомъ сѣли вдвоемъ въ одинъ экипажъ и направились обратно, къ Новому-Кодаку [2]). Въ Новомъ-Кодакѣ для высокихъ гостей устроены были тріумфальныя ворота и временный дворецъ. Тріумфальныя ворота разукрашены были гирляндами всевозможныхъ цвѣтовъ и золотыхъ колосьевъ и имѣли изъ большихъ золотыхъ буквъ надпись: «Твоя отъ твоихъ, тебѣ приносящихъ». Здѣсь императрицу и императора встрѣтилъ князь Потемкинъ и генералъ-маіоръ Синельниковъ: они стояли на колѣняхъ и держали въ рукахъ хлѣбъ-соль.

Изъ Новаго-Кодака И. М. Синельниковъ послѣдовалъ за императрицей въ село Половицу, гдѣ воздвигался городъ, долженствовавшій *прославить имя ея, Екатеринославъ*. Въ то время вся Половица представляла изъ себя громаднѣйшій складъ разнороднаго строительнаго матеріала: даже предмѣстья ея были загромождены множествомъ камней, извести, алебастра и кирпича съ его заводами, а берега Днѣпра покрыты были плотами сплавнаго строеваго лѣса. Тутъ, на возвышенности съ правой стороны Днѣпра, гдѣ онъ, поворотивъ съ востока на югъ, обра-

---

[1]) По преданію, близъ корчмы козака Галайды.

[2]) Изъ писемъ императрицы Екатерины II къ Гримму. С. и. общ., XXII. О томъ же самомъ см. «Журналъ путешествія императрицы Екатерины II, (Москва. 1787 г.). По извѣстію первыхъ, свиданіе произошло въ 30 верстахъ отъ Новаго-Кодака, а по извѣстію втораго—въ 3 верстахъ. Намъ кажется болѣе правдоподобнымъ указаніе самой императрицы.

зуетъ довольно широкій и возвышенный полуостровъ, среди зелени майскихъ цвѣтовъ, была устроена царская палатка съ походной полковой церковью, у которой встрѣтилъ великую государыню архіепископъ екатеринославскій, херсонскій и таврическій Амвросій съ крестомъ въ одной рукѣ и святою водой въ другой. Выслушавъ литургію въ походной церкви, императрица приложилась къ кресту и, поклонившись на всѣ четыре стороны народу, положила первый камень въ основаніе соборнаго храма Преображенія Господня въ городѣ Екатеринославѣ; второй камень положилъ австрійскій императоръ Іосифъ II; третій—свѣтлѣйшій князь Потемкинъ, четвертый—высокопреосвященнѣйшій Амвросій и наконецъ пятый—генералъ-маіоръ, правитель губерніи, Синельниковъ, какъ представитель всего народа екатеринославскаго намѣстничества. Такъ совершилась закладка екатеринославскаго собора, по своей величинѣ въ то время единственнаго въ мірѣ [1]). Теперешняя ограда екатеринославскаго собора служитъ указаніемъ минувшихъ великихъ предначертаній императрицы Екатерины II, померкнувшихъ со смертью князя Потемкина и перваго правителя Екатеринослава, «правой руки и лучшаго друга свѣтлѣйшаго», И. М. Синельникова.

Въ Екатеринославѣ императрицѣ поднесли, какъ издѣліе мѣстной фабрики, шелковые чулки до того тонкіе, что ихъ можно было вложить въ скорлупу грецкаго орѣха [2]).

При громѣ пушекъ, грохотѣ ружей и восторженныхъ кликахъ радостнаго народа императрица съ императоромъ, послами и свитой отправилась того же дня отъ мѣста Екатеринослава въ имѣніе самого И. М. Синельникова, у праваго берега Днѣпра, противъ Ненасытецкаго порога; здѣсь назначенъ былъ царскій обѣдъ. Сюда же велѣно было привести и царскія галеры, которыя были поручены управленію каменскихъ лоцмановъ, послѣ того, какъ они замѣнили въ нихъ рули на стерна; мѣстомъ

---

[1]) Одинъ фундаментъ, выведенный для церкви, стоилъ 71,102 руб. и 45¼ коп.

[2]) Впрочемъ, уже въ то время ходили слухи, что за этими чулками свѣтлѣйшій посылалъ особаго курьера въ Парижъ.

сбора ихъ назначенъ былъ островъ Козловъ, стоящій при входѣ въ самый порогъ Ненасытецъ. На всемъ пространствѣ своего имѣнія, по обѣ стороны дороги, гдѣ должна была проѣзжать государыня, И. М. Синельниковъ насадилъ въ окопанныхъ треугольникахъ большіе кусты цвѣтущихъ розъ [1]). А противъ самого Ненасытеца, на возвышенныхъ вершинахъ вѣковыхъ огромныхъ скалъ, сглаженныхъ наносною землей и покато вдавшихся неправильными уступами въ порогъ, Синельниковъ соорудилъ для пріема высокой гостьи великолѣпный деревянный дворецъ съ балкономъ [2]), съ котораго открывался чарующій видъ на дикій, грозный, но вмѣстѣ съ тѣмъ величественный и могучій порогъ, извѣстный у славянъ-язычниковъ подъ именемъ Неясыти, у русскихъ христіанъ—Ненасытца, у мѣстныхъ лоцмановъ—«хмурого, сердитаго Дида».

Отобѣдавъ императрица вышла на балконъ и приказала спустить свои галеры черезъ Ненасытецкій порогъ. Рѣшено было, сперва, въ видѣ опыта и для указанія хода, пустить черезъ порогъ два небольшихъ судна: большую рыбачью лодку или такъ называемый дубъ и особенное судно подполковника Фалѣева. Въ дубъ сѣли пять человѣкъ рыбаковъ изъ мѣстныхъ крестьянъ И. М. Синельникова; изъ нихъ одинъ, по фамиліи Бѣляй, былъ за кормчаго. Рыбаки безстрашно сѣли въ дубъ, набожно перекрестились и быстро пустились въ порогъ. Уже прошли они благополучно одиннадцать лавъ или уступовъ порога, но вотъ на послѣдней, двѣнадцатой, лавѣ дубъ ихъ быстро нырнулъ въ каскадъ кипучихъ волнъ и, казалось, совершенно безслѣдно исчезъ подъ водою. Императрица, сидѣвшая въ это время на балконѣ дворца и слѣдившая съ живѣйшимъ интересомъ за плывшимъ по Днѣпру дубомъ, съ испугомъ отворотилась и, взглянувъ на князя Потемкина, съ недоумѣніемъ спросила: «Какъ развѣ они погибли?» Князь самъ

[1]) Треугольники эти сохранились до нашего времени и только лѣтъ двадцать тому назадъ были безслѣдно перепаханы.

[2]) Въ томъ мѣстѣ, гдѣ у настоящей владѣлицы М. А. Синельниковой калитка для выхода изъ сада на порогъ.

былъ встревоженъ, но И. М. Синельниковъ, привыкшій часто видѣть подобныя явленія на порогѣ и знавшій ловкость и находчивость своихъ рыбаковъ, спокойно указалъ князю на отважныхъ пловцовъ, очутившихся уже далеко ниже порога. Но государыня только тогда успокоилась, когда сама увидала ихъ. Она тотчасъ призвала къ себѣ кормчаго Бѣляя и лично пожаловала ему 50 рублей. Послѣ этого прошло судно подполковника Фалѣева; князь Потемкинъ и принцъ де-Линь тщетно пытались спуститься на этомъ суднѣ черезъ Ненасытецъ: императрица воспретила имъ. За судномъ Фалѣева пустились царскія галеры, подъ управленіемъ каменскаго лоцмана Моисея Ивановича Полторацкаго и его помощника Непокрытенка. Суда прошли благополучно, и императрица щедро наградила отважныхъ лоцмановъ за ихъ подвигъ. Главный лоцманъ, Полторацкій, управлявшій царскими судами, произведенъ въ дворяне и пожалованъ землей и чиномъ поручика, 13-лѣтній сынъ его прапорщикомъ, помощникъ Непокрытенко и остальные лоцмана получили денежныя награды.

Послѣ этого, налюбовавшись Ненасытецомъ и безподобнымъ видомъ, открывающимся съ него на Днѣпръ и ближайшія окрестности, императрица того же дня 9-го мая оставила Ненасытецъ и направилась дальше черезъ балку Капцлерку, слободу Хортицу,—имѣніе тайнаго совѣтника Черткова, станцію Томаковку, городъ Никополь, станцію Базавлукъ, слободу Еленскую-Грушевку—имѣніе князя Вяземскаго, балку Золотую, слободу Носоковку—имѣніе бригадира Перета, рѣку Каменку, городъ Берпславъ, балку Бургунку, село Никольское при рѣкѣ Тягинкѣ, слободу Николаевку и наконецъ 12-го мая прибыла въ Херсонъ. Во время путешествія императрицы Екатерины II И. М. Синельниковъ, какъ правитель намѣстничества, безотлучно находился при особѣ государыни. Она съ большою любознательностію разспрашивала его обо всемъ, что касалось края, осталась очень довольна его отвѣтами и еще больше того распоряженіями.

Изъ Херсона И. М. Синельниковъ, въ числѣ другихъ, со-

провождалъ государыню въ слободу Бѣлозерку, принадлежавшую графу Александру Андреевичу Безбородку [1]), потомъ своза въ Херсонъ, изъ Херсона обратно въ Берславъ. Въ Бериславѣ 18-го мая императрица сѣла на шлюпку, объѣхала лежащій среди Днѣпра противъ города островъ Тавань, находящійся между Днѣпромъ и Конкой, и потомъ вышла на таврическій берегъ, гдѣ ее встрѣтилъ таврическій правитель Михаилъ Васильевичъ Коховскій. Здѣсь И. М. Синельниковъ былъ отпущенъ до времени возвращенія императрицы въ Бериславъ, т. е. до 1-го іюня.

Перваго іюня И. М. Синельниковъ уже вновь встрѣтилъ императрицу и потомъ отъ Берислава сопровождалъ ее въ деревню Новую-Почту, Давыдовъ-Бродъ, слободу Блакитную, Шестерню, Пономареву, Кривой-Рогъ, Недай-Воды, Евстафіевку, Анновку,—принадлежавшую тому же графу Безбородку, Желтую, Курью-балку, село Зыбкое, Онуфріевку и наконецъ въ городъ Кременчугъ. При отбытіи императрицы изъ Кременчуга, И. М. Синельниковъ былъ всемилостивѣйше пожалованъ оршанскимъ старостомъ въ Бѣлоруссіи съ 500 крѣпостныхъ душъ, золотою табакеркою, украшенною брильянтами [2]). Это староство потомъ куплено было у Синельникова княземъ Потемкинымъ за 50 т. руб. «Въ семъ намѣстничествѣ, писала императрица изъ Кременчуга въ Москву главнокомандующему генералу Еропкину, вездѣ видна дѣятельность, которая увеселяетъ премного, 30 апрѣля 1787 года».

По отъѣздѣ императрицы Екатерины II изъ новороссійскаго края И. М. Синельниковъ, вновь обратился къ своимъ обязанностямъ, построенію города Екатеринослава и заселенію Новороссіи. Князь Потемкинъ особымъ ордеромъ 1787 года предписалъ Синельникову «какъ для занятія пустыхъ мѣстъ области

[1]) Что село Бѣлозерка принадлежало въ то время графу Безбородку, въ томъ убѣждаетъ насъ «Журналъ путешествія императрицы Екатерины II» (Москва, 1787, 68) и «Дневникъ Храповицкаго» (С.-Петербургъ, 1874, 35).

[2]) Въ настоящее время хранится у генералъ-маіора А. Н. Синельникова.

таврической, такъ и для нужнаго въ тѣхъ мѣстахъ пристанища и возбужденія къ выходу и поселенію на изобилующихъ многими выгодами земляхъ переселить изъ екатеринославскаго намѣстничества (прежде всего полтавскаго и кременчугскаго уѣзда) и другихъ заграничныхъ людей до 7000 душъ, водворивъ оныхъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, отъ урочища Мечетной и Западной Каиръ внизъ по Днѣпру до Алешекъ, снабдивъ каждый дворъ по 24 рубля, давъ на каждую душу по 15 десятинъ земли, позволивъ имъ продать въ свою пользу дома и строенія и освободивъ отъ платежа поземѣльныхъ денегъ на 10 лѣтъ» [1]).

Въ 1787 году, 21 августа, открылась вторая турецкая война при императрицѣ Екатеринѣ II [2]). Теперь екатеринославскому правителю, И. М. Синельникову особенно много выпало заботъ по устройству черноморскаго флота и продовольствія арміи. Въ тоже время ему вмѣнено было въ обязанность каждые полмѣсяца рапортовать князю Потемкину о дѣлахъ въ екатеринославскомъ намѣстничествѣ и въ особенности слѣдить за движеніями турокъ. Но дѣла казались на столько важны, что И. М. Синельниковъ вызванъ былъ, по особому ордеру князя Потемкина, въ Петербургъ. При отъѣздѣ изъ Екатеринослава въ Петербургъ И. М. Синельниковъ поручилъ управленіе намѣстничествомъ вице-губернатору бригадиру Воинову и далъ ему порученія: 1) заботиться о благосостояніи заведенныхъ училищъ, 2) о сохраненіи университетской суммы (300,000 рублей) и 3) отправлять къ нему каждый мѣсяцъ и каждую треть объ этомъ вѣдомости.

Насталъ 1788 годъ; война была въ полномъ разгарѣ, самъ свѣтлѣйшій былъ въ это время на югѣ, въ лагерѣ подъ Очаковомъ. И. М. Синельниковъ оставался пока въ Екатерино-

---

[1]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, т. II, отдѣлъ II и III, 764.

[2]) См. Записки одесскаго общества исторіи и древностей, т. II, отдѣлъ II и III, стр. 762.

славѣ и слѣдилъ за движеніями рекрутъ черезъ Новороссію въ Тавриду и Херсонъ, направлялъ ихъ движеніе по болѣе прямымъ путямъ сообщенія, очищалъ для больныхъ удобныя помѣщенія, заботился о томъ, чтобы они не спѣшили въ пути и подольше бы жили въ хорошихъ квартирахъ, особенно въ виду страшной распутицы отъ полой воды [1]). Но князь Потемкинъ нашелъ нужнымъ вызвать И. М. Синельникова подъ Очаковъ, чтобы дать ему нѣкоторыя инструкціи по вопросу о доставленіи въ русскій лагерь провіанта. Но эта поѣздка оказалась роковой для Синельникова. 25 іюля [2]) 1778 года князь Потемкинъ, въ сопровожденіи генераловъ и полковниковъ, выѣхалъ для рекогносцировки укрѣпленій Очакова. Синельникову было приказано явиться къ князю. Несмотря на головную боль, которую онъ чувствовалъ съ самаго ранняго утра этого дня, Синельниковъ немедленно явился на призывъ князя, сѣлъ верхомъ на лошадь и поѣхалъ за княземъ вокругъ крѣпости. Въ этотъ моментъ турки пустили со стѣны крѣпости нѣсколько ядеръ; одно пушечное ядро попало у проѣзжавшаго вблизи И. М. Синельникова: оно такъ сильно ударило его выше колѣна правой ноги, что вся нога его оказалась переломленною пополамъ. Раненый немедленно унесенъ былъ въ палатку; тутъ прежде всего изъ кармана его мундира вынули всѣ отчетныя бумаги, а затѣмъ впустили къ нему шурина Александра Васильевича Страхова, который доложилъ Синельникову, что всѣ его бумаги находятся въ исправности и тутъ же подъ диктовку больного на особомъ листѣ записалъ отчетъ суммъ, израсходованныхъ на продовольствіе арміи, переселеніе колонистовъ и устройство Екатеринослава. Между тѣмъ ему становилось хуже. Двадцать седьмаго іюля тяжко больной Иванъ Максимовичъ сдѣлалъ духовное завѣщаніе своей женѣ, Авдотьѣ Васильевнѣ Синельниковой. Въ завѣщаніи, распредѣливъ имѣніе между сыновьями и женой,

[1]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, IX, 282.

[2]) Въ показаніяхъ чиселъ мѣсяца разница противъ того, что сказано было нами въ статьѣ «Историческаго Вѣстника» 1887 г., іюль, 638.

Синельниковъ давалъ послѣдней наставленіе 1) уплатить долгъ 27,000 рублей, взятый изъ университетской суммы города Екатеринослава; 2) построить въ собственномъ селѣ Николаевкѣ церковь во имя чудотврца Николая; 3) обращаться за помощью, въ случаѣ надобности, къ бригадиру Василію Степановичу Попову, «расположеннаго ко мнѣ много дружбою», и къ брату Алексѣю Максимовичу Синельникову; 4) воспитывать дѣтей не жалѣя денегъ и 5) выдать племянницу Марью Акимовну Лукашову за честнаго и добраго человѣка, давъ ей 3,000 рублей приданаго. Завѣщаніе подписано было самимъ «генералъ-фельдмаршаломъ и кавалеромъ княземъ Потемкинымъ, въ лагерѣ при Очаковѣ и духовникомъ игуменомъ Моисеемъ». Того же 27 іюля операторъ Массотъ нашелъ нужнымъ отнять больному ногу. Синельниковъ согласился и, по свидѣтельству доктора князя Потемкина, Тимана, перенесъ операцію съ удивительною твердостью: въ шутку называлъ врачей жидами-мучителями, шутя говорилъ, что отрѣзанную ногу слѣдовало бы послать въ спирту къ женѣ и послѣ операціи серьезно просилъ у своего камердинера «понюхать табачку». Однако рана оказалась такъ опасна, что отнятіе ноги не помогло, и 29 іюля, на 47 году отъ роду, И. М. Синельниковъ скончался. Князь Потемкинъ, находившійся у постели умершаго, какъ гласитъ семейное преданіе, прослезился и невольно сказалъ, что онъ «лишился правой руки, потерялъ лучшаго друга, а отечество героя-воина и честнаго слугу». 31 іюля Иванъ Максимовичъ былъ погребенъ, черезъ днѣпровскій лиманъ отъ Очакова, въ церкви крѣпости Кинбурна, но впослѣдствіи сынъ умершаго, Василій Ивановичъ, поставилъ ему памятникъ въ оградѣ крѣпостной церкви города Херсона, построенной при императрицѣ Екатеринѣ II.

Послѣ Ивана Максимовича Синельникова изъ мужскаго поколѣнія остались три сына: Николай, Василій и Викторъ. У Николая былъ сынъ Евдокимъ и внукъ Александръ, убитый на Кавказѣ; съ Александромъ линія Николая прекратилась. У Василія, женатаго на дочери екатеринославскаго губернатора, тайнаго совѣтника Ивана Яковлевича Селецкаго, Софьѣ Ивановнѣ

Селецкой, приходившейся по матери правнучкой бывшему малороссійскомъ гетману Даніилу Апостолу [1]), было три сына: Иванъ, Николай и Василій; у перваго сыновей не было, послѣдній умеръ совсѣмъ бездѣтнымъ; отъ средняго генералъ-лейтенанта Николая Васильевича Синельникова, кромѣ четырехъ дочерей, остался одинъ сынъ, теперь генералъ-маіоръ Алексѣй Николаевичъ Синельниковъ, женатый на Надеждѣ Ивановнѣ Дурново и имѣющій сына Ивана Алексѣевича. Такимъ образомъ Иванъ Алексѣевичъ Синельниковъ есть единственный представитель мужскаго поколѣнія послѣ Ивана Максимовича Синельникова.

[1]) Другая сестра Софьи Ивановны, Варвара Ивановна Селецкая, была замужемъ за бывшимъ екатеринославскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, Дмитріемъ Илларіоновичемъ Алексѣевымъ.

II.

Замѣчательная страница изъ исторіи запорожскихъ козаковъ.

Богданъ Хмельницкій умирая имѣлъ слабость передать гетманскую булаву молодому и совсѣмъ неопытному сыну своему Юрію Хмельницкому. Но «до булавы треба головы», а между тѣмъ Юрій хотя и имѣлъ голову, но голову почти безъ здраваго смысла и совсѣмъ безъ политическихъ соображеній. «Тому гетманишкѣ прилично бы гуси пасть, а не гетмановать» [1]). Это былъ «отъ природы евнухъ», «Юрась небожчикъ», нравомъ злой, умомъ ограниченный, тѣломъ слабый юноша. Неудивительно, что «при его боку» тотъ же часъ послѣ смерти отца завелись честолюбцы, преслѣдовавшіе свои личные интересы, и неудивитетьно, что и во всей Малороссіи настали въ то время такіе раздоры, смуты и междоусобія, которые дали поводъ писателямъ того времени назвать Украину «ярмаркой самолюбій». Броженіе умовъ выражалось постояннымъ колебаніемъ «властныхъ людей» Малороссіи то между Польшей и Россіей, то между Россіей и Турціей: тогда какъ одни изъ малороссійскихъ гетмановъ старались играть въ одну руку съ польскими королями, другіе простирали свои взоры къ московскому царю, а третьи, болѣе дальновидные, открыто вступили въ союзъ съ турецкимъ

---

[1]) Самоилъ Величко. Лѣтопись. Кіевъ, 1851 г., II, 10.

султаномъ и искали у него протекціи для всей Малороссіи. Въ этомъ отношеніи запорожскіе козаки составляли исключеніе: они твердо держались православнаго царя и православной Руси и всячески сторонились польскаго короля и католической вѣры, а еще больше того турецкаго султана и мусульманской вѣры. Эту политическую програму они получили отъ Богдана Хмельницкаго: за православную вѣру и православнаго царя сражался съ поляками Богданъ Хмельницкій; за это же стояли, въ союзѣ съ гетманомъ, запорожцы; за это же они рѣшили стоять и послѣ «стараго Хмеля». И нужно сказать, что запорожцы строго выдержали свое политическое statu quo въ теченіи первыхъ трехъ десятковъ лѣтъ послѣ Богдана Хмельницкаго. Отступленіе отъ политической программы дѣлалось лишь временно, по капризу отдѣльныхъ какихъ-либо личностей, и то по весьма уважительнымъ причинамъ, когда сами «московскіе люди» нарушали въ чемъ-либо права малороссійскаго народа и запорожскихъ козаковъ, массовое же движеніе всегда было на сторонѣ русскаго царя. Этого мало, запорожскіе козаки даже выступали съ оружіемъ въ рукахъ противъ тѣхъ изъ малороссійскихъ гетмановъ, которые шли въ разрѣзъ съ ихъ симпатіями къ русскому царю. Въ свою очередь и гетманы, видѣвшіе осуществленіе политической свободы для своей родины чрезъ союзъ съ Польшей или Турціей невозможнымъ, мстили запорожскимъ козакамъ. Но поднимать оружіе противъ запорожцевъ сами они, однако, не рѣшались, стараясь только или пускать въ ходъ ложные доносы на невѣрность запорожцевъ московскому царю, или же подстрекать противъ нихъ заклятыхъ недруговъ, татаръ и турокъ. Яркимъ примѣромъ послѣдняго служитъ событіе 1675 года, происшедшее въ самой Сѣчи по интригѣ малороссійскаго гетмана Петра Дорошенка, сторонника турецкаго султана и врага московскаго царя, а вмѣстѣ съ царемъ врага и всего запорожскаго низоваго войска.

Гетманъ Дорошенко, создавъ себѣ планъ отторженія всей Малороссіи отъ Великой Россіи, передался со всею правобережной Украйной подъ протекцію турецкаго султана, разсчитывая чрезъ него возвратить своей родинѣ прежнюю политическую свободу,

которой она пользовалась до Богдана Хмельницкаго. Но на этомъ пути онъ встрѣтилъ страшныхъ противниковъ—запорожскихъ козаковъ: склонить ихъ на сторону султана не было никакой возможности для Дорошенка. Тогда онъ рѣшилъ тайно поднять противъ нихъ турецкаго султана и крымскаго хана, внушивъ послѣднимъ мысль внезапно напасть на самую Сичь и выбить всѣхъ находившихся тамъ козаковъ. На ту пору султаномъ былъ Магометъ IV (1648—1687), крымскимъ ханомъ—Селимъ Герай I (1671—1678), кошевымъ атаманомъ Иванъ Дмитріевичъ Сирко, слава и гордость запорожцевъ, гроза и страхъ мусульманъ; самая же Сичь находилась въ то время у устья рѣки Чертомлыка, праваго притока Днѣпра, ниже его пороговъ. Эта Сичь носила названіе Чертомлыцкой или Старой Сичи; она представляла изъ себя городокъ всего лишь въ 900 саженъ кругомъ, обнесенный землянымъ валомъ, въ шесть саженъ высоты. Въ срединѣ его съ западной стороны были набиты пали и устроены бойницы, съ восточной сдѣланы деревянные коши, насыпанные землей, съ правой поставлена башня, мѣрою двадцать саженъ кругомъ, особая бойница близь нея и восемь «фортокъ» или «пролазовъ» такой ширины, чтобы можно было одному человѣку пройти по воду на рѣку Чертомлыкъ [1]). Ко всему этому—церковь во имя Покрова Пресвятыя Богородицы и кругомъ всей площади тридцать восемь куреней. Самые курени представляли изъ себя большія избы, длины около 44 аршинъ, ширины около 8 аршинъ съ равными имъ по длинѣ и по величинѣ сѣнями; въ стѣнѣ, отдѣлявшей сѣни отъ куреня, устраивалась груба, т. е. изразцовая для отопленія куреня печь, посреди самыхъ сѣней стояла кабыця или очагъ, въ длину около пяти аршинъ и болѣе; чрезъ кабыцю проводился на «переметныхъ» стѣнахъ сволокъ, куда вбивались желѣзныя цѣпи съ крючьями для навѣшиванія на нихъ большихъ казановъ, въ которыхъ козаки варили себѣ пищу. Въ самомъ куренѣ во всю его длину, отъ порога до противоположной ему стѣны ставился столъ, называвшійся сырномъ, состояв-

[1]) Акты южной и западной Россіи, XI, № 5, 12.

шій изъ одной доски больше трехъ четвертей аршина ширины, прибитой желѣзными гвоздями ко вкопаннымъ въ землю столбамъ; противъ стола, съ трехъ сторонъ, по надъ стѣнами настилался помостъ или накатъ, замѣнявшій козакамъ кровати; на немъ могли спать отъ 30 до 150 человѣкъ и болѣе; на «покути» т. е. въ красномъ углу висѣла неугасаемая лампада и тутъ же стояла «карнавка» для опусканія въ нее денегъ; по стѣнамъ куреня развѣшено было оружіе. Близъ каждаго куреня стояла особо скарбница или амбаръ, гдѣ всѣ козаки извѣстнаго куреня складывали свое добро, считавшееся достояніемъ всего куреннаго товариства, а не отдѣльныхъ лицъ [1]). Кромѣ скарбницы при каждомъ куренѣ были еще и другія малыя жилья, въ одномъ мѣстѣ построенныя [2]); нужно думать, послѣднія пристраивались въ виду того, что далеко не всѣ козаки могли помѣщаться въ главномъ куренномъ строеніи.

Итакъ, событіе произошло на Чертомлыцкой Сѣчи, по теперешнему на мѣстѣ деревни Капуливки, екатеринославскаго уѣзда. Вотъ какъ объ немъ разсказываетъ малороссійскій лѣтописецъ Самоилъ Величко.

«Не насытившись поглощеніемъ премногаго козако-русскаго народа, разореніемъ семнадцати городовъ во главѣ съ Ладыжинымъ и Уманью, не удовольствовавшись обращаніемъ ихъ въ пепелъ и сравненіемъ съ землею, турецкій султанъ задумалъ истребить все запорожское войско и разорить самый кошъ [3]) его; на это дѣло онъ прислалъ осенью 1674 г. на корабляхъ изъ Константинополя въ Крымъ пятнадцать тысячъ отборныхъ стамбульскихъ янычаръ и велѣлъ крымскому хану съ этими янычарами и со всей крымской ордой, при наступленіи зимы, постараться выбить всѣхъ запорожцевъ до конца, а самую Сѣчь ихъ разорить до основанія. Ханъ, желая слышать о томъ прика-

---

[1]) Записки одес. общ. ист. и древ., VI, 645; Д. И. Эварницкій. Запорожье въ остаткахъ старины, С.-Петербургъ, 1888., II, 16, 17, 189.

[2]) Щекатовъ и Максимовичъ. Новый и полный георафическій словарь, Москва 1788 II, 7—47.

[3]) «Кошъ» на татарскомъ языкѣ означаетъ вообще всякое помѣщеніе, потомъ становище, лагерь.

*

заніе изъ устъ самого султана и его визиря, бѣгалъ налегкѣ тою же осенью въ Стамбулъ и, недолго оставаясь тамъ, повернулъ въ Крымъ; все время послѣ этого онъ совѣтовался со своими крымскими солтанами, агами и мурзами и выискивалъ способовъ, какими можно было бы исполнить свой злой умыселъ надъ войскомъ низовымъ запорожскимъ и его кошемъ. Послѣ совѣта постановлено было привести въ исполненіе злое приказаніе турецкой Порты непремѣнно въ предстоящую зиму, на святкахъ Рождества Господня, когда войско запорожское привыкло гулять и подпивать. И вотъ, какъ скоро тогдашняя зима, «чрезъ майстерство крѣпкихъ морозовъ своихъ», замуровала днѣпровскія глубины и рѣчки полевыя твердыми льдами и пріодѣла достаточными снѣгами, тогда крымскій ханъ тотъ же часъ приказалъ *сорока тысячамъ* крымской орды быть готовыми для военнаго похода, а *пятнадцати* тысячамъ янычаръ велѣлъ дать лошадей, не объявляя никому, куда именно онъ поведетъ ихъ въ походъ. Когда кончился филипповъ постъ, тогда самъ ханъ, снявшись изъ Крыма со всѣмъ названнымъ войскомъ своимъ, пошелъ по направленію къ запорожской Сичи, стараясь держаться въ нѣсколькихъ миляхъ отъ берега Днѣпра, чтобы не быть замѣченнымъ запорожцами, зимовавшими по днѣпровскимъ островамъ и вѣткамъ и чтобы все войско запорожское низовое какимъ-нибудь способомъ не узнало о томъ. На третью или четвертую ночь Рождества Христова, въ самую полночь, ханъ, приблизившись къ Сичи, захватилъ сичевую стражу, стоявшую въ верстѣ или въ двухъ верстахъ отъ Сичи на извѣстномъ мѣстѣ, и отъ этой стражи узналъ, что войско пьяное спитъ безпечно по куренямъ и что другой стражи нѣтъ ни около ни въ самой Сичи; ханъ очень обрадовался этому и сейчасъ же, выбравши самаго лучшаго изъ пойманныхъ сторожевыхъ и пообѣщавъ ему свободу и большую награду, приказалъ ему провести пѣхотныхъ янычаръ во внутрь запорожской Сичи чрезъ ту форточку [1]), которая, по показанію самихъ сто-

[1]) Фортка—въ смыслѣ калитки, прохода или «пролаза».

рожевыхъ, не была заперта на ту пору. Итакъ, отправивши всѣхъ янычаръ въ Сичу съ названнымъ запорожскимъ сторожевымъ, ханъ приказалъ имъ, вошедши въ нее, «учинить належитій военній надъ пьяноспящими запорожцами промыселъ». Самъ же между тѣмъ, объѣхавши съ ордой вокругъ Сичь и густо обступивши ее, стоялъ неподалеку напоготовѣ, чтобы не выпустить и «духа имѣющихъ утекать» запорожцевъ. Но на этотъ разъ надъ турками и татарами сбылась старая пословица: «що человѣкъ себѣ обѣцуе, тое Богъ ницуе»: надежда хана выгубить все запорожское войско и разорить самый кошъ не осуществилась. Хотя ханъ и зналъ, что войско запорожское привыкло въ праздничные дни подпивать и безпечно спать, но не припомнилъ того, что множество этого же самаго войска имѣло обыкновеніе собираться въ праздникъ Рождества Христова до Сичи со всѣхъ низовыхъ днѣпровскихъ луговъ [1]) и что большинство изъ этого войска были трезвые, а не пьяные люди. Но вотъ насталъ «полуночный часъ»; все войско не слыша ни о какой тревогѣ и не имѣя вѣсти о намѣреніи бусурманъ, «зашпунтовавшись» въ куреняхъ, безпечно опочивало; въ это самое время янычары, тихо введенные чрезъ открытую фортку пойманнымъ запорожскимъ сторожевымъ, вошли въ Сичу и наполнили собой всѣ ея улицы и переулки и такъ стѣснились, какъ то бываетъ въ церкви. Однако, имѣя въ рукахъ готовое оружіе, они помрачены были всевидящимъ Богомъ въ ихъ разумѣ: войдя въ Сичу, они и не подумали о томъ, что дальше дѣлать и какимъ способомъ разорить то рыцарское гнѣздо низово-днѣпровыхъ козазаковъ, нашихъ мальтійскихъ кавалеровъ, и какъ ихъ всѣхъ выбить до конца; или, быть можетъ, начальники янычаръ, за тѣснотой, не могли сойтись и посовѣтоваться между собой, какъ начать и кончить свой злодѣйскій умыселъ. Такъ или иначе, но, наполнивъ собою всю Сичу, захвативъ всѣ сичевыя арматы, заступивъ всѣ открытыя мѣста, янычары стояли нѣсколько вре-

---

[1]) Въ виду предстоящихъ выборовъ войсковой старшины, происходившихъ у запорожцевъ 1 января каждаго новаго года.

мени въ недоумѣніи и тихомъ молчаніи; когда же повернуло съ полночи и Богъ Вседержитель благословилъ соблюсти въ цѣлости то православное и преславное низовое запорожское войско, тогда онъ отогналъ сонъ нѣкоему Шевчику, козаку одного куреня; этотъ Шевчикъ, вставши для своего дѣла и отворивши кватерку [1]), началъ сквозь оконную щель присматриваться, рано ли еще или нѣтъ, и неожиданно увидѣлъ людей, непріятелей-турокъ, всю улицу заполонившихъ собой; Шевчикъ пришелъ въ ужасъ; однако, тотъ же часъ тихо засвѣтилъ нѣсколько свѣчей въ своемъ куренѣ, сообщилъ знаками пятерымъ или шестерымъ товарищамъ своимъ, еще неложившимся спать, но сидѣвшимъ въ углу куреня, закрывшимся тамъ и игравшимъ въ карты. Товарищи, услышавъ слова Шевчика и побросавъ карты, заразъ бросились тихонько ко всѣмъ окнамъ куреня своего и, не отворяя ихъ, стали присматриваться въ оконныя щели, чтобы убѣдиться, правда-ли то, что сказалъ Шевчикъ. Когда же и сами увидѣли, что Сичь ихъ наполнена непріятелями-турками, то немедлено и возможно тихо побудили всѣхъ товарищей своего куреня, которыхъ было до полутороста человѣкъ, и сообщили имъ о грозившей бѣдѣ. Товарищи быстро повставали, тихо поодѣвались, осторожно забрали въ руки оружіе и потомъ послѣ совѣта съ куренымъ атаманомъ, рѣшили устроить слѣдующее: поставить къ каждому окну по нѣсколько человѣкъ лучшихъ стрѣльцовъ, чтобы они безпрестанно стрѣляли, а другіе, чтобы только заряжали ружья и первымъ подавали. Устроивши все это безъ великаго шума и помолившись Богу, козаки сразу поотворяли всѣ окна и оконницы и начали густо и безпрестанно стрѣлять въ самое скопище янычаръ, сильно поражая ихъ; тогда другіе курени, услышавъ выстрѣлы и увидѣвши непріятеля, тотъ же часъ открыли со всѣхъ сторонъ чрезъ куренныя окна густой и безпрестанный мушкетный огонь, и какъ бы молніей освѣтили темную ночь въ Сичи, тяжко поражая турокъ, кои отъ одного

---

[1]) «Кватерка съ польскаго» собственно значитъ «четвертая часть» окна, въ нашемъ смыслѣ «форточка» окна.

выстрѣла падали по двое и по трое человѣкъ. Янычары же, не имѣя возможности, вслѣдствіе своей тѣсноты, направлять оружія прямо противъ куренныхъ оконъ, стрѣляли на воздухъ и, «аки козлы между собою мятущіся», падали на землю убитыми и утопали въ собственной крови. Когда же толпы янычаръ стали рѣдѣть по улицамъ и переулкамъ, такъ что ихъ едва третья часть осталась въ живыхъ, тогда запорожцы, видя, что, стрѣляя изъ куреней на непріятелей, они стрѣляли другъ противъ друга и наносили себѣ тѣмъ вредъ, крикнули единогласно до ручнаго боя; и такъ по той командѣ тотчасъ всѣ разомъ, высыпавши изъ куреней, съ мушкетами, луками, копьями, саблями и дрекольемъ, начали доканчивать ручнымъ боемъ еще оставшихся въ живыхъ турокъ, нещадно поражая ихъ. На самомъ разсвѣтѣ дня они покончили съ турками, и всю Сичь и и всѣ курени со всѣхъ сторонъ, и всю божественную церковь и всѣ арматы окрасили и осквернили бусурманскою кровію, а всѣ сичевыя улицы и переулки непріятельскими трупами завалили; трупы тѣ лежали, облитые ихъ же собственною кровію, склеенные и замороженные сильнымъ морозомъ, бывшимъ въ то время; какъ велико было ихъ число, видно изъ того, что изъ пятнадцати тысячъ янычаръ едва полторы тысячи ушло изъ Сичи и спасено татарами на лошадяхъ. А между тѣмъ ханъ, стоявшій около Сичи и ожидавшій конца задуманной облавы, увидя несчастный конецъ неудавшагося замысла, взвылъ, какъ волкъ, подобно древнему Мамаю, побѣжденному русскими на Куликовомъ полѣ при рѣкѣ Непрядвѣ, видя, какое великое число отборныхъ стамбульскихъ янычаръ онъ потерялъ и выгубилъ, разсчитывая завоевать запорожскую Сичу. Пораженный, вслѣдствіе этого несчастья великимъ страхомъ, онъ бросился отъ Сичи, днемъ и ночью спѣшилъ въ Крымъ, боясь, чтобы раздраженные запорожцы, сѣвши на коней, не догнали и не разгромили его самого.

Скоро послѣ смутной и кровопролитной ночи пришлось людскимъ очамъ увидѣть пасмурный и невеселый день. Въ тотъ день, послѣ войсковаго совѣта, а болѣе всего послѣ приказа

кошеваго Сирка, около двухъ тысячъ добраго панцырнаго запорожскаго товариства, сѣвши на коней и объѣхавъ всю Сичу кругомъ, бросились по слѣдамъ хана. Но потомъ, пройдя отъ Сичи миль «о полтретѣ» и убѣдившись, что ханъ отъ боязни дѣйствительно убѣжалъ въ Крымъ, товариство повернуло назадъ къ Сичѣ и пришло назадъ какъ разъ къ концу божественной службы. По окончаніи службы все войско отпѣло общій благодарственный молебенъ пресвятой Дѣвѣ Богородицѣ и своей всеблагоутробной защитницѣ, а затѣмъ приступило къ похоронамъ своихъ товарищей, сраженныхъ въ бою; всѣхъ ихъ было убито въ ночной «заверусѣ» пятьдесятъ человѣкъ, а ранено до осьмидесяти; убитыхъ товарищей тогда же, прежде похоронъ янычаръ, предали землѣ «честнымъ и знаменитымъ погребеніемъ» и приказали сичевымъ священникамъ служить по нимъ сорокоустъ неотлагаемо и безпрестанно съ приличнымъ за труды вознагражденіемъ, а раненыхъ распорядились отдать на излѣченіе сичевымъ цырульникамъ съ награжденіемъ изъ войсковаго скарба. Послѣ этого козаки разошлись по своимъ куренямъ и весь тотъ день гуляли въ своихъ куреняхъ, стрѣляли изъ ружей, палили изъ пушекъ, такъ густо окропленныхъ бусурманскою кровію; трупы смерзшихъ янычаръ пока оставались на улицахъ и переулкахъ и представляли изъ себя настоящіе валы и могилы.

На другой день, какъ только стало свѣтать, тотъ же часъ, по приказу кошеваго, ударили въ котлы на раду. Собравшееся на раду войско держало совѣтъ о томъ, какъ поступить съ трупами янычаръ; одни совѣтовали повыволакивать трупы изъ Сичи и сжечь ихъ по бусурманскому обычаю; другіе находили удобнымъ предать ихъ на снѣденіе звѣрямъ и птицамъ, подальше оттащивъ отъ Сичи; третьи предлагали въ землю позагребать, а четвертые въ воду повкидать. Изъ этихъ совѣтовъ три не были приняты: первый, если въ землю погребать, то много времени придется употребить да и никто даромъ работать не станетъ, мерзлой земли копать; другой, если палить, много дровъ пришлось бы истребить: третій, если отдать на снѣденіе звѣрямъ,

то звѣри разстервившись и живому войску могутъ принести шкоду; а на четвертомъ совѣтѣ все войско остановилось: повытащивъ изъ Сичи всѣ трупы убитыхъ янычаръ, отдать ихъ днѣпровскимъ глубинамъ и быстринамъ.

Тотчасъ послѣ этой рады отправлено было нѣсколько сотъ человѣкъ на Днѣпръ для рубки «полонокъ»; другимъ приказано было раздѣлить смерзшіеся вмѣстѣ трупы и приготовить ихъ для выволакиванія изъ Сичи, а третьимъ велѣно быть готовыми съ конями и арканами. Такъ около условленнаго часа козаки, работавшіе на Днѣпрѣ, дали знать кошевому и куреннымъ атаманамъ, что они уже приготовили пять или шесть обширныхъ «полонокъ» на Днѣпрѣ. Тогда немедленно приказано было цѣплять арканами окровавленные собственной кровью и смерзшіеся отъ сильныхъ морозовъ трупы янычаръ, привязывать ихъ до кульбачныхъ стремянъ по десять, по двадцать и больше того, «плитами и брилами» прочь изъ Сичи таскать и около «полонокъ» оставлять; а бывшей на Днѣпрѣ пѣхотѣ велѣно тѣ смерзшіеся трупы янычаръ въ «полонки» втаскивать и подъ ледъ пускать. А такъ какъ того дня всѣхъ труповъ выволокти изъ Сичи не могли, то и на другой день до обѣденной поры войско должно было заниматься тѣмъ же.

Изъ добычи отъ убитыхъ янычаръ, кромѣ оружія, осталось запорожцамъ очень мало; ибо на мертвыхъ и смерзшихся трупахъ кафтаны, куптуши, кожухи, шаровары, шапки, пояса, сапоги были точно вымочены въ бусурманской крови и казались сплошными смерзшимися плитами, такъ что если бы кто захотѣлъ снять съ нихъ что-либо и тѣмъ осквернить руки свои, то развѣ отрубливалъ бы одинъ трупъ отъ другаго топоромъ, а дорогое одѣяніе сдиралъ бы шматками; также, если кто хотѣлъ вынуть изъ-подъ труповъ оставшееся оружіе (первое оружіе тотъ же часъ по окончаніи битвы вынуто было изъ подъ труповъ еще несмерзшихся), то опять-таки долженъ былъ разрубывать трупы, а рога и шабелтасы [1]) просто обрѣзывать около нихъ.

[1]) Шабелтасы съ татарскаго «шабультасъ» на русскій значитъ пороховая сумка, носимая при помощи ремня чрезъ плечо.

Когда же, наконецъ, всѣ трупы отданы были днѣпровскимъ глубинамъ, тогда все войско, вмѣстѣ собравшись, поочищало и повыскабливало всѣ улицы и переулки въ Сичи и за Сичь все съ снѣгомъ повыметало, также пообтесывало и пообмывало всѣ страшно облитыя кровью стѣны куренныя и арматы сичевыя; а переночевавши и отправивши рано заутреню, за ней божественную службу и за божественной службой молебенъ отпѣвши и воду освятивши, всѣ сичевые священники со всѣмъ церковнымъ клиромъ пошли по улицамъ, переулкамъ и куренямъ безпрестанно молитвы читая и святой водой всѣ мѣста окропляя. По окончаніи очистительной церемоніи, все войско до самаго вечера весело гуляло и подпивало, простые козаки, собравшись въ куреняхъ, а знатные у кошеваго атамана Сирка, но гуляло тихо, безъ арматныхъ и мушкетныхъ громовъ [1]).

На другой день послѣ всего этого запорожцы поднялись рано, вновь собрались на раду, подѣлили по жребію все оружіе, найденное между трупами янычаръ и до времени сложенное въ общую кучу, и затѣмъ рѣшили написать гетману Дорошенку «прикрое и досадительное» письмо, приписывая злодѣйскій умыселъ нападенія татаръ и турокъ на Сичь его злобѣ и коварству. Отправка письма Дорошенку возложена была на кошеваго Сирка. Сирко послалъ его чигиринскими чумаками, случившимися на ту пору въ Сичи. Дорошенко, прочитавъ то письмо, страшно разъярился на запорожскихъ козаковъ, но потомъ, одумавшись и успокоившись отъ гнѣва, послалъ имъ съ своей стороны пространное письмо, увѣряя клятвами и присягами, что онъ чистъ въ отношеніяхъ къ нимъ; напротивъ того, питаетъ дружбу и особенную пріязнь ко всему запорожскому войску. Запорожцы, получивъ отъ гетмана это письмо, смягчились и въ свою очередь увѣряли, что они кромѣ пріязни ничего другаго не питаютъ къ гетману.

Послѣ страшной и кровавой битвы, кромѣ тринадцати тысячъ пятисотъ человѣкъ убитыхъ въ Сичи, осталось еще въ

[1]) Самоилъ Величко. Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 358—364.

плѣну полтараста человѣкъ янычаръ и четыре аги: они скрылись въ разныхъ мѣстахъ между строеніями. Крымскій ханъ, узнавъ объ этомъ, тотъ же часъ написалъ Сирку и всему запорожскому войску письмо, въ которомъ усердно просилъ отпустить невольниковъ въ Крымъ. Сирко и все войско согласились. Тогда ханъ прислалъ за ними подводы, а вмѣстѣ съ подводами и подарки низовому товариству: двѣнадцать тысячъ киндяковъ и шесть большихъ бутъ добраго крымскаго вина. Запорожцы, принявъ подарокъ, отпустили полтараста невольниковъ янычаръ, снабдивъ ихъ въ дорогу хлѣбомъ, мясомъ и рыбою, но четырехъ аговъ оставили у себя, потому что хотѣли получить за нихъ выкупъ по двѣ тысячи левовъ съ каждаго. Но какъ скоро деньги пришли, тогда и четыре аги, получивъ вспоможеніе на дорогу, были честно отпущены въ Крымъ. Между тѣмъ турецкій султанъ, услышавъ о гибели своихъ янычаръ въ запорожской Сичи, страшно озлился на своего визиря, который посовѣтовалъ ему отправить на запорожцевъ янычаръ; онъ готовъ былъ предать его смертной казни, но, потомъ, однако, даровалъ ему жизнь; зато забралъ все его имущество въ царскую казну, а самого отправилъ въ вѣчную ссылку на островъ Родосъ.

Послѣ этого истребленія янычаръ въ Сичи, турки на все время не осмѣливались предпринимать походовъ противъ запорожскихъ козаковъ съ цѣлью искорененія ихъ войсковаго коша. Напротивъ того, нападеніе татаръ и турокъ на Сичь дало поводъ самимъ запорожцамъ вторгнуться въ Крымъ. «Того же 1675 года въ послѣднихъ числахъ іюля мѣсяца, созвавъ въ Сичь запорожское товариство изъ ближнихъ и дальнихъ полевыхъ вѣтокъ и рѣчекъ, кошевой атаманъ всего низоваго запорожскаго войска, Иванъ Сирко, предложилъ ему на главной радѣ идти на Крымъ и отомстить крымскому хану за прошлозимнее нападеніе, вредъ и безпокойства, причиненные имъ всему низовому войску; а именно за то, что ханъ, пришедъ ночью съ турецкими янычарами и ворвавшись, подобно злодѣю, въ запорожскую Сичь, хотѣлъ разрушить ее до основанія, а всѣ нахо-

дившееся въ ней низовое войско истребить и въ плѣнъ забрать. На предложеніе Сирка все войско охотно согласилось, прося его вести на такое доброе дѣло. Тогда Сирко распустилъ изъ Сѣчи все войско по рѣкамъ и вѣткамъ, приказалъ ему изготовиться въ походъ на Крымъ на три недѣли, запастись харчей и прочими военными принадлежностями, и чрезъ двѣ недѣли явиться въ Сѣчу. Войско, охотно исполнивъ приказаніе, явилось въ Сѣчь со всѣмъ необходимымъ; тогда Сирко, выбравъ лучшихъ изъ козаковъ, числомъ около двадцати тысячъ и перешедъ Днѣпръ на крымскую сторону, двинулся со всевозможною поспѣшностью въ предстоящій путь. Но, не желая идти прямо къ Перекопу, онъ взялъ налѣво въ степь, остерегаясь встрѣчи съ блукавшими, ради промысловъ, по степи татарами. Разсчетъ его вполнѣ удался: татары дѣйствительно не замѣтили его и не могли дать знать о томъ въ Крымъ. Между тѣмъ Сирко, быстро прошедъ со всѣмъ своимъ войскомъ длинныя степи и переправившись въ крымское царство чрезъ Сивашъ, на мѣстѣ ему хорошо извѣстномъ, оставилъ Перекопъ далеко въ правой рукѣ.

Потомъ, оставивши при себѣ самыхъ лучшихъ молодцовъ, три или четыре тысячи, и расположившись съ ними внутри Крыма надъ Сивашемъ, у названной переправы, Сирко все остальное войско, подъ начальствомъ добрыхъ вождей, знавшихъ хорошо всѣ крымскія мѣста и осѣдлости, отправилъ въ самый Крымъ, приказавши тѣмъ вождямъ весь Крымъ, «несчадно струснути» и на пятый день возвратиться къ сивашской переправѣ. Тогда войско, сѣвъ на своихъ «вѣтроногихъ» коней, внезапно ворвалось внутрь крымскихъ селеній и, раздѣлившись съ общаго совѣта на нѣсколько частей, засѣяло и наполнило собой весь Крымъ, предавая огню и мечу какъ самый Крымъ, такъ и города его Козловъ, Карасевъ, даже столицу ханскую Бахчисарай и другіе города, причиняя вездѣ страшныя бѣды и разоренія. Ханъ, узнавъ «о такой фуріи несподѣванныхъ и нединкретныхъ гостей», едва успѣлъ выхватиться изъ Бахчисарая со всѣми своими солтанами, мурзами и крымскими начальниками и убѣжать въ крымскія горы; туда же бѣжала къ хану одна часть

татаръ, успѣвшая спастись отъ запорожскаго оружія; другая часть ушла въ крѣпкіе города, а третья часть боевымъ оружіемъ положена была на крымскихъ поляхъ и селахъ. Послѣ этого, когда ханъ узналъ отъ пойманныхъ запорожскихъ языковъ, какое то было войско, кто надъ нимъ былъ начальникомъ и главнымъ вождемъ и какимъ трактомъ пришло оно въ крымскую державу; тогда, поднявшись со всѣмъ своимъ крымскимъ войскомъ, котораго пришло къ нему въ горы до пятидесяти тысячъ человѣкъ, устремился къ той самой сивашской переправѣ, чрезъ которую вторглись въ Крымъ запорожскіе козаки; онъ не зналъ, что тамъ стояла другая часть запорожскаго войска. У сивашской переправы ханъ имѣлъ остановиться и ждать возвращенія всего запорожскаго войска, грассовавшаго по Крыму.

И дѣйствительно, ханъ прибылъ со своей ордой какъ разъ въ тотъ самый день, когда и запорожское войско разсчитывало возвратиться изъ Крыма къ Сирку на переправу. Увидя у переправы запорожское войско подъ начальствомъ Сирка, ханъ вообразилъ, что здѣсь собралось все козацкое войско, приказалъ спѣшиться и готовиться къ бою. А между тѣмъ къ Сирку поворачивало изъ Крыма съ большой добычей и плѣнниками то самое войско, которое тамъ гостило и оставило въ немъ послѣ себя великія руины. Узнавъ отъ пойманнаго татарскаго языка, что ханъ пошелъ къ Сивашу на переправу, войско сейчасъ же свернуло въ сторону, оставило съ отрядомъ часть своей добычи и денегъ, потомъ подняло для обмана татаръ мусульманскія знамена, взятыя въ добычу, и поспѣшило вслѣдъ за ханомъ.

Ханъ, видя позади себя съ ордынскими знаменами войско и воображая, что то идутъ къ нему на помощь разогнанные татары, крѣпко и со всею силою ударилъ на Сирка; но, не смогши сломить его, напротивъ того потерявши въ одинъ разъ до четырехъ тысячъ орды, сдѣлалъ отступленіе. Сирко, увидя позади хана войско и узнавъ, что то было его собственное, сталъ строиться, чтобы вторично схватиться съ ханомъ; ханъ въ свою очередь, ожидая, что позади его идетъ къ нему на помощь орда, также выстроился противъ Сирка. Но, ударивъ вто-

рично на Сирка, онъ подобно первому разу, встрѣтилъ такой отпоръ, что съ большимъ для своей орды урономъ вновь отступилъ. Тогда Сирко, сѣвши со всѣмъ своимъ войскомъ въ одно мгновеніе на коней, сильно ударилъ на орду и началъ налегать и разить ее. Орда, бывшая съ ханомъ, увидя позади себя не ордынскія, а козацкія войска, сразу потеряла мужество и воинскую доблесть, стремительно разсыпалась по крымскимъ полямъ и прямо попала въ глаза козацкому войску, бывшему позади нея. А козаки, гоняясь за перепуганными по полю татарами, нѣсколько тысячъ изъ нихъ убили, нѣсколько тысячъ забрали въ плѣнъ, за малымъ не поймавъ и самого хана.

Послѣ такой счастливой и блестящей побѣды надъ ханомъ, все козацкое войско, соединившись съ Сиркомъ и забравши свою добычу, оставленную на время въ сторонѣ, пришло къ сивашской переправѣ какъ разъ около полудня. Отдохнувъ здѣсь немного послѣ военныхъ подвиговъ и подкрѣпившись пищею, оно немедленно двинулось изъ Крыма чрезъ Сивашъ на ту сторону, которая идетъ отъ Сиваша до Запорожья. Пройдя Сивашъ передъ заходомъ солнца и уже не слѣдуя тѣмъ трактомъ, которымъ шло изъ Сичи въ Крымъ, войско вдалось отъ переправы на Колончакъ, къ Черной долинѣ и Кочкарамъ, оставивъ Перекопъ въ лѣвой сторонѣ. Струснувши около Черной долины и Кочкаръ всѣ поля и крымскія скотныя пастбища, захвативши много рогатаго скота и овечьихъ ватагъ вмѣстѣ съ бывшими при нихъ татарами, войско запорожское двинулось вверхъ по Днѣпру, до своей Сичи, имѣя у себя множество добычи и тринадцать тысячъ ясыру [1])—плѣнныхъ татаръ и бывшихъ въ крымской неволѣ христіанъ. Отдалившись со всѣмъ войскомъ и добычею на нѣсколько миль отъ Крыма и остановившись въ удобномъ для полуденнаго попаска мѣстѣ, Сирко однимъ изъ козаковъ приказалъ побольше наварить каши, чтобы ея было достаточно какъ для войска, такъ и для ясыра, а другимъ велѣлъ разлучить надвое ясырь, христіанъ особо, а бусурманъ особо. Когда это было

[1]) «Ясырь» съ арабскаго «эсырь» значитъ плѣнникъ.

сдѣлано, тогда Сирко приказалъ всѣхъ бусурманъ повязать, а къ христіанамъ, которыхъ было мужескаго и женскаго пола семь тысячъ, сказалъ такое слово, испытывая ихъ: «Кто хочетъ, идите съ нами на Русь, а кто не хочетъ, возвращайтесь въ Крымъ». Христіане и родившіеся отъ христіанъ въ Крыму «тумы», услыша то слово Сирка, раздѣлились на двѣ половины: одни, числомъ три тысячи, нашли за лучшее вернуться въ Крымъ, нежели идти въ христіанскую землю; другіе, числомъ четыре тысячи, пожелали вернуться въ свою землю на Украину. Сирко приказалъ всѣхъ ихъ накормить и потомъ однихъ оставилъ при себѣ, а другихъ отпустилъ въ Крымъ; отпуская послѣднихъ, спросилъ у нихъ, зачѣмъ они стремятся въ Крымъ; спрошенные отвѣчали, что въ Крыму у нихъ есть осѣдлости и господарства, и потому тамъ имъ лучше будетъ жить, нежели на Руси, гдѣ они ничего не имѣютъ. Отпуская тѣхъ людей, Сирко не вполнѣ еще вѣрилъ, чтобы они дѣйствительно пошли въ Крымъ, но надѣялся, что они вернутся на Русь, и, поднявшись на бывшую тамъ могилу, смотрѣлъ на нихъ до тѣхъ поръ, пока ихъ не стало видно. Когда же убѣдился въ ихъ твердомъ намѣреніи идти въ Крымъ, тогда приказалъ молодымъ козакамъ сѣсть на коней, догнать отпущенныхъ и всѣхъ до единаго и безъ всякой пощады выбить и вырубить, имѣя намѣреніе и самъ тотъ же часъ за ними поѣхать и посмотрѣть, все-ли будетъ исполнено по его приказу. Получивъ отъ Сирка такое приказаніе, козаки, догнавъ названныхъ людей, поступили сообразно приказу, не оставивъ въ живыхъ ни одной души. Немного погодя и самъ Сирко, сѣвъ на коня, поскакалъ туда, гдѣ исполнялось его приказаніе. Прибѣжавъ на мѣсто и увидѣвъ, что его воля въ точности исполнена, онъ поблагодарилъ трудившихся тамъ козаковъ, а къ мертвымъ трупамъ сказалъ слѣдующія слова: «Простите насъ, братія, а сами спите тутъ до страшнаго суда Господня, вмѣсто того, чтобы размножаться вамъ въ Крыму между бусурманами на наши христіанскія молодецкія головы и на свою вѣчную безъ крещенія погибель». Послѣ этого Сирко вернулся къ войску и двинулся въ путь отъ становища; прибли-

звившись къ Сичи, онъ подуванилъ все свое войско добычею и добромъ. Прибывши же въ самую Сичу, первымъ дѣломъ со всѣмъ своимъ войскомъ отдалъ хвалу всесильному Богу, своему помощнику, и молебное благодарствіе пресвятой Дѣвѣ Богородицѣ. Потомъ, приготовивъ на всѣ курени довольное число мяса изъ крымскаго скота и овецъ, которыхъ было захвачено до восемнадцати тысячъ, устроилъ со всѣмъ войскомъ въ Сичи генеральный банкетъ; два дня гуляли Сирко и все войско и тѣшились безпрерывными арматными и мушкетными громами. Послѣ этого разошлись въ рѣчки и вѣтки, а выведенные изъ Крыма христіанскіе плѣнники съ новокрещенными въ Сичи бусурманами, которыхъ обоего пола было полторы тысячи, отправлены въ Малую Россію. Изъ бусурманскаго же ясыра одна часть послана въ Москву, другая къ гетману Самойловичу, а третья, числомъ четыре тысячи, оставлена въ Сичи. Послѣднимъ Сирко съ атаманами объявилъ, чтобы каждый изъ нихъ, если желаетъ быть въ Крыму, постарался о скоромъ выкупѣ; если же невольники не будутъ стараться о своемъ выкупѣ, то всѣ они скоро будутъ отосланы въ Москву въ вѣчную неволю. Услыша эти слова Сирка, всѣ татары вздрогнули и сейчасъ же начали торговаться съ Сиркомъ и атаманами и предлагать за себя выкупъ по своему состоянію. Итакъ всѣ, отъ мала до велика, пообѣщавъ за себя выкупъ, написали по-татарски реестръ своихъ именъ и обѣщаннаго выкупа, выпросили у Сирка трехъ татаръ и послали черезъ нихъ тотъ реестръ хану съ горячимъ прошеніемъ поскорѣе собрать выкупъ и прислать его въ Сичу. Черезъ этихъ же татаръ и Сирко со всѣмъ товариствомъ написалъ письмо хану; въ этомъ письмѣ онъ сообщалъ о причинѣ вторженія козаковъ въ Крымъ, происшедшаго по винѣ самихъ же татаръ, а не по винѣ запорожскихъ козаковъ, и тутъ же напомнилъ хану о древней доблести и рыцарствѣ войска запорожскаго.

«Ясневельможнѣйшій мосце хане крымскій со многими ордами, близкій нашъ сосѣде! Не мыслили бы мы, войско низовое запорожское, входить въ войну и непріязнь съ вашею ханскою

милостью и со всѣмъ крымскимъ панствомъ, если бы не увидѣли начала ея съ вашей стороны; ваша ханская милость, послушавъ дурного совѣта сумасброднаго и безумнаго цареградскаго визиря, а по немъ и приказанія наіяснѣйшаго и наівельможнѣйшаго султана своего, начали съ нами войну прошлой зимы. Вы приходили къ намъ, низовому запорожскому войску, съ султанскими янычарами и со многими крымскими ордами; подкравшись ночнымъ временемъ къ нашей Сичѣ и снявъ стоявшую за ней нашу стражу, вы отправили въ Сичь пятнадцать тысячъ янычаръ, которымъ приказали (что стыдно было вамъ дѣлать) не «по кавалерству» выбить и истребить всѣхъ насъ молодцовъ, войско запорожское, сонныхъ и нечающихъ никакой бѣды, а кучку нашу сичевую до основанія раскопать и разорить; сами же вы съ ордами стали было около Сичи, чтобы и духа уходившихъ молодцовъ не упустить. Но ваше намѣреніе и замыселъ Христосъ Богъ и премилосерднѣйшій нашъ Спаситель обратилъ на благо, а болѣзнь и бѣдствія наши въ болѣзнь и бѣдствія на головы турецкихъ янычаръ, о чемъ ваша ханская мощь хорошо знаетъ. Не предвидя отъ васъ никакого злаго умысла и скрытнаго дѣйствія (ибо вы хотѣли дѣйствовать тайно въ отношеніи тѣхъ людей, которые занимаются рыцарскимъ дѣломъ), мы нигдѣ не ожидали васъ, не брали предосторожности и не были готовы къ тому, чтобы дать вамъ отпоръ. Одинъ Господь Богъ Спаситель сохранилъ и защитилъ насъ отъ вашей напасти и нашего крайняго бѣдствія. И такъ какъ вашъ поступокъ огорчилъ насъ и причинилъ намъ, войску запорожскому, досаду, то мы, по примѣру древнихъ предковъ и братьевъ нашихъ, рѣшили постараться за обиду и огорченіе воздать и отомстить вашей ханской мосцѣ и всему ханству равнымъ за равное, но не тайно, какъ вы поступили, а явно, по рыцарски. И Богъ сердцевѣдецъ за нашу правду помогъ намъ лучше погостить въ вашемъ крымскомъ панствѣ, нежели вамъ въ нашей сичевой кучкѣ. И если та «гостина» наша въ вашемъ панствѣ показалась вамъ «нединкретною», то, быть можетъ, такъ оно и есть, ибо козаки, какъ не одной матери дѣти, такъ и не одного нрава: одни стрѣляли

направо, другіе налѣво, а третьи прямо, но такъ добре, что всѣ въ цѣль попадали. Да и «недишкреціи» той мы отъ васъ научились, а не сами выдумали, ибо, непринявши насъ за гостей и добрыхъ кавалеровъ въ самомъ Крыму, ваша ханская мосць поспѣшили было со своими сильными ордами до Сивашу, къ той самой переправѣ, чрезъ которую мы вошли въ ваше панство; стоя здѣсь и ожидая нашего возвращенія, вы хотѣли насъ истребить, не пустить черезъ переправу. Но и тутъ опять тоже всемогущій Богъ не допустилъ исполниться вашему намѣренію, а намъ за нашу правду явилъ свою милость и далъ возможность восторжествовать надъ вами. И если мы въ этомъ торжествѣ чѣмъ нибудь обезпокоили вашу ханскую мосць и вамъ показалось что нибудь съ нашей стороны «недишкретнымъ», то извини насъ на томъ, ваша ханская мосць; не забывай, однако, что всякая «недишкреція» обыкновенно платится за такую же «недишкрецію». Разумѣется, вашей ханской мосцѣ ничего подобнаго и не снилось, чтобы наше низовое запорожское войско, въ такомъ маломъ и ничтожномъ числѣ, осмѣлилось наступать войной на знаменитое и многолюдное крымское панство. Но этого и не могло бы быть (конечно, не вслѣдствіе вашей боязни, а вслѣдствіе сосѣдственной съ Крымомъ пріязни), если бы съ вашей стороны не было подано повода и причинъ для вражды и войны съ нами, запорожскимъ низовымъ войскомъ. Не изволь, ваша ханская мосць, смотрѣть на сраженіе, какъ на пугало и насъ, войско запорожское, ни во что ставить, а впредь на насъ открытой войной наступать; въ противномъ же случаѣ, если будешь поступать иначе, то и мы взаимно, собравшись уже гораздо лучше и въ большей силѣ, явимся въ крымское панство не на сивашскую переправу, а прямо въ самый Перекопъ, выломавъ въ немъ и отворивъ для себя ворота, на что имѣемъ всѣ средства, и до тѣхъ поръ изъ него не выйдемъ, пока, при всесильной божьей помощи, не увидимъ конца своего дѣла. Ибо если и прежніе отважные кавалеры и мужественные вожди войска запорожскаго, наши прѣдки и славные антецессоры, издавна вое-

вали Крымъ и царство турецкое [1]), то намъ ихъ наслѣдникамъ, кто же можетъ запретить идти тѣмъ же славнымъ воинскимъ путемъ нашихъ предковъ? И такъ мы, войско запорожское низовое, не желаемъ воевать и быть въ распрѣ съ вашею милостію и со всѣмъ крымскимъ панствомъ: однако, если снова увидимъ съ вашей стороны поводъ къ войнѣ, то мы взаимно не побоимся напасть на крымское панство. А что до того, что нѣкоторыя ватаги вашихъ и нашихъ охочихъ молодцовъ, гуляя по широкимъ и дикимъ степямъ, будутъ сходиться и вступать между собою въ борьбу, того намъ и вамъ не слѣдуетъ ставить въ причину великой войны. Не будемъ распространяться больше въ нашемъ письмѣ къ вашей ханской мосцѣ; сообщимъ лишь, что вашихъ крымскихъ невольниковъ, начальныхъ и простыхъ, у насъ въ кошу найдете еще четыре тысячи. Эти невольники, сами, написавъ списокъ своихъ именъ и обозначивши за себя выкупъ, выпросили у насъ, войска, трехъ татаръ и посылаютъ чрезъ нихъ свой списокъ въ руки вашей ханской милости. Если ты изволишь, ваша ханская милость, приказать родственникамъ невольниковъ доставить тотъ выкупъ какъ можно скорѣе и прислать его къ намъ въ кошъ съ особымъ отъ вашей ханской дишкреціи на насъ, войско запорожское, подаркомъ, то мы всѣхъ невольниковъ вашихъ немедленно отпустимъ въ Крымъ. А если же далѣе полутора мѣсяца того выкупа не будетъ, то объявляемъ, что мы отошлемъ всѣхъ невольниковъ до пресвѣтлѣйшаго его царскаго величества, добраго и богатаго государя и добродѣтеля нашего, который несомнѣнно вознаградитъ насъ изъ своей монаршей казны за присылку тѣхъ татаръ. Изложивъ все это, желаемъ вашей ханской мосцѣ добраго здоровья и счастливой жизни. Писанъ въ запорожской Сичи 1675 года, сентября 23 дня. Вашей ясневельможной ханской мосцѣ доброжела-

---

[1]) Самоилъ Кошка, Өедоръ Богданко, Петро Конашевичъ Сагайдачный, Богданъ Хмельницкій, Иванъ Сулима «коснулись мужественно и самыхъ стѣнъ константинопольскихъ, довольно мушкетнымъ дымомъ окуривши: Синопъ и Трапезонтъ выстинали; мощному Бѣлагороду не разъ крылья осмаливали».

*

тельные пріятели Иванъ Сирко, Атаманъ кошовый со всѣмъ войска низоваго запорожскаго товариствомъ [1])».

Видимо объ этой самой побѣдѣ, въ томъ-же году, 1 сентября, кошевой Иванъ Дмитріевичъ Сирко писалъ гетману Ивану Самойловичу: «Прежде этого мы извѣщали тебя, нашего благодѣтеля, сообщая о первомъ нашемъ изъ-подъ Перекопа возвратѣ. Такъ и нынѣ, божіею милостію и счастіемъ великаго государя нашего, будучи въ Крыму вмѣстѣ съ помянутыми (московскими) войсками, мы разбили немалое число непріятелей, вышедшихъ противъ насъ, опустошили села огнемъ, взяли много добычи, захватили ихъ самихъ живьемъ, немало освободили душъ христіанскихъ изъ неволи, и сами со всею цѣлостью и безъ всякаго урона своего войска возвратились въ кошъ» [2]). Однако ненависть мусульманъ къ запорожскимъ козакамъ и всему христіанскому населенію Украйны послѣ этого событія такъ сильно возгорѣлась, что турки въ 1680 году рѣшились предпринять или, по крайней мѣрѣ, распускали слухъ, что имѣютъ предпринять походъ на запорожскую Сичу и разорить ее до основанія. Существуетъ преданіе, что прежде чѣмъ отправить войска на запорожскую Сичу, турецкій султанъ Магометъ IV послалъ запорожцамъ письмо съ требованіемъ добровольно покориться ему, какъ непобѣдимому рыцарю; на это письмо запорожцы, не стѣсняясь въ выраженіяхъ, отвѣтили султану письмомъ, въ которомъ отрицали всякую доблесть у него и жестоко смѣялись надъ кичливостью «непобѣдимаго рыцаря». У многихъ любителей южно-русской старины и до сихъ поръ хранятся копіи этого, можетъ быть, мнимаго письма турецкаго султана и курьезнаго отвѣта на него запорожцевъ. Одно изъ такихъ писемъ открыто было извѣстнымъ нашимъ историкомъ Н. И. Костомаровымъ въ московскомъ архивѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и напечатано имъ въ журналѣ «Русская Старина» [3]). Нѣсколько подобныхъ писемъ имѣется въ распоряженіи автора настоящей статьи:

[1]) Самоилъ Величко. Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 372—382.

[2]) Акты южной и западной Россіи, XII, 259, № 89, 2.

[3]) Русская Старина, 1872, VI, 450.

изъ нихъ здѣсь приводится письмо, доставленное автору священникомъ села Выше-Тарасовки, екатеринославскаго уѣзда, отцомъ Іоанномъ Курилинымъ, добытое имъ сорокъ лѣтъ тому назадъ въ архивѣ екатеринославской духовной семинаріи. «Султанъ Махмудъ IV запорожскимъ козакамъ въ 1680 году. Я, султанъ, сынъ Магомета, братъ солнца и луны, внукъ и намѣстникъ божій, владѣлецъ царствъ—македонскаго, вавилонскаго, іерусалимскаго, Великаго и Малаго Египта, царь надъ царями, властелинъ надъ властелинами, необыкновенный рыцарь, никѣмъ непобѣдимый, неотступный хранитель гроба Іисуса Христа, попечитель самаго Бога, надежда и утѣшеніе мусульманъ, смущеніе и великій защитникъ христіанъ,—повелѣваю вамъ, запорожскіе козаки, сдаться мнѣ добровольно и безъ всякаго сопротивленія и меня вашими нападеніями не заставлять безпокоить. Султанъ турецкій Махмудъ IV.» «Запорожскіе козаки турецкому султану. Ты—шайтанъ турецкій [1]), проклятаго чорта братъ и товарышъ, и самого люцыперя секретарь! Якій ты въ чорта лыцарь? Чортъ выкидае, а твое військо пожирае. Не будешъ ты годенъ сынивъ хрестьянскихъ надъ собою мати [2]); твого війська мы не боимось, землею и водою будемъ быться зъ тобою. Вавилонскій ты кухарь, македоньскій колесныкъ, іерусалимськiй броварныкъ [3]), александрійскій козолупъ, Великого й Малòго Египта свынарь, армянська свыня, татарскій сагайдакъ [4]), каминецькій катъ, подолянськiй злодiюка, самого гаспида [5]) внукъ и всего свиту и пидсвиту блазень [6]), а нашого Бога дурень, свыняча морда, кобыляча с...а, ризныцька собака, нехрещеной лобъ, хай бы взявъ тебе чòртъ! Оттакъ тоби козаки видказали, плюгавче [7])! Невгоденъ еси матери вирныхъ хрестіянъ. Числа не знаемъ, бо календаря не маемъ, мисяць у неби, годъ у кнызи, а день такій у насъ, якъ и у васъ, поцилуй за те ось-куды насъ!.. Кошовый атаманъ Иванъ Сирко зо всимъ коштомъ запорожськимъ».

---

[1]) Шайтанъ чортъ; [2]) Мати -имѣть; [3]) Броварныкъ—пивоваръ.

[4]) Сагайдакъ—козелъ. [5]) Гаспидъ—дьяволъ. [6]) Блазень—глупецъ.[7]) Плюгавецъ—поганецъ.

III.

Выборъ войсковой старшины у запорожскихъ козаковъ [1]).

У каждаго народа свои нравы и обычаи, и чѣмъ первобытнѣе народъ, тѣмъ устойчивѣе его нравы и обычаи; народъ, стоящій на самой низшей ступени развитія, возводитъ исполненіе обычаевъ въ культъ; народъ, хотя и болѣе развитой, чѣмъ первобытный, но еще не создавшій себѣ опредѣленныхъ законовъ, живущій только преданіями, считаетъ свои обычаи непреложнымъ закономъ. Для человѣка, живущаго преданіями, отступить отъ какого либо обычая—значитъ потерять честь и навлечь не только на себя, но и на весь свой родъ и даже на самое общество, среди котораго онъ живетъ, вѣчную поруху и вѣчное безславіе. Такъ бываетъ у всѣхъ народовъ въ первыя времена ихъ общественнаго развитія. Запорожскіе козаки, съ ихъ общественнымъ устройствомъ, основывающемся на преданіи, не составляли въ этомъ отношеніи исключенія. Въ основѣ всей козац-

---

[1]) Источники: Исторія о козакахъ запорожскихъ князя Мышецкаго (Одесса, 1852); Записки о Россіи Манштейна (Москва, 1832, I, 27); Новый и полный географическій словарь Максимовича и Щекатова (Москва, 1788, II); Три книги хотинской войны Якова Собѣскаго (Данцигъ, 1646); Выборы въ кошевые атаманы, судьи, писаря и есаулы въ 1749 году—изъ собственнаго архива; Народныя преданія, лично собранныя.

кой общины ихъ лежалъ обычай; по обычаю они не допускали въ Сичь женщинъ, по обычаю судили преступниковъ, по обычаю раздѣлялись на курени и паланки, по обычаю ежегодно мѣняли всю свою старшину. Дѣлежъ земли и выборъ старшины происходили у запорожскихъ козаковъ перваго января каждаго новаго года. Вотъ какъ это дѣлалась. Еще за нѣсколько дней до наступленія новаго года всѣ козаки, бывшіе въ зимовникахъ, на рѣкахъ, озерахъ, степяхъ и занимавшіеся тамъ, кто домашнимъ хозяйствомъ, кто рыбною ловлею, а кто звѣриной охотою,—всѣ спѣшили, въ виду предстоящаго дѣлежа земли и выбора старшины, въ столицу своей козацкой общины, Сичу. Въ самый день перваго января новаго года они поднимались на ноги особенно рано, тотъ-же часъ умывались холодною водой, выряжались въ самое лучшее платье штофныя узорчатыя черкески, красные съ широкими вылетами кафтаны, сафьяновые сапоги, высокія шапки, пестрые шелковые пояса, вооружались саблями, пистолетами, кинжалами, ятаганами и спѣшили, по звону колоколовъ, въ сичевую церковь, непремѣнно Покрова пресвятой Богородицы; въ церкви они слушали сперва заутреню, потомъ обѣдню. Божественную службу у нихъ правили всегда два іеромонаха кіевскаго спасо-преображенскаго Межигородскаго монастыря, отъ которыхъ требовалась особенная трезвость жизни и умѣнье краснорѣчиво говорить проповѣди; при іеромонахахъ были два діакона, непремѣнно голосистыхъ, два дьячка, пономарь и цѣлый хоръ пѣвчихъ, старшаго и младшаго возрастовъ, учившихся чтенію и пѣнію въ сичевой школѣ и жившихъ на особыхъ общинныхъ правахъ, независимо отъ общаго сичеваго управленія. Войдя въ церковь, козаки становились по особымъ мѣстамъ: старшина—за такъ называемыми бокунами, или стасидіями, простые козаки длинными рядами, одинъ за другимъ, среди церкви. Служба происходила въ этотъ день съ особенною торжественностью и благолѣпіемъ: во время заздравной ектеніи, послѣ членовъ царской фамиліи россійскаго дома, назывались по именамъ четыре человѣка сичевой старшины: кошевой, судья, писарь и асаулъ; во время заупокойной ектеніи прочитывались,

имена убитыхъ на брани козаковъ, написанныя на особой лопаточкѣ, которую діаконъ держалъ въ рукѣ во время чтенія предъ алтаремъ; а при чтеніи священникомъ евангелія, козаки брались за ручки своихъ сабель и вынимали ихъ до половины изъ ноженъ, въ знакъ готовности сражаться за слово божіе съ невѣрными народами.

По окончаніи божественной службы, козаки расходились изъ церкви по куренямъ для обѣда. Придя въ курень, они молились на иконы, поздравляли одинъ другого съ праздникомъ, потомъ снимали съ себя на время дорогое верхнее платье и садились за общій столъ, называвшійся у нихъ сырномъ, уступая всегда куренному атаману мѣсто въ красномъ углу подъ образами, гдѣ висѣла неугасаемая лампада и стояла карнавка, т. е. кружка для опусканія въ нее денегъ. Отобѣдавъ, чѣмъ Богъ послалъ— соломахой, тетерею, щербою, ухой, рыбой, иногда дичиной, рѣдко галушками и еще рѣже варениками, и обильно запивъ, ради большаго праздника, горилкою, пивомъ, медомъ, брагою или варенухою, козаки вставали изъ-за стола, молились Богу, благодарили атамана, куреннаго кухаря, одинъ другого, бросали по одному, иногда по два, по три шага въ карнавку для закупки провизіи къ слѣдующему дню, потомъ, пооддѣвавшись въ верхнее платье, всѣ высыпали изъ куреней на площадь для предстоящей войсковой рады. Между тѣмъ, кошевой атаманъ отдавалъ приказаніе войскому довбышу или барабанщику идти въ свой курень взять оттуда всегда хранившіяся у него литаврныя палки, затѣмъ идти въ церковь, гдѣ у запорожскихъ козаковъ находились всѣ ихъ войсковые клейноты, или войсковые знаки, отыскать тамъ же литавры и потомъ бить въ нихъ для сбора козаковъ на раду. Довбышъ шелъ въ церковь, выносилъ оттуда литавры, билъ въ нихъ сперва одинъ разъ «мелкою дробью»: на бой литавръ являлся прежде всего войсковой асаулъ, который также входилъ въ церковь, бралъ оттуда большое войсковое знамя, иначе стягъ, корогву или прапоръ, выносилъ его на площадь и ставилъ около церкви. Тутъ довбышъ снова билъ въ литавры уже два раза. На его бой спѣшили, какъ пчелы на

медъ, козаки на радную или вѣчевую площадь, гладко выровненную, усыпанную пескомъ, обставленную кругомъ, въ видѣ правильной подковы, тридцатью-восьмью куренями, имѣвшую одну пушкарню или артиллерійскій цейхгаузъ, цѣлую сотню торговыхъ лавокъ и оканчивающуюся обыкновенно на южной сторонѣ сичевою церковью съ особою при ней колокольнею, замѣнявшею собой боевую башню, а на сѣверной окраинѣ—предмѣстьемъ съ особыми дворами для пришлыхъ мастеровыхъ и торговыхъ людей. За простыми козаками выступала на площадь сичевая старшина: кошевой атаманъ, войсковой судья, войсковой писарь, войсковой асаулъ и тридцать восемь куренныхъ атамановъ, каждый со знакомъ своего достоинства: кошевой съ большой палицей или булавой, судья съ большой серебряною печатью, писарь съ перомъ и серебрянымъ каламаремъ или чернильницей, асаулъ съ малой палицей. Довбышъ, завидя идущую старшину, отдавалъ ей честь боемъ въ литавры. Вся старшина шла съ открытыми головами и, выйдя на средину, становилась на площади въ одинъ рядъ, другъ подлѣ друга, по старшинству своихъ членовъ, и кланялась на всѣ четыре стороны собравшемуся «славному низовому товариству». Товариство, также съ открытыми головами, становилось за куренными атаманами, кругомъ церкви, зачиная правымъ флангомъ отъ кошеваго, кончая лѣвымъ флангомъ у войсковаго асаула; а иногда при полномъ войсковомъ сборѣ, не вмѣстясь въ городкѣ Сичи, влазило на курени, колокольню, канавы или становилось по валу и по рѣкѣ. На поклоны старшины отвѣчало поклонами. Вслѣдъ за этимъ на площадь являлся священникъ и предъ начатіемъ рады служилъ церковную службу. Послѣ окончанія службы кошевой атаманъ объявлялъ собравшемуся товариству о цѣли рады.

— Паны молодцы! у насъ теперь новый годъ; надлежитъ намъ, по древнему нашему обычаю, произвести раздѣлъ между товарищами рѣкъ, озеръ, урочищъ, звѣриныхъ уходовъ и рыбныхъ ловель.

— Да, слѣдуетъ, слѣдуетъ! Будемъ дѣлить, какъ искони заведено у насъ, по жребію, по лясамъ.

Тутъ выступалъ на сцену войсковой писарь, который заблаговременно расписывалъ по куренямъ всѣ угодья на маленькихъ ярлыкахъ, клалъ въ шапку всѣ ярлыки, встряхивалъ ихъ и предлагалъ куреннымъ атаманамъ подходить къ шапкѣ и разбирать ярлыки. Атаманы подходили и разбирали, писарь прочитывалъ, и что какому куреню доставалось, тѣмъ онъ и владѣлъ въ теченіе всего года, до новаго раздѣла; тутъ споровъ и прекословій не бывало: атаманы благодарили старшину и становились на свои мѣста. Такъ дѣлилась вся земля запорожскихъ козаковъ отъ устья рѣки Самары до верховья рѣки Конки и отъ порожистой части Днѣпра до устья Буга. Этотъ ежегодный по жребію дѣлежъ земли происходилъ въ виду неодинаковаго богатства запорожскихъ урочищъ: одни изъ нихъ были слишкомъ изобильны, другія—слишкомъ бѣдны. Поэтому, чтобы долговременное владѣніе богатыми угодіями не возбуждало зависти и не подавало повода къ раздорамъ въ средѣ товариства, ихъ дѣлили каждый годъ по жребію. Въ такомъ случаѣ всякъ доволенъ былъ доставшимся ему угодьемъ и не думалъ завидовать товарищу, которому, по счастью, доставался лучшій жребій.

Послѣ дѣлежа угодій довбышъ вновь билъ въ литавры, и козаки вновь прибывали,—иногда ихъ собиралось до пяти тысячъ человѣкъ. Тутъ кошевой атаманъ опять обращался съ рѣчью къ сичевому товариству.

— Паны молодцы! у насъ сегодня новый годъ; не желаете ли вы, по старому обычаю, перемѣнить свою старшину и вмѣсто нея выбрать новую.

Если товариство довольно было своею старшиною, то въ такомъ случаѣ на предложенный кошевымъ вопросъ отвѣчало:

— Вы, добрые паны, пануйте еще надъ нами!

Тогда кошевой, судья, писарь и асаулъ кланялись козакамъ, благодарили ихъ за честь и расходились по куренямъ. Если же товариство было недовольно чѣмъ-нибудь на свою старшину, то тогда, послѣ вызова кошеваго, объявляло ему, чтобы онъ отнесъ

свою булаву или палицу къ знамени и положилъ бы ее на шапку. Съ кошевымъ, оказавшимся несправедливымъ или въ чемъ-либо провинившимся, козаки не церемонились.

— Покинь, скурвый сыну, свое кошевье, ты уже козацкого хлиба наився! Иди себѣ прочь, негодный сыну, ты для насъ неспособенъ! Положи! Положи!..

Кошевой немедленно повиновался: онъ бросалъ на землю свою шапку, сверхъ шапки клалъ палицу, кланялся товариству, благодарилъ его за честь, которую оно оказывало ему въ теченіе года, и уходилъ въ свой курень. Тоже самое дѣлали судья, писарь и асаулъ. Впрочемъ, если изъ послѣднихъ кто-либо былъ угоденъ козакамъ, то они кричали, чтобы онъ «не складывалъ съ себя своего чина», и онъ безпрекословно повиновался. Иногда, прежде чѣмъ отпустить старшину, товариство требовало отъ нея отчета въ разныхъ дѣйствіяхъ и предагало ей разные вопросы. Въ результатѣ, однако, рѣдко старшина оказывалась виновною: пользуясь своею властью всего лишь одинъ годъ и имѣя въ виду въ концѣ года отчетъ, она рѣдко дѣйствовала по собственному произволу, больше же по желанію всего войска, и потому рѣдко оказывалась виновною. Въ случаѣ удаленія старой старшины приступали къ избранію новой. При этотъ выступали на сцену чисто народныя начала: ни куренные атаманы, никто другой изъ лицъ начальственныхъ не имѣли въ этомъ случаѣ никакого значенія, всѣмъ дѣломъ руководила чернь, такъ называемая «сиромашня». Естественно, что при этомъ поднимались споры, пререканія и раздоры, тѣмъ болѣе, что многіе въ этотъ день, праздника ради, иногда чрезъ край хватали «пьяного зилья»—горилки. Спорили прежде всего о томъ, кого именно выбрать въ кошевые атаманы — каждый курень выставлялъ своего кандидата и настаивалъ на выборѣ именно его, а не другого кого-либо. Споры длились иногда по нѣсколько часовъ. Всѣ кандидаты, имена которыхъ выкрикивались на площади, должны были тотъ же часъ оставлять площадь и уходить въ свои курени, чтобы своимъ личнымъ участіемъ не помогать своему избранію. Наконецъ, послѣ долгихъ споровъ, останавливались на одномъ

изъ всѣхъ названныхъ кандидатовъ. Тогда изъ всего товариства отдѣлялись десять человѣкъ козаковъ или больше и шли въ тотъ курень, гдѣ сидѣлъ выбранный въ кошевые козакъ. Пришедшіе объявляли избранному волю всего товариства и просили его принять предлагаемую ему честь. Если избранный станетъ отговариваться, то двое изъ пришедшихъ козаковъ берутъ его подъ руки, двое или трое пихаютъ сзади, нѣсколько человѣкъ толкаютъ въ бока и ведутъ на площадь приговаривая: «Иды, скурвый сыну, бо намъ тебе треба, ты теперь нашъ батько, ты будешь у насъ паномъ». Такъ приводятъ избраннаго въ раду, тутъ вручаютъ ему палицу и объявляютъ желаніе всего войска видѣть его кошевымъ атаманомъ. Избранный, однако, по древнему обычаю, долженъ былъ сперва два раза отказаться отъ предлагаемой ему чести и только послѣ третьяго предложенія бралъ въ руки палицу. Тогда войско приказывало довбышу пробить честь новому кошевому атаману, а старые сичевые козаки, «славные низовые лыцари», поочередно подходили къ нему и сыпали на бритую голову его песку или мазали макушку головы грязью, если на ту пору случится дождливая погода, въ знакъ того, чтобы онъ не забывалъ о своемъ низменномъ происхожденіи и не стремился бы къ возвышенію надъ всѣмъ товариствомъ. Кошевой долженъ былъ кланяться на всѣ четыре стороны и благодарить товариство за честь, на что товариство отвѣчало ему крикомъ: «Будь, пане, здоровый та гладкый! Дай тоби, Боже, лебедыный викъ, а журавлыный крыкъ!» Тѣмъ избраніе кошеваго и оканчивалось. Въ тотъ же день перваго января и такимъ же порядкомъ происходило избраніе судьи, писаря, асаула и куренныхъ атамановъ, съ тою только разницею, что войсковому судьѣ при избраніи вручали печать, войсковому писарю—чернильницу, а войсковому асаулу—жезлъ. Втораго января избирали довбыша, потомъ слѣдующихъ за нимъ чиновъ: пушкаря, шафаря, кантаржея и др.

Далеко, однако же, не всегда такъ мирно и такъ скоро оканчивались выборы новой старшины. Иногда, при общемъ голосованіи, страсти козаковъ до того разгорались, что дѣло дохо

дило и до смертоубійствъ. Спорящіе въ такомъ случаѣ раздѣлялись въ концѣ концовъ на двѣ половины: одну составляли такъ называемые нижніе курени, а другую такъ называемые верхніе курени, и каждая сторона, желая видѣть кошевымъ атаманомъ своего кандидата, не признавала другого. Тогда начинался споръ, за споромъ слѣдовала ссора, за ссорой драка. Дерущіеся въ своемъ ожесточеніи доходили до того, что даже бросались на курени, разоряли ихъ, ломали все на своемъ пути и наносили одни другимъ великія обиды. Въ это время кандидаты той или другой стороны немедленно оставляли площадь и скрывались въ свои курени, сидя на запорахъ. Но это не спасало ихъ. Вотъ козаки одной какой-либо стороны вскакиваютъ въ курень, гдѣ сидитъ ихъ кандидатъ, тащатъ его на площадь и объявляютъ кошевымъ. Но противная сторона не желаетъ видѣть объявленнаго кандидата кошевымъ; самъ выбранный отказывается отъ предлагаемой ему чести, не идетъ на площадь и упирается ногами. Но его сторонники не успокаиваются: они толкаютъ его въ шею, пихаютъ въ спину, бьютъ кулаками подъ бока и, когда онъ все такъ же будетъ упираться ногами, порвутъ на немъ все платье, выщиплютъ на головѣ чупрыну, помнутъ ему всѣ ребра и, можетъ статься, что все-таки противная сторона не признаетъ его своимъ кошевымъ. Въ подобныхъ случаяхъ перевѣсъ, разумѣется, остается всегда за болѣе сильною стороной.

Частая смѣна старшины происходила, конечно, въ видахъ гарантіи политической свободы въ средѣ запорожскихъ козаковъ; такъ понимало это и само сичевое товариство, но лица, не принадлежавшія къ запорожской общинѣ, объясняли это тѣмъ, что, часто мѣняя кошевыхъ, запорожскіе начальные козаки соблюдали будто бы свою личную выгоду, такъ какъ русскій дворъ обязанъ былъ дѣлать всякому новому кошевому подарокъ 7,000 р., которые онъ, обыкновенно, раздѣлялъ между начальными козаками для расположенія ихъ въ свою пользу [1]). Избраніемъ войсковой старшины запорожская сиромашня иногда пользова-

[1]) Манштейнъ. Записки о Россіи, Москва, 1823, I, 27.

лась, какъ случаемъ поживиться чужимъ добромъ. Въ предмѣстьѣ Сичи, на крамномъ базарѣ, у запорожцевъ всегда жили разнаго рода и различныхъ національностей ремесленники и торговцы: котляры, кузнецы, пушкари, шинкари, купцы, мелкіе торговцы изъ грековъ, армянъ, великороссіянъ и малороссіянъ, наѣзжавшіе въ Сичь для занятій ремеслами, промыслами и торговлею. Сиромашня, завидовавшая богатству ремесленниковъ и торговцевъ, во время избранія старшины дѣлала между собою стачку, съ цѣлью нападенія на «базарныхъ людей». Пользуясь всеобщей безурядицей, она неожиданно нападала на нихъ, разгоняла изъ предмѣстья, бросалась на ихъ лавки и шинки, вытаскивала оттуда товары, выпускала изъ бочекъ напитки и забирала все, что попадалось подъ руку. «Базарные люди» старались защищать свое добро. Они въ свою очередь составляли стачку, вооружались ружьями, дубинами, становились у сичевой колокольни и старались не впускать сиромашню въ свое предмѣстье, простаивая по днямъ и по ночамъ у воротъ, ведшихъ изъ самой Сичи въ предмѣстье ея. Но сиромашня не унималась Тогда противныя стороны схватывались между собой, и нерѣдко дѣло доходило до жестокихъ дракъ и смертоубійствъ. Кошевой атаманъ, судья, писарь и асаулъ всѣми мѣрами старались унять враждовавшихъ, дѣйствуя, однако, не лично, а чрезъ куренныхъ атамановъ и старыхъ «сивоусыхъ» козаковъ. Послѣдніе, дѣйствуя частію палками, частію увѣщаніями, отвращали подъ конецъ сиромашню отъ хищныхъ намѣреній и водворяли спокойствіе въ Сичи. Но такія явленія были, какъ исключенія; обыкновенно же запорожцы заканчивали важное дѣло избранія старшины генеральной попойкой и самымъ безшабашнымъ весельемъ, какое только можетъ выдумать вольная голова запорожца.

Послѣ окончанія избранія войсковой старшины, съ площади уносятся всѣ войсковые и властные знаки, и тутъ сцена сразу перемѣняется. На площадь выходятъ пѣвчіе, являются музыканты, выкачиваются съ разными питьями бочки, вытаскиваются груды бубликовъ, выставляются куски сала, вывозятся цѣлые

возы рыбы, колбасъ и всякаго рода лакомства на счетъ выбранной старшины, и тогда начинается настоящее разливанное море во всей Сичи: и въ куреняхъ, и на площадяхъ, и на козацкихъ слободахъ. Тутъ звенитъ кобза, свиститъ сопилка, глухо гудитъ бубенъ, а тамъ раздается пѣсня изъ устъ цѣлой сотни сичевыхъ школяровъ,—пѣсня, громко, отчетливо и звонко разливающаяся по чистому морозному воздуху. А подъ звуки музыки уже носятся, какъ легкія тѣни, удалые козаки. И чего они не выдѣлываютъ своими неутомимыми ногами? Иной, прежде чѣмъ пуститься въ плясъ, неожиданно присядетъ на корточки, потомъ моментально подскочетъ вверхъ, снова спустится внизъ, затѣмъ молодецки возьмется въ боки и потомъ пойдетъ писать и передомъ, и задомъ, и скокомъ, и бокомъ, и направо, и налѣво, и на головѣ, и на рукахъ. Другой выскочитъ въ средину пляшущихъ, круто заломитъ на затылокъ свою красную, съ острымъ верхомъ шапку и начнетъ выбивать своими сафьяновыми на серебряныхъ подковахъ сапогами мелкаго козачка, поддерживая одной рукой свою звенящую саблю въ дорогой съ каменьями оправѣ, а другой, взявшись за свой усъ, черный, какъ смоль, а длинный какъ «дивоча» коса. Только и видно отъ него, какъ то туда, то сюда мотается на козацкой головѣ, точно въ зеленомъ огородѣ созрѣвшій макъ, кончикъ красной шапки. А третій и шапку бросилъ «къ нечистой матери» и носится какъ толкачъ, чѣмъ сало толкутъ, съ открытой, гладко выбритой головой, высоко вскинувъ свою чупрыну на макушку, плотно заложивъ свои «страшенныя усища» за оба уха и сбросивъ съ себя верхнее платье, кунтушъ. Гуляй, душа, безъ кунтуша!.. Четвертымъ и танцы ни почемъ: они закупили нѣсколько бочекъ горилки и раздаютъ ее даромъ всякому встрѣчному и поперечному. Всякъ спѣшитъ къ даровому «пойлу», кто съ котлами, кто съ горшками, кто съ ведрами, кто съ коновками, а кто съ цѣлыми куфами.

И тогда чего только не выдумаетъ изобрѣтательная фантазія запорожца? Вотъ подкатили запорожцы огромную бочку горилки къ хатѣ, что строится при всякомъ куренѣ, вылили въ

нее горилку, повскакивали сами въ хату, заперли за собою дверь и плаваютъ по горилкѣ, какъ по настоящей рѣкѣ... А вотъ цѣлый десятокъ добрыхъ молодцевъ уставили среди площади преогромный казанище, налили въ него водки и деревянными ложками черпаютъ изъ него «пьяное питье», какъ черпаютъ борщъ, опрокидывая ложки подъ свои длинныя усища и закусывая любимымъ лакомствомъ — бубликами. И тутъ же около нихъ какой-нибудь «химерный запорожецъ» переродился въ чорта съ коротенькими рожками, куцымъ хвостикомъ, собачьими когтями, на тонкихъ ножкахъ, и, для большаго сходства съ нечистымъ, облился съ ногъ до головы дегтемъ. Настоящій чортъ!.. А рядомъ съ «химернымъ запорожцемъ» какой-нибудь «молокососъ» споритъ со старымъ козакомъ, кто скорѣе вскарабкается на высокій, гладко выструганный столбъ, врытый въ землю и, чтобы обмануть стараго «козарлюгу», мажетъ свои шаровары медомъ, быстро поднимается на самый верхъ столба и заливается веселымъ хохотомъ отъ неудачи «сивоусаго лыцаря». А тамъ, за городкомъ Сичи, гарцуютъ на бойкихъ коняхъ нѣсколько человѣкъ лихихъ наѣздниковъ: они обгоняютъ другъ друга на коняхъ, стрѣляютъ на всемъ скаку изъ пистолетовъ въ воздухъ и тутъ же, бѣшено разгоняя своихъ коней, перепрыгиваютъ невѣроятно высокіе барьеры. Но были и такіе, которые предпочитали всякимъ «скокамъ, спивамъ и выгадкамъ» на площади игру въ «чупрундырь» въ куренѣ: они садились среди куреня, раздѣлялись на партіи и съ страшнымъ задоромъ рѣзались въ карты, при чемъ побѣдившая сторона всякій разъ усердно тягала побѣжденную за чубы; въ куренѣ стоялъ здоровый дружный и веселый хохотъ счастливыхъ побѣдителей, безмѣрно торжествовавшихъ свою побѣду надъ противниками.

Вездѣ шумъ, гамъ, крикъ, невообразимое веселье. А надъ всѣмъ этимъ опрокинулось высокое чистое небо, на которомъ плаваютъ миріады мигающихъ звѣздъ, и въ ночномъ холодномъ воздухѣ разливается мягкій, серебристый свѣтъ луны.

IV.

Суды, наказанія и казни у запорожскихъ козаковъ.

Какъ въ выборѣ войсковой старшины и раздѣлѣ земель, такъ и въ судахъ, наказаніяхъ и казняхъ запорожскіе козаки руководились не писанными законами, а «стародавнимъ обычаемъ, словеснымъ правомъ и здравымъ смысломъ». Писанныхъ законовъ отъ нихъ нельзя было ожидать прежде всего потому, что община козаковъ слишкомъ мало имѣла за собой прошлаго, чтобы выработать такіе или иные законы, привести ихъ въ систему и выразить на бумагѣ, а затѣмъ и потому, что вся историческая жизнь запорожскихъ козаковъ была наполнена почти безпрерывными войнами, непозволявшими имъ много останавливаться на устройствѣ внутреннихъ порядковъ своей жизни. Оттого самыя наказанія и казни у запорожскихъ козаковъ всего больше касались уголовныхъ и имущественныхъ преступленій; это—общее правило у всѣхъ народовъ, стоявшихъ и стоящихъ на первыхъ ступеняхъ общественнаго развитія: прежде всего человѣку нужно оградить свою личность и свое имущество, а потомъ уже думать о другихъ болѣе сложныхъ сочетаніяхъ общественной жизни. Оттого же у запорожскихъ козаковъ за такое преступленіе, какъ воровство, влекущее за собой въ благоустроенномъ государствѣ штрафъ или лишеніе свободы преступника, опредѣлялась смертная казнь: «у нихъ за едино путо

или плѣть вѣшають на деревѣ» [1]). Обычай, въ замѣнъ писанныхъ законовъ, признавался, какъ гарантія прочныхъ порядковъ въ Запорожьѣ, и русскимъ правительствомъ; такъ императрица Екатерина II, вооружаясь противъ возстанія гайдамаковъ, въ своемъ указѣ 1768 года, 12 іюля, повелѣвала «поступать съ ними, по всей строгости запорожскихъ обрядовъ» [2]). Нельзя сказать при этомъ, однако, чтобы запорожскіе судьи, руководствовавшіеся въ своей практикѣ исключительно обычаемъ, дозволяли себѣ произволъ и допускали волокиту дѣлъ: и незначительное число запорожскаго товарищества, и чисто народное устройство его, и полнѣйшая доступность всякаго члена козацкой общины къ высшимъ начальникамъ дѣлали судъ въ Запорожьѣ простымъ, скорымъ и правымъ въ полномъ и точномъ смыслѣ этихъ словъ; обиженный и обидчикъ словесно излагали передъ судьями сущность своего дѣла, словесно выслушивали рѣшеніе ихъ и тутъ же прекращали свои распри и недоразумѣнія, причемъ передъ судьями были одинаково равны—и простой козакъ и значный товарищъ. Дошедшіе до насъ акты, касающіеся судебныхъ козацкихъ дѣлъ, показываютъ, что у запорожцевъ признавались право перваго займа (jus primae occupationis), право договора между товарищами, право давности владѣній,—послѣднее, впрочемъ, допускалось только въ ничтожныхъ размѣрахъ, и то въ городахъ; оно касалось не пахотныхъ земель и угодій, бывшихъ всеобщимъ достояніемъ козаковъ, а небольшихъ при домахъ огородовъ и усадебныхъ мѣстъ; признавался обычай увѣщанія преступниковъ отстать отъ худыхъ дѣлъ и жить въ добромъ поведеніи; допускались слѣдствія «по самой справедливости, зрѣлымъ окомъ» во всякое время, кромѣ постныхъ дней первой седьмицы; практиковались предварительныя заключенія преступниковъ въ войсковую тюрьму или пушкарню и пристрастный судъ или пытки; наконецъ дозволялась порука всего войска и духовныхъ лицъ за преступниковъ, особенно если эти преступники выказывали себя раньше

---

[1]) Лѣт. дѣйствія презѣльной брани Григорія Грабянки, Кіевъ, 1854, 19.
[2]) Скальковскій. Исторія Новой Сичи, Одесса, 1885, I, 157, 160, 165, 167, 168.

съ выгодной для всего войска стороны или почему-либо нужны были ему. Тѣже акты и свидѣтельства современниковъ даютъ нѣсколько примѣровъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства у запорожскихъ козаковъ. Изъ преступленій гражданскаго судопроизводства важнѣйшими считались дѣла по неправильной денежной претензіи, неуплатному долгу, обоюднымъ ссорамъ, разнаго рода шкодамъ или потравамъ. Изъ преступленій уголовныхъ самымъ большимъ считались убійство козакомъ товарища; побои, причиненные козакомъ товарищу въ трезвомъ или пьяномъ видѣ; воровство чего-либо козакомъ у товарища и укрывательство краденной вещи [1]); связь съ женщиной и содомскій грѣхъ въ виду обычая, запрещавшаго бракъ сичевымъ козакамъ; обида, когда козакъ «опорочитъ не по пристойности» женщину, потому что подобное преступленіе «къ обезславленію всего войска запорожскаго простирается» [2]); дерзость противъ начальства, особенно въ отношеніи чиновныхъ людей русскаго правительства [3]); насилія, когда козакъ отнималъ у товарища лошадь, скотъ и имущество; дезертерство, т. е. самовольная отлучка козака подъ разными предлогами въ степь во время похода противъ непріятеля; гайдамачество, т. е. воровство лошадей, скота и имущества у мирныхъ поселенцевъ польскихъ и татарскихъ областей и проѣзжавшихъ по запорожскимъ степямъ купцовъ и путешественниковъ; пьянство во время походовъ на непріятеля, считавшееся уголовнымъ преступленіемъ и ведшее за собой строжайшее наказаніе [4]).

Судьями у запорожскихъ козаковъ была вся войсковая старшина [5]), т. е. кошевой атаманъ, судья, писарь, войсковой асаулъ довбышъ, паланочный полковникъ и иногда весь кошъ. Кошевой атаманъ считался высшимъ судьей, потому что онъ имѣлъ

---

[1]) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 57, 58.
[2]) Скальковскій. Исторія Новой Сичи, Одесса, 1885, I, 161.
[3]) Скальковскій. Исторія Новой Сичи, Одесса, 1885, I, 162,
[4]) Адмиралъ Корнелій Крюйсъ. Сѣверный Архивъ, 1824, XI.
[5]) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 56.

*

верховную власть надъ всѣмъ запорожскимъ войскомъ [1]); рѣшеніе суда кошемъ иногда сообщалось особой бумагой, на которой писалось: «съ повелѣнія господина кошеваго атамана такого-то войсковой писарь такой-то»; войсковой судья только разбиралъ дѣла, давалъ совѣты ссорившимся сторонамъ, но не утверждалъ своихъ опредѣленій; войсковой писарь иногда излагалъ приговоръ старшины на радѣ; иногда извѣщалъ осужденныхъ, особенно когда дѣло касалось лицъ, жившихъ не въ самой Сичи, а въ паланкахъ, иначе отдаленныхъ отъ Сичи округахъ или станахъ; войсковой асаулъ выполнялъ роль слѣдователя, исполнителя приговоровъ, полицейскаго чиновника: онъ разсматривалъ на мѣстѣ жалобы, слѣдилъ за исполненіемъ приговоровъ атамана и всего коша, преслѣдовалъ вооруженной рукой разбойниковъ, воровъ и грабителей; войсковой довбышъ былъ помощникомъ асаула, «приставомъ при экзекуціяхъ, тѣмъ, что называлось въ западной Европѣ Prevôt»,—онъ читалъ опредѣленія старшины и всего войска публично на мѣстѣ казни или на войсковой радѣ; куренные атаманы, весьма часто выполнявшіе роль судей въ средѣ козаковъ собственныхъ куреней,—при куреняхъ имѣли такую силу, что могли разбирать тяжбу между спорившими сторонами и тѣлесно наказывать виновнаго въ какомъ-либо проступкѣ [2]); наконецъ паланочный полковникъ, съ его помощниками—писаремъ и асауломъ, жившій вдали отъ Сичи, завѣдывавшій пограничными разъѣздами и управлявшій сидѣвшими въ степи въ особыхъ хуторахъ и слободахъ козаками [3]), во многихъ случаяхъ, за отсутствіемъ сичевой старшины, въ своемъ вѣдомствѣ также выполнялъ роль судьи.

Наказанія и казни опредѣлялись у запорожскихъ козаковъ, смотря по характеру преступленій. Изъ наказаній практиковались привязываніе къ пушкѣ на площади за оскорбленіе начальства [4])

---

[1]) Записки о хотинской войнѣ Якова Собѣскаго. Данцигъ, 1646.
[2]) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 43.
[3]) Василій Чернявскій, Описаніе запорожской Сѣчи, Одесса, 1852, 82.
[4]) А. А. Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 162.

и особенно за денежный долгъ: если козакъ будетъ долженъ козаку и не захочетъ или не будетъ въ состояніи уплатить ему долгъ, то виновнаго приковываютъ къ пушкѣ и оставляютъ до тѣхъ поръ, пока или онъ самъ не заплатитъ своего долга или кто другой не поручится за него [1]); битье кнутомъ подъ висѣлицей за воровство и гайдамачество; поврежденіе членовъ — «изломленіемъ одной ноги на сходкѣ» за нанесеніе ранъ въ пьяномъ видѣ ножомъ [2]); ссылка въ Сибирь, вошедшая, впрочемъ, въ употребленіе только въ послѣднія времена историческаго существованія запорожскихъ козаковъ въ предѣлахъ Россіи, при императрицѣ Екатеринѣ II; наконецъ, преданія столѣтнихъ стариковъ указываютъ еще на одинъ видъ судебныхъ наказаній у запорожскихъ козаковъ,—сѣченіе розгами [3]), но акты о томъ не говорятъ, и потому можно думать, что подобнаго рода наказаніе допускалось только как единичное явленіе, къ тому же мало гармонирующее съ честью запорожскаго «лыцаря».

Казни, какъ и наказанія также опредѣлялись у запорожскихъ козаковъ, смотря по роду преступленій, совершенныхъ тѣмъ или другимъ лицомъ. Самою страшною казнью было *закапываніе* преступника живымъ въ землю; это дѣлали съ тѣмъ, кто убивалъ своего товарища: убійцу клали живого въ гробъ вмѣстѣ съ убитымъ и обоихъ закапывали землей; впрочемъ, если убійца былъ храбрый воинъ и добрый козакъ, то его освобождали отъ этой страшной казни и опредѣляли штрафъ [4]). Но наиболѣе популярною казнью было забиваніе у позорнаго столба кіями; къ позорному столбу и кіямъ приговаривались лица, совершившія воровство или скрывшія уворованныя вещи, позволившіе себѣ прелюбодѣяніе, содомскій грѣхъ, побои, насилія, дизертерства. *Позорный столбъ* стоялъ на сичевой площади близъ сичевой колокольни; около него всегда лежала связка сухихъ дубовыхъ бичей съ головками на концахъ, называвшихся кіями и

[1]) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 58.
[2]) А. А. Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 163.
[3]) Д. И. Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, II. 1—5.
[4]) С. И. Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 57.

похожихъ на бичи, привязываемые къ цѣпамъ; кіи замѣняли у запорожцевъ великорусскіе кнуты. Если одинъ козакъ украдетъ что-либо маловажное у другого, въ самой ли то Сичи, или внѣ ея, и потомъ будетъ уличенъ въ воровствѣ, то его приводятъ на площадь, приковываютъ къ позорному столбу и по обыкновенію держатъ въ теченіе трехъ дней, а иногда и больше того, пока онъ не уплатитъ деньги за украденную вещь. Во все время стоянія преступника у столба мимо него проходятъ товарищи; причемъ одни изъ нихъ молча смотрятъ на привязаннаго, другіе, напившись пьяными, ругаютъ и бьютъ его, третьи предлагаютъ ему деньги, четвертые, захвативши съ собой горилку и калачи, поятъ и кормятъ его принесеннымъ; и хотя бы преступнику не въ охоту было ни пить, ни ѣсть, тѣмъ не менѣе онъ долженъ былъ это дѣлать: «Пій, скурвый сыну, злодію! Якъ не будешь пить, то будемъ тебе, скурвого сына, бить!» кричали проходившіе. Но когда преступникъ выпьетъ, то пристававшіе къ нему козаки говорятъ: «Теперь же, брате, дай мы тебе трóхи попобьемъ!» Напрасно тогда преступникъ будетъ молить о пощадѣ; на всѣ просьбы его о помилованіи козаки упорно отвѣчаютъ: «За то мы тебе, скурвый сыну, и горилкою поили, что намъ тебе треба попобить!» Послѣ этого они наносили нѣсколько ударовъ привязанному къ столбу и уходили; за ними являлись другіе. Обыкновенно бывало такъ, что уже черезъ одни сутки преступника убивали до смерти, послѣ чего имущество его отбирали на войско; случалось, впрочемъ, что нѣкоторые изъ преступниковъ не только оставались въ живыхъ, но даже получали отъ пьяныхъ своихъ товарищей деньги [1]). Иногда наказаніемъ кіями замѣнялась смертная казнь; въ такомъ случаѣ у наказаннаго отбирали скотъ и движимое имущество, одну часть скота отдавали на войско, другую—паланочному старшинѣ, третью часть и все движимое имущество виновнаго женѣ и дѣтямъ его, если онъ былъ женатымъ человѣкомъ. Рядомъ съ позорнымъ столбомъ практиковались у запарожцевъ шибеница и же-

---

[1]) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 57—58.

лѣзный гакъ; къ нимъ присуждались за «великое» или нѣсколько разъ повторяемое воровство [1]). *Шибеницы* или висѣлицы ставились въ разныхъ мѣстахъ запорожскихъ вольностей надъ большими дорогами или шляхами и представляли изъ себя два столба съ поперечной перекладиной наверху и съ веревочнымъ сильцомъ, т. е. петлей на перекладинѣ; для того, чтобы совершить казнь, преступника сажали верхомъ на лошадь, подводили подъ висѣлицу, набрасывали на шею его петлю, лошадь быстро прогоняли вонъ, и преступникъ оставался висѣть въ петлѣ. *Желѣзный гакъ* или желѣзный крюкъ (съ нѣмецкаго «Haken»—крюкъ) таже висѣлица, но съ замѣною петли веревкой съ стальнымъ острымъ крюкомъ на концѣ; преступника приводили къ висѣлицѣ, продѣвали подъ ребра острый крюкъ и оставляли его въ такомъ положеніи висѣть до тѣхъ поръ, пока на немъ не разлагалось тѣло и не разсыпались кости, на страхъ злодѣямъ и ворамъ; снять трупъ повѣшеннаго не позволялось никому подъ угрозою смертной казни [2]). *Острая паля* или острый колъ практиковалась у поляковъ и у татаръ [3]) и, вѣроятно, отъ нихъ заимствована запорожскими козаками: это—высокій деревянный столбъ съ желѣзнымъ шпицемъ наверху; для того, чтобы посадить на острую палю преступника, его поднимали нѣсколько человѣкъ по круглой лѣстницѣ и сажали на колъ; острый конецъ кола прорѣзалъ всю внутренность человѣка и выходилъ между позвонками на спину; запорожцы рѣдко, впрочемъ, прибѣгали къ такой казни, и о существованіи ея у нихъ есть только указанія въ преданіяхъ глубокихъ стариковъ, въ дошедшихъ же до насъ актахъ нѣтъ свидѣтельствъ. Зато поляки очень часто прибѣгали къ этой казни для устрашенія козаковъ; запорожцы называли смерть на острой палѣ «столбовой смертью: такъ умеръ покійникъ мій батько, такъ и я умру потомственною столбовою смертью».

---

[1]) Тамъ же, 57; Д. И. Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ, Спб. 1888, 171,
[2]) Н. Коржъ. Журналъ минист. народн. просв., 1838, XVIII, 487—513.
[3]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, XI, 482.

Очевидецъ судебныхъ порядковъ у запорожскихъ козаковъ, 104-лѣтній старецъ Никита Леонтьевичъ Коржъ, разсказываетъ объ этомъ слѣдующее. «Права запорожскія, по которымъ они судили и рѣшали тяжебныя дѣла, суть слѣдующія. Когда случалось, примѣрно сказать, что два козака промежъ собою поспорятъ или подерутся, или одинъ другому по сосѣдству шкоду сдѣлаютъ, т. е. своимъ скотомъ потравятъ хлѣбъ или сѣно, или другую какую-нибудь обиду другъ другу причинятъ, и между собою не могутъ примириться, то оба, купивши на базарѣ по калачу, идутъ позываться въ паланку, къ которой принадлежатъ, и, положивши калачъ на сырно, становятся возлѣ порога, кланяются низехонько судьямъ [1]) и говорятъ: «Кланяемся, панове, хлѣбомъ и солью». Судьи начинаютъ спрашивать: «Яке ваше дило, панове молодцы?» Тогда обиженный говоритъ первый, указывая на своего товарища: «Отъ, панове, яке наше дило. Отъ-цей мене обидывъ, отъ-стилько-то шкоды мини своимъ скотомъ зробывъ и не хоче мини уплатыть и поповныть, що слидуе за спашъ сина и за выбой хлиба». Судьи обращаются къ обидчику: «Ну, братчику, говори, чи правда то, що товарищъ на тебе каже»? На что обидчикъ отвѣчаетъ: «Та що жъ, панове? Те все правда, що я шкоду сдилавъ моему сосиду и не отрекаюсь, но не могу его удовольствовать за тимъ, що винъ лишне одъ мене требуе и шкоды немае стилько». Выслушавъ ихъ, паланка посылаетъ отъ себя козаковъ для освидѣтельствованія шкоды. По возвращеніи ихъ, ежели жалоба оказывалась справедлива, судьи говорили обидчику: «Ну що-жъ ты, братчику; согласенъ-ли заплатить шкоду своему сосѣду или нѣтъ»? Обидчикъ тогда опять кланяется судьямъ и возражаетъ: «Та що жъ, панство, лишне винъ зъ мене требуе, я несогласенъ уплатить, въ воли вашей». Судьи долго обѣ стороны уговариваютъ примириться и если тяжущіеся согласны, то паланка сама дѣло ихъ рѣшаетъ и отпускаетъ по домамъ. Если же обидчикъ упрямится

---

[1]) Очевидно, здѣсь разумѣются паланочные полковникъ, писарь и асаулъ.

и не примирится въ паланкѣ, то ихъ отсылаютъ въ Сичь. Когда тяжущіеся пріѣдутъ въ кошъ, то другъ у друга спрашиваютъ: «А въ чій же куринь попереду пойдемъ». Обиженный обыкновенно отвѣчаетъ: «Ходимъ, брате, до нашего куриня».— «Ну, добре, ходимъ и до вашего куреня», отвѣчаетъ обидчикъ. Вошедши въ курень, являются оба къ атаману (куренному) и говорятъ ему: «Здоровъ, батьку!» — «Здоровы булы, паны молодцы!»—отвѣчаетъ атаманъ,—«сидайте». «Та ни, батьку, николи сидити, мы дило до тебе маемъ». «Ну, говорите, яке ваше дило?» спрашиваетъ атаманъ, и тогда обиженный разсказываетъ все происшествіе и свою обиду и то, какъ они судились въ паланкѣ. Атаманъ, выслушавши его, спрашиваетъ обидчика, какого онъ куреня и узнавъ закричитъ на хлопцивъ: «Пидите лишь такого-то куреня атамана попросите до мене». Когда этотъ атаманъ явится и усядется, то первый атаманъ его спрашиваетъ: «Чи це нашого куреня козакъ?» Второй атаманъ, справившись о томъ у козака, получаетъ въ отвѣтъ, «Такъ, батьку, вашего куреня». Послѣ чего дѣло опять разсказывается, и атаманы говорятъ другъ другу: «Ну що, брате, будемъ робыть съ сими козаками?» а второй атаманъ обращается къ нимъ: «Такъ васъ уже, братчики, и паланка судила?» «Судыла, батьку», отвѣчаютъ они и кланяются. Атаманы уговариваютъ тяжущихся: «Помиритесь, удовольствуйте тутъ же одинъ другаго, да не мордуйте начальства». Когда же обидчикъ отвѣчаетъ: «Та що жъ, батьки, коли винъ лишне требуе»—то атаманы, видя его упрямство, говорятъ своимъ козакамъ: «Ну, теперь же, братчики, сходимъ всѣ четыре до судьи, що ще скаже судья».—«Добре»,—отвѣчаютъ козаки,—«обождите-жъ, батьки, мы пидемъ на базаръ да купимъ калачи». Такимъ образомъ, всѣ четверо отправляются къ судьѣ. Сперва входятъ атаманы и поклонившись говорятъ: «Здорови булы, пане добродію!» Судья отвѣчаетъ: «Здорови и вы, панове атаманы! прошу сидать». Потомъ являются тяжущіеся козаки, кланяются судьѣ, кладутъ калачи на сырно и говорятъ: «Кланяемся вамъ, добродію, хлибомъ и силью».—«Спасибо, паны-молодцы, за хлибъ и за силь», отвѣчаетъ судья и,

обращаясь къ атаманамъ, спрашиваетъ: «Що се у васъ за козаки? яке дило маютъ?» Одинъ изъ атамановъ разсказываетъ подробно все дѣло, рѣшеніе паланки и ихъ собственное. Тогда судья обращается къ обидчику: «Такъ якъ же ты, братчику, рѣшився съ симъ козакомъ, когда уже васъ судили и паланка и атаманы и я присуждаю обиженнаго подовольствовать, а ты не хочешь того зробыть зъ упрямства, даромъ що зо всихъ сторонъ виноватъ». Но случается, что обидчикъ несогласенъ, стоитъ на одномъ упрямствѣ и повторяетъ тоже, что и прежде: «Та що-жъ, добродію, коли винъ лишне требуе». «Такъ ты несогласенъ, братчику?»—«Ни, добродію!» «Ну, теперь же вы, панове атаманы, идите съ ними до кошевого, тамъ уже будетъ имъ конечный судъ—рѣшеніе; ступайте съ Богомъ, панове атаманы, а вы, братци, забирайте съ собою и свій хлибъ съ сырна». «Да ни, добродію, мы соби купимъ на базари».—«Забирайте, забирайте», съ гнѣвомъ повторяетъ судья, «и не держите атамановъ, бо имъ не одно дило ваше». Наконецъ, взявъ свои калачи, козаки съ атаманами идутъ въ курень кошевого; всѣ кланяются, приговаривая: «Здорови булы, вельможный пане!» Козаки, положивъ калачи, присовокупляютъ: «Кланяемся, вельможный пане, хлибомъ и солью»—и, остановясь у дверей, еще разъ низехонько кланяются; на что кошевой отвѣчаетъ: «Здоровы, паны атаманы! спасибо, молодци, за хлибъ, за силь, а що се, панове атаманы, у васъ за козаки?» Атаманы опять разсказываютъ подробно все дѣло. Кошевой, помолчавъ немного, обращается къ обидчику и говоритъ ему: «Ну, якъ же ты, братчику, думаешь рѣшиться съ симъ козакомъ? васъ рѣшила паланка, васъ рѣшили атаманы, васъ рѣшилъ и судья войсковой, и теперь дило дошло и до мене. И я, розслухавшись, признаю, що паланка рѣшила ваше дило добре, которое и я утверждаю и нахожу тебе во всемъ виновнымъ. Такъ що-жъ ты мини скажешъ? Согласенъ ты обиженнаго подовольствовать»?—«Ни, вельможный пане, требуе лишне». Кошевой повторяетъ громко и съ гнѣвомъ: «Такъ ты, братчику, несогласенъ»?—«Такъ, вельможный пане, несогласенъ, у воли вашей». «Ну, добре», вставъ и выходя изъ

куреня, говорить кошевой; атаманы и козаки дѣлають тоже и кланяясь говорять ему: «Прощай, вельможный пане»!—«Прощайте, паны молодцы, прощайте да и насъ не забывайте», говорить кошевой, и вышедъ изъ куреня, сзываетъ свою дворню: «Сторожа, кiивъ!» Слуги бѣгутъ и несутъ кiи оберемками (т. е. связками). Тогда вельможный скажетъ: «Ну, лягай, братчику! ось мы тебе проучимъ, якъ правду робыты и панивъ шануваты»!—«Помилуй, вельможный пане!» возопiетъ тогда козакъ не своимъ голосомъ. «Ни, братику, нема уже помилованья, коли ты такiй упрямый. Козаки, на рукахъ и на ногахъ станьте! Сторожа, быйте его добре кiями, щобъ знавъ, почомъ кившъ лиха!» Когда кiи начнутъ между собою разговаривать по ту и по другую сторону, виновный козакъ все молчитъ да слушаетъ, що скажутъ. И когда виновнаго уже дöбре употчиваютъ, т. е. дадутъ 50 или 100 кiивъ, тогда кошевой крикнетъ: «годи»! Сторожа, поднявши кiи свои на плеча, стоятъ какъ солдаты съ ружьями на часахъ, но козаки еще придерживаютъ виновнаго, дожидаясь послѣдняго рѣшенiя. Кошевой опять обращается къ виновному: «Послухай, братчику, якъ тебе паланка рѣшила и скилько обиженный требуе, заплаты ему безпремѣнно, да сей-часъ заплаты, при моихъ очахъ!» Тогда виновный отвѣчаетъ: «Чую, вельможный пане, чую и готовъ все исполнить, що прикажешь!» Кошевой продолжаетъ: «А що це тебе выбыли, то сноси здорово, щобъ ты недуже мудрувавъ и не упрямывся. А може тоби еще прибавить кiивъ?» Но виновный съ крикомъ и воплемъ проситъ: «Буде зъ мене и сего, до вику не буду противиться, буду шановати панство!» Тогда наконецъ кошевой угамуется и скажетъ козакамъ и сторожамъ: «Ну, буде, вставайте и козака на волю пускайте, а кiи подальше ховайте» [1]).

---

[1]) А. А. Скальковскiй, Исторiя Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 170—175.

V.

Одежда и вооруженіе у запорожскихъ козаковъ.

Одежда у запорожскихъ козаковъ въ первое время была слишкомъ проста; на первыхъ порахъ своего историческаго существованія запорожскіе козаки серьезно и не могли думать о томъ, чтобы заниматься своею внѣшностью и выряжаться въ дорогія «шаты»: тогда нищета и козакъ были синонимы; къ тому времени вполнѣ могутъ быть приложимы къ состоянію козака слова малорусской пѣсни--«сыдúть козàкъ на могúли тай штанú латàе», или слова козацкой вирши: «козакъ — душà правдúва—сорòчки не мàе». Гоняясь за звѣремъ по безмѣрнымъ степямъ, глубокимъ балкамъ, непролазнымъ лѣснымъ трущобамъ, проводя ночи большею частію подъ открытымъ небомъ, высиживая по нѣскольку часовъ въ топкихъ болотахъ и густыхъ камышахъ, запорожцы были скорѣе похожи на жалкихъ оборвышей, чѣмъ на «славныхъ лыцарей», имя которыхъ уже въ раннюю пору ихъ существованія гремѣло въ Европѣ. Даже и въ поздній періодъ запорожской исторіи, когда у козаковъ уже вошли въ силу извѣстные обычаи и извѣстный костюмъ, многіе изъ нихъ, въ силу разнаго рода случаевъ на войнѣ или у себя дома, въ силу бѣдности и нищеты, даже иногда въ силу особаго желанія шикнуть нищенскимъ убранствомъ своего костюма, часто одѣвались черезчуръ просто: «бывало обрѣтетъ себѣ запорожецъ

голову, заправитъ оселѐдецъ свой за ухо, завяжется тряпицей, натянетъ на себя епанчу, надѣнетъ изъ свиной кожи опорки, да и ходитъ себѣ; а иной поймаетъ козу, обдеретъ ее, облупитъ кожу, очиститъ отъ шерсти, одѣнется, обуетъ постолы́ изъ кожи, толщины въ вершокъ, а длины въ двѣ четверти, да и блукаетъ по степи. А другой еще и лучше: или вырядится въ такія постолы́, что въ нихъ можно Днѣпръ переплыть, или на одну ногу натянетъ постолъ, а на другую сафьяновый сапогъ да еще и припѣваетъ.

«Одна нога у постоли, а друга въ сапьяни—
Подывыся, Ганно, якій постилъ гарный:
Чи сей, чи сей, чи сей, чи сей?»

Бывало и того краше: совсѣмъ голый ходитъ; тогда и выходило, какъ тамъ говорятъ: «увѐсь Хвѐсь—куды схоче, туды и скаче, нихто за нимъ не заплаче». «Днемъ человѣкъ, а ночью звѣрюка» [1]). Въ какомъ видѣ являлись запорожцы послѣ войны, это всего лучше рисуетъ извѣстная народная дума «О Ганджѣ Андыберѣ».

«Гей гулявъ козакъ-нетяга симъ годъ ще й чотыри,
Та потерявъ съ-пидъ сѐбе три кѐни воронiи.
На четвертый годъ навертае,
Козакъ-нетяга до города до Черкасъ прибувае,
Що на козаку, бидному нетязи, три сыромя́зи:
Опончина роговова́я,
Поясына хмелёва́я,
Одна негожа, а третя й на хливъ незгожа,
А ще на козаку, бидному-нетязи,
Сапьняци—выдны пья́ты й пальци,
Ша́пка-бырка—зверху дирка,
Хутрѐ гѐле
Околици Бигъ мае
Вона дощемъ покрыта,
Травою пошита,
А витромъ пидбита:
Куды вѐе—туды и провивае,
Молодого козака тай прохоложае».

---

[1]) Д. И. Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, I, 24.

Вначалѣ, по свидѣтельству малоросійскаго лѣтописца, одеждой у запорожскихъ козаковъ было одно или два платья, и, только потомъ, когда они повоевали турецкую и татарскую землю, очень одобычились и сдѣлались богаты всякимъ достаткомъ [1]). Въ XVII вѣкѣ оршанскій староста Филонъ Кмита описываетъ черкасскихъ козаковъ оборвышами [2]), а французъ Дельбурку— нищими [3]). Современникъ Петра Великаго, раскольничій попъ, Иванъ Лукьяновъ, проѣзжая изъ Москвы въ Іерусалимъ черезъ Малороссію и видя у Фастова козацкую ватагу полковника Семена Палія, изображаетъ ее въ своемъ дневникѣ въ такихъ словахъ: «Городина то хорошая, красовито стоитъ на горѣ; острогъ деревянной кругъ жилья всего; валъ земляной, по виду не крѣпокъ добре, да сидѣльцами крѣпокъ, а люди въ немъ, что звѣри. По земляному валу ворота частые; а во всѣхъ воротѣхъ копаны ямы, да солома послана въ ямы; тамъ Палѣевщина лежитъ, человѣкъ по двадцати, по тридцати; голы, что бубны, безъ рубахъ, нагіе, страшны зѣло; а въ воротѣхъ изъ селъ проѣхать нельзя ни въ чемъ; все рвутъ, что собаки: дрова солому, сѣно, съ чѣмъ ни поѣзжай... А того дня у нихъ случилось много свадебъ, такъ насъ обступили, какъ есть около медвѣдя; всѣ козаки, Палѣевщина, и свадьбы покинули; а все голудба безпорточная; и на иномъ и клока рубахи нѣтъ; страшны зѣло, черны, что арапы и лихи́, что собаки: изъ рукъ рвутъ. Они на насъ стоя дивятся, а мы имъ и втрое, что такихъ уродовъ отроду не видали; у насъ на Москвѣ и на Петровскомъ кружалѣ не скоро сыщешь такова хочь одного» [4]). Въ тойже мѣрѣ и вполнѣ справедливо можно приложить описаніе попа Лукьянова и къ запорожскимъ козакамъ; сами запорожцы говорили о себѣ: «у насъ проклята мате ма̀—ни сорочки, ни шта-

---

[1]) Григорій Грабянка, Лѣт. дѣйствія презѣльной войны, Кіевъ, 1854, 19.

[2]) Антоновичъ и Драгомановъ. Историческія пѣсни, Кіевъ, 1874. I, 175.

[3]) Anecdotes de Pologne ou memoires secretes du regne de Jean Sobieski.

[4]) Путешествіе въ святую землю, Москва, 1862, 15.

нивъ—одна проклята срома» [1]). «На нихъ ни чобітъ, ни штанівъ, ни сорочки не було: а на иншоему сами рубци высять: мовъ той цыганъ иде, пьятами свите» [2]). «Запорожецъ якъ надивъ сорочку, такъ увесь годъ и не скида ій, покы сама не спаде съ плечъ, и йде банитьця, штанивъ не скиде: «не годытця»—каже».

Съ теченіемъ, однако, времени съ одной стороны богатыя удачи на войнѣ, съ другой и самое развитіе жизни многое измѣнило въ понятіяхъ и обстановкѣ запорожскихъ козаковъ: разбивъ татаръ или турокъ, пограбивъ пановъ или жидовъ, козаки, возвращаясь въ Сичу, привозили съ собой множество денегъ, платьевъ и дорогихъ матерій. Дошедшія до насъ свѣдѣнія показываютъ, что именно изъ одежды добывали себѣ запорожскіе козаки на войнѣ—шубы, кафтаны, шаровары, рубашки, шапки, сапоги, чекмени, барашковыя шкуры и т. п. [3]); тогда довольство добычи выражалось тѣмъ, что запорожцы рвали шелковую и китайчатую матерію на куски и обертывали этими кусками вмѣсто онучъ ноги.

Первыя указанія объ одеждѣ запорожскихъ козаковъ находимъ въ путевыхъ запискахъ XVI вѣка германскаго посла Эриха Ласоты; Ласота говоритъ, что у запорожцевъ были въ употребленіи татарскіе кобеняки—Kepenikh—или мантіи, составлявшія главное ихъ одѣяніе, и тутъ же прибавляетъ, что главный начальникъ козаковъ, отпуская посла изъ Сичи, далъ ему въ подарокъ куную шубу и мѣховую изъ черныхъ лисицъ шапку [4]). Въ XVII вѣкѣ находимъ указанія объ одеждѣ козаковъ въ сочиненіи французскаго инженера Боплана; Бопланъ говоритъ о рубахахъ, шароварахъ, шапкахъ и кафтанахъ, сдѣланныхъ изъ толстаго сукна и составлявшихъ повседневное одѣяніе козаковъ [5]).

---

[1]) Устное повѣствованіе Никиты Коржа, Одесса, 1840, 51.

[2]) Кіевская Старина, 1883, V, 763, 764.

[3]) Д. И. Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ для исторіи запорожскихъ козаковъ, Спб, 1888, 19, 20, 21.

[4]) Путевыя записки, Одесса, 1873, 45, 46.

[5]) Описаніе Украйны, Спб. 1882, 64.

Однако, указанія эти слишкомъ общи и мало опредѣленны. Въ XVIII вѣкѣ польскіе писатели говорятъ уже подробнѣе о запорожскихъ костюмахъ; по имъ словамъ, запорожскіе козаки носили шаровары съ широкимъ золотымъ галуномъ вмѣсто опушки, суконные съ откидными рукавами полукунтуши, бѣлые шелковой матеріи жупаны, шелковые съ золотыми кистями пояса и высокія шапки съ смушковыми околышами сѣраго цвѣта и краснымъ шелковымъ вершкомъ, оканчивающимся золотой кисточкой [1]). Въ концѣ тогоже столѣтія современникъ запорожскихъ козаковъ, запорожецъ Никита Коржъ называетъ главнымъ одѣяніемъ запорожцевъ каптанъ, черкеску, саетовые яркихъ цвѣтовъ шаровары, ширины четыре аршина, сафьяновые цвѣтные сапоги, шалевый поясъ, шапку кабардинку изъ рѣчного звѣря каборги или виднихи, иначе выдры, обложенную накрестъ позументомъ, и наконецъ косматую шерстяную, для ненастнаго времени, бурку, называвшуюся у поляковъ вильчурой; такое одѣяніе, по словамъ Коржа, запорожцы носили дома въ Сичи и на походахъ во время войны [2]). Лица, жившія гораздо позже Никиты Коржа и видѣвшія запорожское платье, описываютъ его такими словами: «Жупаны у нихъ были синіе и дѣлались изъ такого хорошаго сукна, что оно никогда не линяло; отворы на рукавахъ (ихъ звали прежде «закаврашами») красные, и поясъ красный, а шаровары синія китайчатыя на очкурѣ. Вотъ такой самый жупанъ былъ и у моего отца: сине-темный, а закавраши зеленые, застегивался онъ до самаго верха посредствомъ гапликовъ, воротничекъ въ немъ былъ тоненькій въ два пальца и на воротничку два крючечка и двѣ бабки; гаплички шли отъ верха каптана до самаго пояса и такъ густо были усажены, что за ними не было видно и крючечковъ. Какъ у кого, поясъ былъ зеленый или другой какой, но мой батька всякій разъ носилъ красный, и ему это очень шло; звалъ онъ свой жупанъ каптанкомъ; рукава въ немъ были узенькіе и на концахъ застегива-

---

[1]) А. А. Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 267.

[2]) Изустныя преданія, Журналъ мин. нар. просв., 1839, н. 2, 186.

лись крючечками при самой рукѣ. Такъ же точно одѣвался и дѣдъ» [1]). Однако и эти описанія неполны: дошедшія до насъ письменные документы въ числѣ запорожскаго одѣянія называютъ еще суконныя широкія кпреи и короткія юбки, на манеръ турецкихъ куртокъ [2]), а старинныя картины представляютъ кромѣ того запорожскихъ козаковъ въ короткихъ курткахъ изъ кожи, называемыхъ кожанками [3]).

Ясное и болѣе или менѣе точное представленіе о запорожскомъ одѣяніи даютъ дошедшія до насъ гравюры, иконы, знамена и портреты. Таковы: три гравюры въ приложеніяхъ къ сочиненію А. Ригельмана «Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи», гдѣ представленъ выборъ войсковой старшины и два изображенія запорожскихъ козаковъ; запорожцы одѣты здѣсь въ широкія шаровары, длинные каптаны, низкія шапки и косматыя бурки [4]). Двѣ иконы, одна въ публичномъ одесскомъ музеѣ древностей, другая въ церкви села Покровскаго екатеринославскаго уѣзда, гдѣ нѣкогда была послѣдняя по времени запорожская Сѣча; на первой представлена группа запорожцевъ, молящихся Богоматери и одѣтыхъ въ красныя нижнія черкески и верхніе темно-зеленые съ откидными рукавами каптаны, широкія, низко опущенныя, краснаго цвѣта шаровары, опоясанныхъ разноцвѣтными, съ наборами и безъ наборовъ, поясами, и обутыхъ въ красные съ острыми носками сапоги; на другой иконѣ представлены два запорожца, стоящіе на колѣняхъ, и одѣтые въ нижніе узкаго покроя черкески и въ верхніе, очень широкіе жупаны, похожіе на кпреи [5]). Большое войсковое знамя, хранящееся въ императорскомъ эрмитажѣ въ Петербургѣ, на которомъ запорожцы изображены въ разноцвѣтныхъ каптанахъ,

[1]) Кіевская Старина, 1886, XV, 760.

[2]) А. А. Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 271.

[3]) Д. И. Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, I, 58.

[4]) Гравюра, приложенная къ сочиненію «Вооруженія россійскихъ войскъ», кажется, сильно утрирована.

[5]) Д. И. Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, II, 58, 192.

нижнихъ черкескахъ, шелковыхъ поясахъ, разныхъ видовъ шапкахъ—низкихъ придавленныхъ и высокихъ остроконечныхъ, съ барашковымъ околышемъ и суконнымъ или шелковымъ верхомъ, въ широкихъ шароварахъ и непремѣнно съ длинной хусткой, т. е. платкомъ у пояса вдоль шароваръ. Портреты запорожскаго полковника Афанасія Ѳедоровича Колпака и двухъ незначныхъ запорожцевъ, Ивана и Якова Шияновъ, писанные масляными красками почти во весь ростъ съ натуры и находящіеся первый въ Самарскомъ пустынно-николаевскомъ монастырѣ, близъ города Новомосковска екатеринославской губерніи, два другіе въ одесскомъ публичномъ музеѣ древностей; здѣсь представлены запорожцы съ открытыми головами, съ шапками или подъ мышкой или въ рукѣ, въ красныхъ каптанахъ, шелковыхъ штофныхъ съ узорами черкескахъ, широкихъ краснаго шелка поясахъ и сафьяновыхъ красныхъ или желтыхъ сапогахъ [1]). Эти портреты всего вѣрнѣе передаютъ костюмъ запорожскихъ козаковъ; къ ихъ описанію можно прибавить лишь то, что хранится въ собственномъ собраніи автора настоящей статьи, и немного изъ того, что находится въ другихъ частныхъ собраніяхъ запорожскихъ древностей по части одѣянія. Запорожское платье собственнаго собранія состоитъ изъ двухъ нижнихъ одѣяній, такъ называемыхъ черкесокъ, на человѣка большого роста и малаго; одно изъ нихъ бураковаго цвѣта [2]), другое краснаго; оба длиною нѣсколько ниже колѣнъ; оба имѣютъ по два уса назади, какъ кафтаны черкесовъ или кубанскихъ козаковъ, и шелковыя бабки на коротенькихъ шелковыхъ снуркахъ спереди; оба имѣютъ на концахъ рукавовъ небольшіе отвороты изъ темнаго бархата, прикрѣпленные къ рукаву металлическими крючками; оба въ плечахъ довольно широки и въ перехватѣ довольно узки; наконецъ, оба подбиты клѣтчатой китайчатой матеріей; достоинство покроя этихъ черкесокъ состоитъ въ томъ,

¹) Д. И. Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, I, 100; II, 62, 64.

²) Буракомъ называютъ въ Малороссіи то, что на сѣверѣ извѣстно подъ именемъ свеклы.

что онѣ даютъ полную свободу человѣку махать рукой впередъ и назадъ, нисколько не стѣсняя его дѣйствій; отъ этихъ же черкесокъ имѣются и пояса, одинъ вытканный изъ шелковаго персидскаго сырца, шириною двѣ съ половиной четверти [1]), длиною одиннадцать аршинъ, бураковаго цвѣта, съ позолоченными концами, длины въ три четверти каждый конецъ, и съ шелковыми плетеными снурками, длиною въ аршинъ, прикрѣпленными къ каждому изъ концовъ пояса; другой вытканный также изъ шелка, такой же ширины, но семь аршинъ длины, лиловаго цвѣта, съ посеребренными концами и шелковыми снурками на концахъ; третій такой же ширины и такой же длины, но безъ позолоты на концахъ и вытканный изъ великолѣпной шелковой матеріи съ цвѣтами и узорами, подобно матеріямъ шалей, и потому называемый шалевымъ. Черкески и два первыхъ пояса добыты у внука запорожца, крестьянина села Лапинки екатеринославскаго уѣзда, Мокія Лося, хранившіеся у него отъ дѣда по настоящее время безъ всякой передѣлки, что̀ засвидѣтельствовано всею волостью села [2]); теперь эти черкески и пояса находятся въ частномъ музеѣ собирателя козацкихъ древностей Георгія Петровича Алексѣева въ Петербургѣ. Къ этому описанію остается только сказать нѣсколько словъ о кожаныхъ поясахъ; нѣсколько кожаныхъ запорожскихъ поясовъ находится въ собраніи древностей Александра Николаевича Поля въ Екатеринославѣ; длина ихъ не больше той, какая необходима для того только, чтобы охватить животъ, но внѣшняя отдѣлка—самая разнообразная, состоящая изъ различныхъ металлическихъ накладокъ, подобно черкескимъ поясамъ на Кавказѣ.

Сто-восемнадцати-лѣтній старикъ, Иванъ Игнатовичъ Россолода, самъ запорожецъ, родившійся на отцовскомъ зимовникѣ, часто видѣвшій своего отца въ запорожскомъ одѣяніи, долго хранившій потомъ это одѣяніе у себя, и до сихъ поръ еще живущій въ селѣ Чернышовкѣ екатеринославскаго уѣзда, описы-

[1]) Для опоясыванія онъ складывался втрое изнанкою въ средину.

[2]) Д. И. Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, II, 68, 70.

*

ваетъ его въ такихъ словахъ: «Ходили запорожцы хорошо, одѣвались и роскошно и красиво; головы они, видите ли, брили; обрѣютъ да еще и мыломъ намажутъ, чтобы, видишь, лучше волосы росли; одну только чупрыну [1]) оставляли на головѣ, длины, вѣроятно, съ аршинъ, черную да курчавую. Заправитъ ее, замотаетъ раза два или три за лѣвое ухо да и повѣситъ, она и виситъ у него до самаго плеча, да такъ за ухомъ и живетъ... А иной возьметъ да перевяжетъ свою чупрыну ленточкой, закрутитъ ее на лбу, такъ и ляжетъ спать, а утромъ какъ встанетъ да какъ распуститъ ее, такъ она точно хвостъ у овцы сдѣлается. То все на выхвалку! Дѣвчата косы отращиваютъ, а запорожцы чупрыны. А если уже черезчуръ длинная выроститъ, тогда козакъ замотаетъ ее сперва за лѣвое ухо, а потомъ проведетъ по-за затылкомъ на правое ухо, да такъ и ходитъ. Бороды тоже брили, только одни усы оставляли и ростили ихъ долгіе-предолгіе. Вотъ это какъ нафабритъ ихъ, какъ начернитъ да какъ расчешетъ гребнемъ, такъ хоть онъ и старый будетъ козакъ, а такой выйдетъ козарлюга, что только хить-хить! Страшно долгіе усы отрощали! Иной возьметъ ихъ обѣими руками, подниметъ вверхъ да и позакладаетъ на самыя уши, а они еще ниже ушей висятъ. Вотъ какіе они были усари! Правда, у нѣкоторыхъ были и маленькіе усы — такъ, какъ у кого волосъ растетъ, а только усы они очень любили... Вотъ это какъ запорожецъ чупрыну замоталъ, усы расчесалъ, тогда уже одѣвается въ свое платье. А платье было у нихъ на дроту [2]), на ватѣ, на шелковыхъ снуркахъ да на пуговицахъ, изъ тонкаго сукна разныхъ цвѣтовъ: тотъ надѣнетъ голубое, тотъ зеленое, тотъ красное, кто какого пожелаетъ; только сорочки были собственнаго рукодѣлія, потому что бумажной ткани они тогда не знали. На голову надѣвали высокую шапку

[1]) Чупрына отъ слова «чубъ», а слово «чубъ» съ персидскаго «чобъ гроздь, кисть, пучекъ».

[2]) «Дротъ вставлялся въ средину: сколько хочешь, столько й бей, а не пробьешь».

острую, со смушковымъ околышемъ, въ четверть ширины, съ суконнымъ краснаго или зеленаго цвѣта дномъ [1]), въ полторы четверти высоты, на ватѣ, съ золотыми перекрестами, съ серебряной китицей на самомъ вершку и съ крючкомъ для китицы, пристегивать, чтобы не моталось. Околышъ шапки часто служилъ козаку вмѣсто кисета или кармана: туда онъ иногда клалъ табакъ, огниво, люльку или рожокъ съ табакомъ; особенно люльку: какъ вынулъ изо-рта, такъ и заткнулъ ее за околышъ. Шапки больше всего дѣлались по куреням: какой курень, такая и шапка, такой и цвѣтъ на ней. Прежде чѣмъ надѣть на себя шапку, козакъ заматываетъ свою чупрыну за ухо и потомъ уже надѣваетъ шапку на голову; какъ надѣлъ шапку, то онъ уже и козакъ; это—самое первое и самое главное одѣяніе козака. Потомъ уже надѣваетъ черкеску, длины до колѣнъ, красную, съ пуговицами, на шелковыхъ снуркахъ, съ двумя сборами назади, съ двумя крючками для пистолетовъ на бокахъ и съ небольшими отворотами изъ бархата на концахъ рукавовъ, пристегиваемыхъ желѣзными крючками. Застегнетъ ту черкеску пуговицами, завяжетъ поясомъ, и готовъ. А пояса дѣлались или изъ шали или изъ турецкаго и персидскаго шелка, широкіе и долгіе; не такіе, что теперь парубки носятъ, которые они заматываютъ на срединѣ живота и завязываютъ узломъ, а такіе, напримѣръ, какъ монахини дѣлаютъ попамъ: длины аршинъ десять или больше того, а ширины четверти полторы, а то и совсѣмъ двѣ; концы на нихъ золотились или серебрились, а къ самымъ краямъ привязывались шелковые снурочки. Вотъ какъ надо козаку опоясаться, то онъ привяжетъ поясъ снуркомъ къ гвоздю да и качается кругомъ, такъ и намотаетъ весь поясъ на себя. Потомъ снурки завяжетъ или позади себя на спинѣ, или на боку, а позолоченные концы оставитъ спереди, на животу, да такъ и ходитъ, кокъ истый лыцарь. Пояса были разныхъ цвѣтовъ: зеленые, красные, голубые, коричневые.

[1]) Краснымъ вершкомъ, называвшимся у нѣкоторыхъ «солодкимъ дномъ».

Кромѣ долгихъ поясовъ, носили запорожцы и короткіе, сдѣланные изъ кожи или волоса; на нихъ сзади нашивались китицы, а спереди крючки, пряжки, ремни для кинжаловъ, сабель и люлекъ. Вотъ какъ надѣлъ запорожецъ красную черкеску, опоясался поясомъ, навѣсилъ на себя кинжалъ, приладилъ саблю, тогда онъ надѣваетъ каптанъ или жупанъ. Это уже одежда просторная и долгая, почти до самыхъ косточекъ, съ широкими рукавами, такъ какъ будто подрязникъ у попа или то платье, что архіерейскіе пѣвчіе надѣваютъ по городамъ. Каптанъ уже былъ другого цвѣта, чѣмъ черкеска: если черкеска красная, то каптанъ голубой или синій; онъ тоже былъ на сборахъ и на снуркахъ, весь гаптованъ золотомъ, съ разными росписными и узорчатыми полосками, позументами, гапликами, пуговицами, съ тонкимъ дротомъ въ срединѣ и съ широкими-преширокими рукавами или, какъ тамъ говорятъ, роздѣрами или роспорами [1]). Роспоры эти дѣлались какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ сгибалась рука по локтю, четверти полторы въ длину; внизъ за роспорами шелъ уже сшитый рукавъ до самаго конца. Въ такіе рукава просовывали руки или прямо черезъ концы ихъ, или черезъ роспоры, что̀ по срединѣ рукавовъ. Когда руки просунуты прямо черезъ концы рукавовъ каптана, то тогда изъ-подъ нихъ выдавались бархатные отвороты черкески и на каждой рукѣ выходило по два рукава [2]); а когда руки просовывались черезъ роспоры, тогда выходило, будто на каждой рукѣ козака надѣто по четыре рукава: два лежатъ, а одинъ сзади «метляется». Тѣ, что «метлялись» сзади, можно было заложить за спину и вмѣстѣ связать. Отъ этого и выходило, что какъ ѣдетъ бывало запорожецъ верхомъ съ завязанными рукавами, то кажется, какъ будто на спинѣ его придѣланы крылья; по тѣмъ-то крыльямъ и узнаютъ издали запорожца. Поверхъ кап-

---

[1]) То, что у поляковъ извѣстно подъ названіемъ вылётовъ и у малоросовъ заковрашъ.

[2]) Годъ тому назадъ, записывая слова И. И. Россолоды, мы передали ихъ неточно, теперь, вновь увидясь съ Россолодой, исправляемъ свою неточность.

тана иногда надѣвалась кирея, это совсѣмъ долгое одѣяніе, по самыя пятки, сдѣланное или изъ кожи или изъ волны, безъ рукавовъ, похожее на плащъ. Вотъ какая у нихъ была одежда! Такая одежда, что онъ одной сорочки не продастъ за сто рублей; какъ идетъ по улицѣ, такъ какъ будто убранъ звѣздами или цвѣтами. До этой широкой и просторной одежды приставали широкія и просторныя шаровары, суконныя, нанковыя, кожаныя, съ обѣихъ сторонъ съ карманами: и тутъ карманъ и тутъ карманъ, оба обложенные по краямъ сверху золотыми позументами, разныхъ цвѣтовъ, а больше всего синяго цвѣта; матни въ штанахъ дѣлались такія, что до самой земли касались: какъ будто что волочится. Какъ идетъ козакъ, то и слѣдъ за собой мететъ. Къ шароварамъ пригонялись долгіе очкуры, шелковые или шерстяные, съ золотыми китицами на обоихъ концахъ. Холоши шароваръ носились поверхъ голенищъ не такъ, какъ теперь дѣлаютъ, что вкладываютъ ихъ въ сапоги, а поверхъ сапогъ; онѣ привязывались къ голенищамъ серебряными подвязками или шелковыми снурками съ золотыми и серебряными китицами на концахъ; а самыя подвязки привязывались такъ, что отъ нихъ видны были только китицы. Какъ идетъ запорожецъ, то такъ и видишь, какъ тѣ китицы изъ-подъ шароваръ мотаются. Подъ шаровары уже надѣвались сафьяновые чоботы, желтые, зеленые, красные, съ золотыми, серебряными и мѣдными подковками, съ узенькими носками; отъ сапогъ виднѣлись одни носки или каблуки: такъ запорожцы напускали на нихъ низко свои шаровары [1]): издали кажется, точно баба въ юбкѣ стоитъ; а какъ идетъ козакъ, точно парусъ роспускаетъ; а ширина такая, что въ иныя шаровары можно штукъ тридцать арбузовъ вложить; какъ двадцать аршинъ матеріи, то такія шаровары называются «рясними», а какъ пятнадцать, называются шароварами «зъ достатку» [2]).

---

[1]) На портретахъ Колпака и братьевъ Шіяновъ шаровары, однако, не такъ низко опущены.

[2]) Д. И. Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, II, 20—24.

Изъ всѣхъ приведенныхъ свидѣтельствъ видно, что самыя дорогія платья запорожскихъ козаковъ дѣлались изъ шелка, польскаго и англійскаго сукна, кармазина и аксамита. Платья изъ шелковой штофной съ узорами матеріи, подобной матеріямъ шалей, назывались у запорожцевъ шалёвыми; платья изъ польскаго и англійскаго суконъ назывались саётами отъ польскаго слова «sajeta» съ тѣмъ же значеніемъ; платья изъ красныхъ восточныхъ суконъ назывались кармазиными отъ татарскаго слова «кырымызы»—красный; наконецъ платья изъ аксамита назывались аксамитными; аксамитъ — это дорогая ткань, приготовляемая изъ шести нитокъ, почему и получившая свое названіе отъ греческаго слова «ἑξάμιτον,» составленнаго изъ двухъ словъ «ἕξ»—шесть и «ἱμάτιον»—платье, откуда латинское «examitum», нѣмецкое «samet», нижне-лужицкое «samot»; аксамитъ—золотая или серебряная матерія, плотная, ворсистая, похожая на бархатъ, съ травами, разводами и разныхъ цвѣтовъ узорами, какъ парча, шитая золотыми и серебряными петлями; аксамитъ добывался главнымъ образомъ изъ Византіи и у древнихъ русскихъ шелъ на церковныя облаченія, одежды князей и богатыхъ бояръ [1]), а у запорожцевъ главнымъ образомъ на нижнее платье, черкеску.

Изъ оружій были въ употребленіи у запорожскихъ козаковъ арматы, ружья, пистолеты, копья, сабли, келепа, стрѣлы, сагайдаки, якирьци, кинжалы и ножи. Первыя указанія объ оружіи у запорожскихъ козаковъ находимъ у Якова Собѣскаго начала XVII вѣка; Яковъ Собѣскій говоритъ, что многіе изъ запорожскихъ козаковъ не употребляли сабель, но ружьями владѣли всѣ [2]); далѣе въ томъ же вѣкѣ объ оружіи козаковъ говоритъ Бопланъ; по словамъ Боплана у запорожцевъ были въ употребленіи фальконеты, ядра, порохъ, пищали и сабли: каждый козакъ, отправляясь въ походъ, бралъ одну саблю,

---

[1]) Труды московскаго археологическаго общества, т. IV, вып. I, 31.

[2]) Записки о хотинской войнѣ; Черниговк. губерн. вѣд., 1849, ноября 25 и декабря 16.

двѣ пищали, шесть фунтовъ пороху, причемъ тяжелые боевые снаряды складывалъ въ лодку, легкіе оставлялъ при себѣ [1]); въ томъ же XVII вѣкѣ въ дошедшихъ до насъ актахъ есть указанія, что у запорожскихъ козаковъ были въ ходу пушки и пищали для охраны крѣпостей: «въ Сѣчѣ пушечнаго наряду: пушка мѣдная ломовая, а къ ней сто ядръ вѣсомъ по восемь гривенокъ ядро, одиннадцать пушекъ полевыхъ, а къ нимъ по сто ядръ, вѣсомъ по четыре и по три гривенки ядро; да затинниныхъ пищалей двѣ мѣдныхъ да три желѣзныхъ, а къ нимъ двѣсти ядръ свинцовыхъ, вѣсомъ по гривенкѣ и полугривенкѣ ядро... Городокъ Кодакъ—пушекъ въ немъ двѣ желѣзные городовые да двѣ затинные пищали» [2]); въ томъ же XVII вѣкѣ объ оружіи запорожскихъ козаковъ находимъ указанія въ лѣтописи Самовидца; по свидѣтельству Самовидца у запорожцевъ были въ ходу самопалы, сабли, списы, т. е. копья, стрѣлы и обухи, т. е. калепа или боевые молотки [3]); въ половинѣ XVIII вѣка находимъ свѣдѣнія о вооруженіи запорожскихъ козаковъ въ исторіи князя Семена Мышецкаго; по его словамъ, въ войскѣ запорожскомъ, какъ у стараго, такъ и у малаго, имѣется огненное оружіе—рушницы или флинты, пистолеты, холодное оружіе — копья и сабли; а порохъ и свинецъ покупаютъ въ Польшѣ и Малороссіи, свой же хотя и дѣлаютъ, но онъ не отличается хорошимъ качествомъ [4]). Большинство изъ этого оружія добывалось запорожцами у поляковъ, русскихъ и особенно у татаръ и турокъ [5]); главнѣйшіе же запасы пороха шли сперва отъ польскаго правительства, а потомъ, съ переходомъ запорожскихъ козаковъ въ подданство русскому царю, при Богданѣ Хмельницкомъ, отъ русскаго: отправляя ежегодно изъ Москвы въ Сѣчу

---

[1]) Описаніе Украйны, С.-Петербургъ, 1832, 64.

[2]) Акты южной и западной Россіи, XI, 13, 14.

[3]) Лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1854, 20.

[4]) Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 56.

[5]) Д. И. Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ для ист. зап. коз., Спб., 1888, 19, 21, 22.

жалованье запорожскимъ козакамъ, русское правительство съ тѣмъ вмѣстѣ отправляло имъ извѣстное количество пудовъ пороху [1]).

Изъ дошедшихъ до насъ такъ называемыхъ запорожскихъ арматъ или пушекъ большая часть польскаго издѣлія; въ самой Польшѣ пушки стали выливаться впервые при королѣ Сигизмундѣ-Августѣ (1548—1572); оттого въ первой половинѣ XVI вѣка онѣ были весьма рѣдки какъ въ самой Рѣчи-Посполитой, такъ и въ запорожскихъ вольностяхъ: имъ знали счетъ, знали, сколько было поставлено пушекъ въ каждой изъ польскихъ крѣпостей и сколько въ каждой изъ крѣпостей запорожскихъ. Сохранившіяся до нашего времени пушки запорожскихъ козаковъ имѣютъ четыре вида: мортиры, мѣдныя пушки, желѣзныя кова́нныя и чугунныя; образцы всѣхъ этихъ видовъ пушекъ мы имѣемъ въ общественныхъ и частныхъ музеяхъ козацкихъ древностей [2]); мортира мѣдная представляетъ изъ себя мѣдную ступку длины 100, ширины 90 и отверстія 40 миллиметровъ; пушка мѣдная состоитъ изъ мѣднаго ствола длины пять, толщины четыре четверти, отверстія одной четверти, со шпилемъ съ глухой стороны длины полторы четверти [3]); пушка желѣзная состоитъ изъ желѣзной кованной трубы, скрѣпленной осьмью желѣзными кольцами и открытой съ обоихъ концовъ; къ одному изъ этихъ концовъ (откуда заряжаютъ пушки) придѣланы желѣзныя скобы, въ которыя вкладывался желѣзный ящикъ для зарядовъ пушки; длина трубы 640 миллиметровъ, длина самаго ящика 240 миллиметровъ, слѣдовательно длина всей пушки 880 миллиметровъ, ширина ящика съ верхняго конца — 175, съ нижняго—110 миллиметровъ, внутренній діаметръ трубы 60 миллиметровъ, толщина стѣнокъ трубы—по 20 миллиметровъ; пушка чугунная состоитъ изъ чугуннаго ствола съ хвостомъ и подставкою для

---

[1]) Тамъ же, страницы 90, 129, 160, 173, 185.

[2]) Въ частномъ музеѣ Александра Николаевича Поля въ Екатеринославѣ, въ общественномъ въ городѣ Одессѣ.

[3]) Въ мѣстечкѣ Качановкѣ черниговской губерніи, въ собраніи В. В. Тарновскаго.

прицѣла; длина ствола—640, длина хвоста—120 миллиметровъ, слѣдовательно длина всей пушки—760 миллиметровъ, діаметръ при хвостѣ — 160, при дулѣ — 125 миллиметровъ, діаметръ самаго дула—55 миллиметровъ [1]). Ружья или рушницы (правильнѣе ручницы отъ слова «рука») употреблялись запорожскими козаками всевозможныхъ видовъ; большинство изъ нихъ имѣли длинные стволы, оправленныя серебромъ съ насѣчками и черные ложи, и стрѣляли посредствомъ положеннаго на полку пороха и прилаженнаго къ полицѣ и курку кремня. Въ такомъ же видѣ, только меньше размѣрами, обыкновенно до пяти четвертей длины, съ «просторыми» дулами, были и пистолеты, называвшіеся у запорожскихъ козаковъ пистолями; каждый козакъ имѣлъ при себѣ по два пистолета и носилъ ихъ или за поясомъ, или въ кожаныхъ кобурахъ, (съ татарскаго «кубур»—кожаный чехолъ, футляръ), придѣланныхъ снаружи къ шароварамъ [2]). Ружьями, пистолетами да саблями запорожскіе козаки особенно любили щеголять и потому большое вниманіе обращали на нихъ, придавая имъ дорогую оправу и украшенія и всегда стараясь держать ихъ въ большой чистотѣ (отчего и сложилось выраженіе «ясная зброя»): «оружіе у нихъ все было убрано въ золото да въ серебро, на оружіе они все богатство свое покладали: то и не козакъ, коли у него скверное оружіе» [3]); только въ виду походовъ запорожцы смачивали ружья и пистолеты разсоломъ, чтобы дать имъ ржавчину и не заставлять «играть вражеское око на ясной зброи». Копья или списы и ратища (отъ слова «рать») были также въ большомъ употребленіи у запорожскихъ козаковъ; изъ сохранившихся до нашего времени копій видно, что всѣ они дѣлались изъ тонкаго и легкаго древка, въ пять аршинъ длины, окрашеннаго спирально красною и черною кра-

---

[1]) Образцы пушекъ см. «Запорожье», Д. И. Эварницкаго, Спб., 1888, I, 54.

[2]) Такъ запорожцы изображены на большомъ войсковомъ знамени, хранящемся въ Петербургѣ, въ эрмитажѣ, и на гравюрѣ Ригельмана «Изображеніе запорожскаго козака» № 25.

[3]) Д. И. Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, Спб. 1888, II, 24.

скою и имѣющаго на верхнемъ концѣ желѣзный наконечникъ и на нижнемъ двѣ небольшія, одна ниже другой, дырочки для ременной петли, надѣваемой на ногу [1]). На нѣкоторыхъ древкахъ копій дѣлалась еще желѣзная перепонка для того, чтобы проткнутый копьемъ врагъ сгоряча не просунулся по копью до самыхъ рукъ козака и не схватился бы снова драться съ нимъ, ибо случалось, что иному и животъ распорятъ, а у него кровь не брызнетъ, онъ даже не слышитъ и продолжаетъ лѣзть въ драку. Нѣкоторыя копья дѣлались съ остріями на обоихъ концахъ, которыми можно было и сюда класть враговъ и туда класть. Часто у запорожскихъ козаковъ копья служили во время переходовъ черезъ болота вмѣсто мостовъ; когда дойдутъ они до топкаго мѣста, то сейчасъ же кладутъ одинъ за другимъ два ряда копій—въ каждомъ ряду копье и вдоль и поперекъ, да по нимъ и переходятъ: когда пройдутъ чрезъ одинъ рядъ, то сейчасъ же станутъ на другомъ, а первый снимутъ и изъ него помостятъ третій; да такъ и переберутся [2]). Сабли употреблялись не особенно кривыя и не особенно длинныя, средней длины пять четвертей, но зато очень острыя: «какъ рубнетъ кого, то такъ надвое и разсѣчетъ,—одна половина головы сюда, а другая туда»; лезвія сабель вкладывались въ деревянныя обшитыя кожей или обложенныя металломъ пихвы (отъ слова «пихать») или ножны, украшенныя нерѣдко на концѣ рукоятки какимъ-нибудь вырѣзаннымъ изъ дерева звѣремъ или птицей; на самыхъ лезвіяхъ часто дѣлались золотыя насѣчки; сабли носились у лѣваго бока и привязывались посредствомъ двухъ колецъ, одного вверху, другого ниже средины, узенькимъ ремнемъ подъ поясъ [3]). Сабля столь необходима была для запорожскихъ козаковъ, что въ пѣсняхъ ихъ она называется всегда «шаблею-сестрицею, ненькою-ридненькою, панночкою молоденькою».

---

[1]) Такое копье добыто авторомъ у купца города Бериславля И. П. Шила, внука запорожца.

[2]) Д. И. Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, Спб. 1888, II, 25.

[3]) См. Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи Ригельмана, Москва, 1847, приложеніе № 26.

«Ой, панночка наша шаблюка!
Зъ бусурменомъ зустривалась,
Не разъ, не два цилувалась».

Какъ истинный «лыцарь», запорожецъ саблю предпочиталъ всякому другому оружію, особенно пулѣ, и называлъ ее «чеснымъ оружіемъ». Келепа или боевые молотки, чеканы—ручное оружіе, состоявшее изъ деревянной, въ аршинъ длины, ручки съ желѣзнымъ на верхнемъ концѣ молоткомъ, имѣвшимъ съ одной стороны тупой обушокъ, съ другой острый носъ; какъ боевое оружіе, келепа употреблялись въ Россіи, напримѣръ у «воровскихъ» козаковъ Стеньки Разина, одновременно съ этимъ у турокъ XVII вѣка [1]) и у запорожскихъ козаковъ: «сегожъ де, государь, числа (3 сентября 1658 года) въ ночи пришли въ село Крупецъ изъ Глухова черкасы (т. е. черкасскіе козаки) пѣши и его—драгуна Ваську Кондратова — били и мучили... битъ онъ чеканомъ по головѣ и рука правая отшиблена» [2]). Въ народныхъ козацкихъ думахъ есть также двустишіе, въ которомъ келепу приписывается значеніе боеваго оружія.

«А козакъ козачій звычай знае —
Келепомъ по ребрахъ торкае.

Якирьцы или рогульки, извѣстные еще подъ именемъ желѣзнаго или троицкаго чеснока [3]), также считались у запорожцевъ иногда принадлежностью вооруженія; якирьцы похожи на четыре толстыхъ гвоздя, къ концу сильно заостренныхъ и въ центрѣ вмѣстѣ соединенныхъ; видимо якирьцы дѣлались изъ продолговатаго куска желѣза до самой средины расщепленнаго на три части и потомъ отдѣльно ручнымъ способомъ выкованнаго [4]); какъ бое-

---

[1]) Сказанія Сахарова, т. II, Путешествія, 216; А. Поповъ, Матеріалы для исторіи Ст. Разина, Москва, 1857, 24. Множество келеповъ находится въ музеѣ Соловецкаго монастыря видѣнныхъ мной въ 1887 году.

[2]) Акты южной и западной Россіи, IV, 140.

[3]) Такъ прозвали ихъ монахи Троицко-Сергіевской лавры во время осады ея поляками, въ началѣ XVII вѣка.

[4]) Д. И. Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старина, Спб., 1888, II, 26.

вое орудіе, они употреблялись въ древнее время у русскихъ [1]), поляковъ [2]) и затѣмъ несомнѣнно у татаръ и запорожскихъ козаковъ; назначеніе ихъ было ранить копыта лошадямъ, поэтому они разбрасывались запорожцами по степи въ виду движенія вражеской конницы, чтобы замедлить движеніе кавалеріи: «какъ ни положить его, а все одинъ рожокъ якирьця будетъ торчать вверхъ и непремѣнно вонзится въ копыто лошади». Стрѣлы видимо употреблялись запорожскими козаками въ очень раннюю пору ихъ историческаго существованія и были заимствованы отъ татаръ и турокъ; извѣстный кошевой запорожскихъ и гетманъ малороссійскихъ козаковъ, Петръ Конашевичъ Сагайдачный (1605—1622) на старой гравюрѣ XVII вѣка представленъ верхомъ на конѣ съ булавой въ рукѣ, съ сагайдакомъ при боку и съ стрѣлами въ немъ за спиной [3]). Сагайдакъ съ татарскаго «сагайдакъ» или «саадакъ»—дикій козелъ или кожа съ дикаго козла для обшиванія лука и даже самый лукъ—употреблялся запорожскими козаками для той же цѣли, какъ у татаръ—для храненія въ немъ стрѣлъ—и носился посредствомъ ремня за плечами; сагайдаки добывались запорожскими козаками главнымъ образомъ у татаръ [4]).

Ко всему описанному вооруженію запорожскихъ козакахъ надо прибавить еще ятаганы, кинжалы и ножи, которые также были въ употребленіи у запорожскихъ козаковъ, хотя и не составляли ихъ, такъ сказать, національнаго вооруженія, заносились изъ отдаленныхъ отъ запорожскихъ вольностей земель и странъ; наконецъ къ вооруженію запорожскихъ козаковъ нужно отнести также лядунки и череса. Лядунки или пороховицы употреблялись запорожцами разныхъ родовъ и разныхъ видовъ:

---

[1]) Филаретъ, Описаніе харьковской епархіи, Москва и Рига, 1848, IV, 3.

[2]) А. Н. Поповъ, Изборникъ хронографовъ, Москва, 132.

[3]) Историческіе дѣятели сѣв.-зап. Руси Антоновича и Беца, Кіевъ, 1885, обложка.

[4]) Д. И. Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ для исторіи зап. коз., Спб., 1888, 19.

костяныя, металлическія, кожаныя, въ видѣ тыквъ, рожковъ, фляжекъ и т. п.; онѣ во множествѣ сохранились до нашего времени и наполняютъ собой частные музеи собирателей козацкихъ древностей; кожаные широкіе череса носились запорожцами на груди, наполнялись въ два или въ три ряда патронами съ пулями и потому замѣняли собой патронташи.

Соотвѣтственно вооруженію самого козака дѣлалась и сбруя его боевого коня: на коней надѣвались кульбаки [1]), т. е. сѣдла съ дорогимъ разукрашеннымъ чапракомъ, съ подвѣшенными по бокамъ сѣдла, на пряжкахъ, нерѣдко тисненными и расписанными, подтебеньками, т. е. кожаными полами или лопастями— отъ татарскаго «тебенékъ, тебенькú» — кожаныя лопасти въ сѣдлѣ—[2]) и съ ременными тороками—отъ татарскаго слова «терки» ремни—, прикрѣпляемыми сзади сѣдла для привязыванія къ нимъ мѣшка, сумы съ вещами или какой-либо поклажей; такъ дѣлали татары еще въ 1283 году, послѣ побѣды надъ русскими: «начаша бесурмане вязати головы боярскыя къ тороком, а руки вкладоша въ судно» [3]); такъ дѣлали и запорожскіе козаки, привязывая къ торокамъ разную одежду во время отправленія въ походъ и разное добро послѣ похода; наконецъ для походной ѣзды необходимы были запорожцамъ и плети, называемыя у нихъ то малахаями, то нагаями и сохранившіяся до нашихъ временъ въ частныхъ собраніяхъ козацкихъ древностей [4]).

---

[1]) «Kulbaka» — польское слово, что значитъ «сѣдло»; вѣроятно это слово сложено изъ двухъ татарскихъ «кол»—рука и «баг» завязка, тесемка, ремень.

[2]) А. А. Потебня, Къ исторіи звуковъ русскаго языка, Варшава, 1883, IV, 49.

[3]) Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, Спб., 1872, 457.

[4]) Напримѣръ въ музеѣ А. Н. Поля въ городѣ Екатеринославѣ.

VI.

Гдѣ дѣвались запорожскіе войсковые клейноды.

Клейнодами или клейнотами, съ нѣмецкаго «Kleinod»,польскаго «Kleinot»—драгоцѣнная вещь или драгоцѣнность, назывались у запорожскихъ козаковъ войсковые знаки, регаліи или аттрибуты власти, при которыхъ происходили у нихъ большія или малыя рады и которые употреблялись старшинами, сообразно должности каждаго изъ нихъ. Но что же именно разумѣлось подъ этими войсковыми знаками въ частности? На этотъ вопросъ прежде всего даетъ отвѣтъ малороссійскій лѣтописецъ Самоилъ Величко. Подъ 1648 годомъ, апрѣля 9 дня, у него сказано слѣдующее: «По якой елекціи (послѣ прибытія Богдана Хмельницкаго на Сичу Никитинскую и объясненія его съ запорожцами), заразъ отъ кошевого посланъ до скарбницѣ войсковой писарь сѣчовій, зъ нѣсколькома атаманами курѣнними и инимъ значнимъ товариствомъ, взявши тамъ и принесши въ раду клейноти войсковіи, тіи прето посланніи въ скарбницѣ бывши и клейноти приказанніе взявши, вскорѣ принесли до рады и вручили ихъ заразъ Хмелницкому. Клейноти зась именно были тіи: короговъ королевская, златописанная, барзо красная; бунчукъ, тожъ велце модній, зъ позлоцѣстою галкою и древцемъ; булава срѣбная позлоцѣстая, зѣло майстерно здѣланная и каменіемъ честнимъ украшенная; печать сребная войсковая и котли новіи мѣдніи великіе зъ добошемъ;

къ тому тежъ и три штуки арматъ полевыхъ легкихъ, зъ достаткомъ пороху до нихъ и куль (т. е. пуль), зъ арматами и пушкарами» [1]). Затѣмъ въ грамотѣ о запорожскихъ клейнодахъ, данной императрицей Екатериной II запорожскимъ козакамъ, въ 1763 году, февраля 6 дня, мы читаемъ: «Имяннымъ нашимъ указомъ сего 1763 года, февраля 6 дня, повелѣно взнакъ квойску запорожскому нашего императорскаго благоволенія и высочайшей милости тому войску попрошенію ихъ дать войсковые клейноты, яко-то: булаву, знамя, бунчукъ, печать, перначъ, литавры, значки и трости» [2]). Такимъ образомъ здѣсь прибавлены три новые знака: перначъ, значки и трости, зато не названы арматы или пушки. Слѣдуетъ прибавить еще то, что спеціальный историкъ запорожскихъ козаковъ, князь Семенъ Ивановичъ Мышецкій, находившійся въ Сичѣ съ 1738 по 1740 годъ, принадлежностью кошеваго считаетъ не булаву, а палицу, «въ которой кошеваго вся честь состоитъ» [3]). Также изображенъ кошевой атаманъ и въ лѣтописи Ригельмана, въ ея приложеніяхъ къ четвертой части [4]).

Впервые клейноды пожалованы были войску запорожскому еще польскимъ королемъ Стефаномъ Баторіемъ, какъ знаки на независимое существованіе низовыхъ козаковъ отъ польскаго правительства. «Въ лѣто 1576 за Стефана Баторія короля польскаго козаки въ лучшій еще строй учинени... Видя у козаковъ мужество великое и зъ татари на бранехъ, постави имъ гетмана и присла имъ короговъ, бунчукъ и булаву и на печати гербъ рицерь зъ самопаломъ и на головѣ колпакъ перекривленній, арматъ и всякихъ военнихъ припасовъ» [5]). Затѣмъ клейнодами жаловали запорожцевъ и русскіе цари: въ 1708 году Петръ I, въ 1734 году Анна Ивановна и въ 1763 году Екатерина II.

Булавой назывался серебряный позлащенный, иногда упи-

---

[1]) Лѣтопись Самоила Величка, Кіевъ, 1848 г., I, ст. 51.

[2]) Д. И. Эварницкій. Сборникъ матеріаловъ, Спб., 1888 года, 183.

[3]) Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852 г., стр. 37.

[4]) Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи, Москва, 1847 года.

[5]) Лѣтопись Григорія Грабянки, Кіевъ, 1854 года, стр. 21.

занный драгоцѣнными камнями шаръ, надѣтый на металлическую или деревянную изъ орѣха палку, гладко выструганную, окрашенную въ темную краску и имѣющую до трехъ съ половиной четвертей длины [1]). Теперь дознано, что употребленіе булавы извѣстно было уже въ самыя отдаленныя отъ насъ времена, въ концѣ неолитической эпохи и въ началѣ бронзоваго вѣка; каменныя булавы находились при раскопкахъ Трои; жители Кавказа, Сибири, Финляндіи, Западнаго края знали ее задолго до Р. Х.; затѣмъ послѣ Р. Х. употребленіе булавы сдѣлалось извѣстнымъ татарамъ, черезъ татаръ—полякамъ, а черезъ поляковъ—и запорожскимъ козакамъ [2]). Знаменемъ, хоругвью или короговою и прапоромъ назывался шелковый ярко-краснаго цвѣта платокъ съ изображеніемъ на немъ въ срединѣ или бѣлаго польскаго орла, когда запорожцы были за польскимъ королемъ, или двуглаваго русскаго орла, когда запорожцы перешли къ московскому царю, а по бокамъ Спасителя и архангела Михаила. Бунчукомъ называлась простая, окрашенная въ черную краску палка, длины четыре съ половиной аршина, на верхній конецъ которой набивался мѣдный шаръ, а подъ самый шаръ вкладывались волосы изъ конскаго хвоста съ четырьмя или шестью косами поверхъ волосъ. Печать войсковая — круглой формы, сдѣлана изъ серебра съ изображеніемъ козака въ остроконечной шапкѣ на головѣ, въ кафтанѣ съ пуговицами на груди, съ саблей и пороховницей при боку, съ ружьемъ черезъ лѣвое плечо, съ копьемъ «стоящимъ пред рицеромъ, воина бодрствующаго знаменующимъ» и съ надписью по краямъ съ лицевой стороны: «Печать славного воіска запорозкого нізового», или «Печать войска ея імператорскаго величества запорожскаго низового». Печати паланочныя или куренныя—серебряныя круглыя или четыреугольныя съ изображеніями львовъ, оленей, коней,

[1]) Яковъ Собѣскій въ своемъ сочиненіи «Три книги о хотинской войнѣ» говоритъ, что атаманская булава дѣлалась изъ тростника. Разумѣется, это возможно было въ началѣ XVII вѣка, когда запорожцы простоту считали выше всякаго богатства и блеска.

[2]) Труды московскаго археологическаго общ., 1885 г., т. X, стр. 1—7.

луны, звѣздъ, коронъ, копій, сабель и луковъ. Перначъ, иначе шестоперъ или жезлъ—таже булава, только меньшихъ размѣровъ, съ серебрянымъ или желѣзнымъ шаромъ на верхнемъ концѣ палки, съ вертикальными вырѣзками вдоль шара, или же съ особыми, въ видѣ желѣзковъ отъ копій, возвышеніями, насаженными поперекъ шара, иногда съ шестью перьями надъ шаромъ. Перначи, какъ и булавы, употреблялись также въ очень древнія времена; желѣзные и бронзовые перначи извѣстны были осетинамъ и сванетамъ до Р. Х. отъ V до VII вѣка,—особенно много ихъ было въ Сванетіи, которая можетъ считаться родиной пернача; затѣмъ они встрѣчались у татаръ и другихъ азіатскихъ народовъ, какъ знакъ начальственной власти; по татарски «буздыханъ» или «буздычанъ»—воеводскій жезлъ, у котораго яблоко набито было острыми гвоздями и который вмѣстѣ означалъ и булаву и перначъ [1]). Литаврами назывались сперва желѣзные, а потомъ серебряные котлы съ натянутою на нихъ кожею и съ деревянными палочками для удара по кожѣ и извлеченія звука. Значки—знамена куреней или сотенъ. Трости—обыкновенныя палки, толстыя, гладко выструганныя, выкрашенныя подъ орѣхъ, съ обоихъ концовъ оправленныя серебромъ и съ тупымъ желѣзкомъ на концѣ. Арматы, или пушки и мортиры—мѣдныя, желѣзныя, окованныя обручами, небольшихъ размѣровъ, большію частію польскаго и турецкаго издѣлія.

Каждый изъ клейнодовъ составлялъ принадлежность только извѣстнаго лица изъ запорожской старшины. Булава давалась кошевому, она держалась имъ въ правой рукѣ во время войсковыхъ радъ,—отсюда сложилась малоросійская пословица: «до головы́ тре́ба булавы́»; знамя или хоругвь жаловалось всему войску, но носилось хорунжимъ; бунчукъ — кошевому, но носился бунчужнымъ или бунчуковымъ товарищемъ, державшимъ его надъ головою атамана; войсковая печать—войсковому судьѣ; куренная или паланочная печать—куренному атаману или паланочному полковнику; перначъ или жезлъ—полковнику, кото-

[1]) Тамъ же, стр. 1—7.

рый носилъ его у себя за поясомъ и иногда вручалъ его проѣзжему черезъ запорожскія степи путнику для полной его безопасности въ пути; литавры—всему войску запорожскому, но въ особое вѣдѣніе довбыша или политаврщика; значки для всѣхъ тридцати осьми запорожскихъ куреней, но въ вѣдѣніе значковыхъ товарищей; трости—войсковому асаулу; арматы—всему войску, но въ вѣдѣніе войскового пушкаря. Всѣ эти клейноды, исключая «палокъ до литавръ» и войсковыхъ арматъ, хранились запорожцами или въ сичевой покровской церкви или въ войсковой скарбницѣ, откуда выносились только по особому приказу кошеваго атамана въ виду общей или частной рады; литаврныя палки находились всегда въ куренѣ войсковаго довбыша, а всѣ арматы—въ артиллерійскомъ цейхаузѣ или сичевой пушкарнѣ, на рукахъ особаго старшины, пушкаря.

Послѣ этого естественно спросить: гдѣ же искать всѣ эти запорожскіе войсковые клейноды? Всѣхъ вмѣстѣ взятыхъ, войсковыхъ клейнодовъ нигдѣ нельзя найти; только въ отдѣльности, по частямъ, можно видѣть ихъ прежде всего въ частныхъ музеяхъ нашихъ южно-русскихъ собирателей древностей, каковы: въ Екатеринославѣ А. Н. Поль; въ Котовкѣ, екатеринославской губерніи, новомосковскаго уѣзда, Г. П. Алексѣевъ; въ Качановкѣ; черниговской губерніи, борзенскаго уѣзда, В. В. Тарновскій; затѣмъ можно видѣть ихъ въ одесскомъ музеѣ исторіи и древностей, въ музеѣ московской оружейной палаты, въ преображенскомъ всей гвардіи соборѣ въ Петербургѣ и въ собраніи с.-петербургскаго императорскаго эрмитажа.

Музеи частныхъ лицъ еще ждутъ своего описанія; музеи одесскій и московскій уже описаны; въ числѣ прочихъ древностей описаны и запорожскіе клейноды, но древности преображенскаго собора и императорскаго эрмитажа далеко не всѣ приведены въ извѣстность. Такъ, между прочимъ, неизвѣстны и находящіеся въ нихъ запорожскіе войсковые знаки.

Въ преображенскомъ всей гвардіи соборѣ [1]), надъ боковыми

---

[1]) На Спасской улицѣ, близъ Литейнаго проспекта.

дверями. съ правой стороны, размѣщены, по рисунку архитектора Стасова, слѣдующіе запорожскіе войсковые знаки: двадцать куренныхъ знаменъ, на простыхъ деревянныхъ древкахъ; три бунчука, длиною каждый четыре съ половиной аршина, одна серебряная булава, три съ половиной четверти длиною; одинъ серебряный позлащенный жезлъ, три четверти аршина длины. Внизу подъ каждымъ изъ этихъ знаковъ сдѣлана на табличкѣ соотвѣтствующая надпись: «Бунчукъ запорожской Сѣчи и знамена». «Булава запорожской Сѣчи». «Жезлъ запорожской Сѣчи». Кромѣ клейнодовъ, въ томъ же преображенскомъ соборѣ находятся еще восемь запорожскихъ паникадилъ, риза съ епитрахилемъ, шитая золотомъ и серебромъ, серебреная позлащенная кадильница, серебряный позлащенный напрестольный крестъ и одно евангеліе, въ великолѣпной серебряной позлащенной оправѣ, печатанное въ Москвѣ, въ 1825 году. Всѣ эти вещи перешли въ преображенскій соборъ въ 1829 году при императорѣ Николаѣ Павловичѣ, во время войны русскихъ съ турками. Онѣ принадлежали запорожцамъ, жившимъ въ Дунавцѣ, подъ верховенствомъ турокъ, послѣ разоренія послѣдней Сичи императрицею Екатериною II въ предѣлахъ Россіи. Въ происшедшую между русскими и турками войну (1828—1829) нѣкоторая часть запорожцевъ, съ кошевымъ атаманомъ Осипомъ Михайловичемъ Гладкимъ во главѣ, перешла на сторону русскаго царя и вывезла съ собой значительную часть своего сичеваго добра, а въ томъ числѣ, очевидно, и находящіеся въ преображенскомъ соборѣ названные клейноды и церковныя вещи.

Въ императорскомъ эрмитажѣ находятся семнадцать запорожскихъ значковъ и одно войсковое знамя, хоругвь или корогва. Послѣднее замѣчательно въ двухъ отношеніяхъ: и само по себѣ, и какъ матеріалъ для историка и художника. Это знамя сдѣлано изъ шелковой ярко-красной матеріи и имѣетъ въ длину три аршина и четыре вершка, а въ ширину два аршина и четыре съ половиной вершка. Съ лицевой стороны на немъ сдѣланы изображенія: въ срединѣ большаго двуглаваго орла со звѣздами надъ нимъ и вокругъ него съ правой стороны—Спасителя, бла-

гословляющаго на брань, съ семнадцатью звѣздами кругомъ него, съ лѣвой стороны—архангела Михаила съ огненнымъ мечомъ въ правой рукѣ. По краямъ знамени сдѣлана золотыми буквами по церковно-славянски надпись: «Сіе знамя въ войско ея императорскаго величества запорожское низовое здѣлано коштомъ пѣхоты воюющей тогожъ войска по черном морю такожъ по рѣкам днепру и дунаю». Ниже двуглаваго орла, Спасителя и архангела Михаила изображено большое военное судно. Это—такъ называемый трехмачтовый, двухдечный корабль; съ лицевой стороны этого корабля видны: бортъ съ четырьмя каютными люминаторами, на подобіе правильныхъ кружковъ, и высокая двухъ ярусная рубка, имѣющая видъ палатки, для помѣщенія находящихся на суднѣ главныхъ лицъ команды, съ восьмью отверстіями, на подобіе дверей, въ каждомъ ярусѣ по четыре. Въ нижнемъ декѣ корабля сдѣлано семь большихъ люковъ, въ верхнемъ декѣ—три малыхъ люка; въ соотвѣтствіе этому столько же должно быть люковъ и на другой сторонѣ. Итого, всѣхъ люковъ съ обѣихъ сторонъ нижняго и верхняго дековъ судна двадцать; изъ нихъ видны концы выставленныхъ пушекъ. Сзади судна поставлена толстая, но низкая корма съ разными вырѣзками и рисунками и съ однимъ военнымъ флагомъ, разрѣзаннымъ пополамъ и прикрѣпленнымъ на невысокомъ древкѣ къ кормѣ. На носу корабля лежитъ такъ называемый якорный значекъ, къ которому прикрѣпленъ такой же флагъ, только нѣсколько меньше по величинѣ, чѣмъ на кормѣ. Между кормой и носомъ поставлены три высокія мачты для трехъ парусовъ, съ двумя веревочными лѣстницами къ каждому; на каждой изъ трехъ мачтъ высится по одному развѣвающемуся флагу, такой же величины и формы, какъ и на кормѣ.

Представленное на знамени судно несходно ни съ однимъ изъ тѣхъ судовъ, какія употреблялись у запорожскихъ козаковъ. Изъ судовъ, бывшихъ въ употребленіи у запорожцевъ, мы знаемъ челны и кадриги. Но ни тѣ, ни другія не подходятъ къ судну, изображенному на знамени. «Челны сіи безъ киля: дно ихъ состоитъ изъ выдолбленнаго бревна ивоваго или липоваго,

длиною около 45 футовъ: оно обшивается съ боковъ на 12 футовъ въ вышину досками, которыя приколачиваются одна къ другой такъ точно, какъ при постройкѣ рѣчныхъ судовъ, до тѣхъ поръ, пока челнъ не будетъ имѣть въ вышину 12, а въ длину 60 футовъ. Длина его постепенно увеличивается кверху. На ономъ можно замѣтить толстые канаты изъ камыша, которые обвиты лыками или боярышникомъ и, какъ связанные боченки, обхватываютъ челнъ отъ кормы до носа. Козаки осмаливаютъ ихъ и придѣлываютъ къ каждой по два руля, чтобы не терять напрасно времени при поворотѣ своихъ длинныхъ судовъ, когда нужда заставитъ отступать. Челны козацкіе, имѣя съ каждой стороны по 10 и 15 веселъ, плывутъ на греблѣ скорѣе турецкихъ галеръ. Ставится также и мачта, къ которой привязываютъ въ хорошую погоду довольно плохой парусъ, но при сильномъ вѣтрѣ козаки охотнѣе плывутъ на веслахъ. Челны не имѣютъ палубы; если же ихъ зальетъ волнами, то камышевые канаты предохраняютъ отъ потопленія» [1]. «Кадриги (или галеры, каторги) турецкія имѣли по три паруса и по два тента, которыми, какъ палатками, покрывалась галера. На простыхъ галерахъ они были изъ бѣлаго холста, но иногда нижній тентъ на кормѣ дѣлался изъ египетскаго полосатаго бѣлаго съ синимъ холста. Пушекъ имѣла галера обыкновенно большихъ три и меньшихъ четыре; флаги были большею частію желтые и красные. Снаружи суда турецкія часто разрисовывались яркими красками... На простой галерѣ бываетъ людей 180—200, если туда не сажаютъ большаго числа янычаръ, до 120 гребцовъ, и отъ 30 до 40 ghimini, т. е. свободныхъ моряковъ, 20 бомбардировъ, которымъ даетъ жалованье хозяинъ. Обычное число пушекъ на большой галерѣ, баштардѣ семь... Это—плоское, длинное, очень узкое, двухмачтовое судно, длиною почти 50 метровъ, на 10 метровъ ширины, идущее въ одно время на веслахъ и на парусахъ. Гребцы сидѣли прикованные на 25 или 30 скамьяхъ, пересѣкавшихъ и заграждавшихъ палубу на по-

[1]) Бопланъ, Описаніе Украйны, Спб., 1832 годъ, стр. 62.

ловину съ лѣвой, на половину съ правой стороны. Пять или шесть гребцовъ на каждой скамьѣ приводили въ движеніе одно весло, которое опиралось на подставку, торчащую сверхъ палубы» [1]).

Очевидно, корабль, представленный на запорожскомъ знамени, совсѣмъ ничего не имѣетъ сходнаго съ запорожскими челнами и весьма отдаленное съ кадригами или галерами. Это есть совершенно новый видъ судна, на которомъ запорожцы едва-ли могли плавать въ XVII и даже въ первой половинѣ XVIII вѣка и который, какъ надо думать, дарованъ былъ имъ русскимъ правительствомъ для войны противъ турокъ уже при императрицѣ Екатеринѣ II. Въ немъ может помѣститься, по меньшей мѣрѣ, до 250 человѣкъ команды при пяти или десяти человѣкахъ начальниковъ.

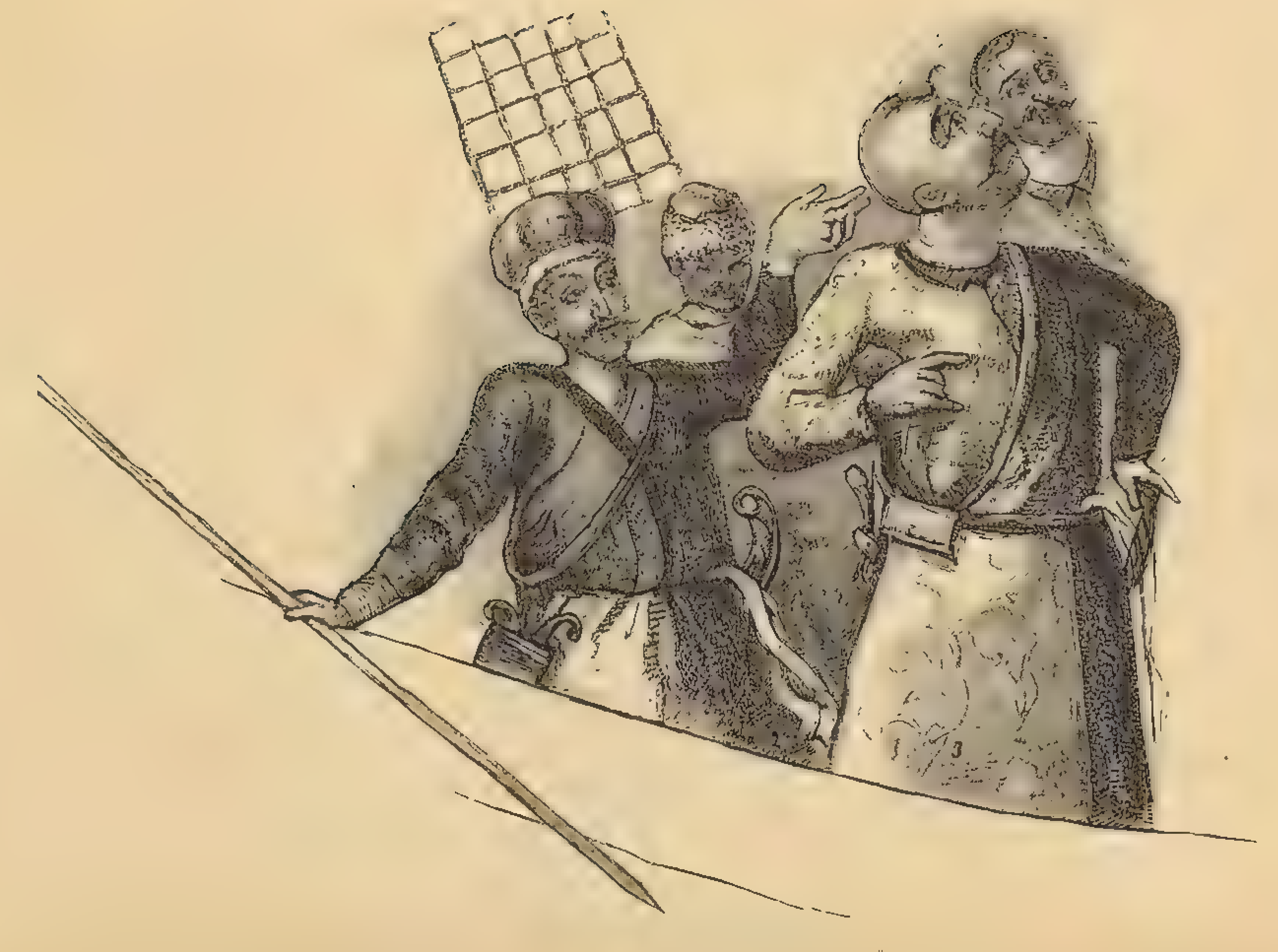
Какъ матеріалъ, знамя интересно тѣмъ, что на суднѣ, представленномъ на немъ, изображено двадцать фигуръ запорожскихъ козаковъ, при чемъ каждая фигура представляетъ изъ себя настоящую выставку козацкой одежды и вооруженія. Всѣ они писаны несомнѣнно съ натуры и представляютъ изъ себя весьма разнообразные и весьма характерные типы запорожскихъ козаковъ. Впереди всѣхъ стоитъ фигура запорожца съ чупрыной на бритой головѣ, съ закрученными усами, одѣтаго въ бѣлую холщевую сорочку и такія же шаровары; одежда этого перваго запорожца мало, впрочемъ, чѣмъ отличается отъ одежды любаго малоросса какого-нибудь изъ глухихъ уѣздовъ полтавской или екатеринославской губерніи нашего времени. За нимъ слѣдуетъ запорожецъ, также съ открытой, низко выбритой головой, съ чупрыной на лбу, съ черными, какъ смоль, на концахъ закрученными кверху, въ видѣ колецъ, усами; на немъ сверху каптанъ съ откидными рукавами сѣраго цвѣта и подъ каптаномъ красная черкеска съ тремя гудзыками на груди; черкеска опоясана поясомъ краснаго цвѣта, ширины нѣсколько меньше, по-

[1]) Антоновичъ и Драгомановъ, Историческія пѣсни малор. народа, Кіевъ, 1874 г., I, 220.

видимому, поповскихъ поясовъ, застегнутымъ при помощи двухъ пряжекъ напереди; на груди фигуры изъ-подъ черкески видиѣется сорочка, застегнутая красной стежкой; правой рукой фигура держится за мачту, лѣвой придерживаетъ саблю съ витою ручкою съ кисточкой. Изъ-за плечъ этой фигуры виднѣется фигура третьяго козака съ поднятымъ вверхъ указательнымъ пальцемъ, обращеннымъ ко лбу: онъ о чемъ-то какъ-будто разсуждаетъ. За тремя первыми представленъ четвертый; на головѣ его большая, на подобіе архіерейской митры, шапка, зеленаго цвѣта съ вертикальными полосами вверхъ отъ околицы къ вершку и съ красною звѣздою напереди. Онъ одѣтъ въ сорочку, а можетъ быть, въ кожанокъ темно-синяго цвѣта и широкія ярко-краснаго цвѣта шаровары, за очкуромъ которыхъ виситъ платокъ розоваго цвѣта, спускающійся до самаго колѣна лѣвой ноги; съ лѣваго бока у него виднѣется ручка сабли; съ правой, тамъ, гдѣ у насъ дѣлается карманъ, кобура, въ которую вложены два пистолета съ ручками, расходящимися въ противоположныя стороны; выше ручекъ пистолетовъ свѣшивается лядунка, т. е. пороховница, надѣтая при помощи ремня черезъ лѣвое плечо козака. Въ правой рукѣ его копье съ желѣзнымъ трехграннымъ наконечникомъ на деревянномъ древкѣ, книзу очень тонко заостреннымъ; лѣвая рука свободна. За этою четвертою фигурою стоитъ пятая, на плечахъ которой виднѣется лишь одинъ кафтанъ желтаго цвѣта и на головѣ шапка, совершенно отличная отъ шапокъ на другихъ фигурахъ: она состоитъ изъ бѣлаго барашковаго околыша, довольно значительной ширины, къ которому придѣланъ вершокъ изъ какой-то, видимо, суконной матеріи желтаго цвѣта. Въ общемъ эта шапка похожа на теперешнія шапки донскихъ козаковъ, только въ этихъ послѣднихъ околыши нѣсколько больше околыша нарисованной на знамени шапки, и на тѣ высокія шапки, которыя изображены у Николая Сементовскаго въ извѣстномъ его сочиненіи «Малороссійская, запорожская и донская старина» [1]. Далѣе

[1]) С.-Петербургъ, 1846, 12, 14.

слѣдуетъ шестая фигура запорожца, одѣтая въ свѣтло-голубую черкеску изъ узорчатой штофной матеріи, опоясанная поясомъ такой ширины, какіе теперь носятся простыми малороссійскими крестьянами. Эта фигура важная типичная, можетъ быть, атамана всей ватаги; онъ стоитъ безъ шапки и смотритъ куда-то вверхъ, поднявъ высоко свою голову, на которой развивается черная чупрына. При лѣвомъ боку у него сабля съ витою ручкою, при правомъ боку желтаго цвѣта лядунка, надѣтая также черезъ лѣвое плечо, а ниже лядунки пара пистолетовъ; за поясомъ платокъ бѣлаго цвѣта, спускающійся до колѣнъ. Затѣмъ слѣдуютъ остальныя фигуры въ такихъ же костюмахъ, но съ варіацией цвѣтовъ: одинъ представленъ во всемъ малиновомъ съ платкомъ за поясомъ, кромѣ самаго пояса синяго цвѣта, съ концами, завязанными напереди. Другой, совсѣмъ молодой, еще безусый козакъ изображенъ одѣтымъ въ темно-зеленую бурку или епанчу и зеленовато-желтый кожанокъ, или же матроскую сорочку, съ большою низкаго верпика шапкою на головѣ, на подобіе архіерейской митры; онъ оперся правымъ колѣномъ о бортъ лодки и держитъ въ правой рукѣ такое же копье, какое держитъ и описанная уже четвертая фигура запорожца. Наконецъ, тутъ же есть фигуры въ темно-синихъ кожанкахъ (а можетъ быть матроскихъ сорочкахъ) и коричневыхъ шароварахъ, въ сорочкѣ зеленоватаго цвѣта и красномъ поясѣ, въ сорочкѣ голубаго цвѣта и шапкѣ зеленаго цвѣта, въ сорочкахъ синихъ («жандармъ-цвѣтъ»), съ красной застежкой, бѣлыхъ и коричневыхъ; въ темно-синихъ шапкахъ и безъ шапокъ. Въ большинствѣ случаевъ фигуры представлены съ открытыми шеями, въ шапкахъ низкихъ, но широкихъ. По всему этому знамя представляетъ изъ себя богатый матеріалъ какъ для историка запорожскихъ козаковъ, такъ и для художника, который бы пожелалъ взять сюжетомъ для своей картины какой-либо моментъ изъ исторіи низовыхъ запорожскихъ козаковъ.

Снимокъ со знамени въ эрмитажѣ.

Доз. ценз. Спб., 4 Нояб. 1889 г. Тип. И. Скороходова, Надеж., 39.

VII.

Мѣстечко Котовка и село Лычково екатеринославской губерніи, новомосковскаго уѣзда.

Мѣстечко Котовка нѣкогда составляло одно изъ селеній вольностей запорожскихъ низовыхъ козаковъ; но когда оно возникло и кѣмъ основано, на то нѣтъ документальныхъ данныхъ. Ни на генеральной картѣ инженеръ-полковника Дебоксета 1751 года, ни на картѣ елисаветградской провинціи 1772—1774 года, ни въ показаніяхъ запорожца Никиты Леонтьевича Коржа Котовки вовсе нѣтъ,—у Никиты Коржа по рѣкѣ Орели названы только два селенія: Гупаловка и Петриковка [1]). Только на картѣ А. А. Скальковскаго 1770 года, въ числѣ девяти запорожскихъ селеній по-надъ лѣвымъ берегомъ рѣки Орели, въ вѣдомствѣ орельской паланки запорожскихъ вольностей, стоитъ и селеніе Котовка [2]). Народное преданіе говоритъ, что основателемъ Котовки былъ какой-то запорожецъ Василь Котъ; онъ жилъ «на двѣ половины»,—въ одной, гдѣ стояла старая церковь, въ другой, гдѣ теперь панскій капустникъ; первый поселокъ назывался Васькивка, а второй—Котивка; этотъ Котъ имѣлъ переправу

---

[1]) Изустныя преданія о новороссійскомъ краѣ, «Журналъ м. н. пр.», 1838, II, 512.

[2]) А. А. Скальковскій, «Исторія Новой Сѣчи», Одесса, 1886, I, 36; III, приложеніе.

черезъ рѣку Орель и, какъ былъ человѣкъ очень домовитый, держалъ при себѣ очень много собакъ; какъ-то эти собаки напали на переправлявшагося черезъ Орель купца и разорвали его; хозяину собакъ, запорожцу Коту, грозила бѣда; тогда онъ обратился за покровительствомъ къ сосѣднему помѣщику Алексѣеву, котораго «дéржава» была на рѣчкѣ Очеретоватой; Алексѣевъ обѣщалъ защитить Кота, но подъ условіемъ: «оддáй мини́, кáже, свою землю, я тебе ви́зволю»; Котъ согласился и уступилъ пану свою землю, а самъ устроилъ себѣ сéлище по правую сторону Орели, гдѣ и теперь живетъ его поколѣніе [1]). Изъ дошедшихъ до насъ актовъ видно, что въ селеніи Котовкѣ въ 1774 году было уже семьдесятъ три двора, гдѣ жили вышедшіе изъ Сичи и поженившіеся запорожскіе козаки. Изъ тѣхъ же актовъ и тогоже 1774 года, 5 октября, видно, что по представленію кошеваго атамана войска запорожскаго Петра Ивановича Калнишевскаго со всею старшиною и товариствомъ и по донесенію генералъ-фельдмаршала и главнокомандующаго первою россійскою арміей, графа Петра Александровича Румянцева митрополиту кіевскому и галицкому Гавріилу, въ селеніи Котовкѣ заложена была первая деревянная церковь во имя Преображенія Господня; въ слѣдующемъ году къ строющейся церкви уже рукоположенъ былъ священникомъ бывшій запорожскій козакъ кисляковскаго куреня Иванъ Андреевичъ Высота, восемнадцать лѣтъ проживавшій въ числѣ церковниковъ при войсковой сичевой школѣ и потому «въ сраженіяхъ небывшій и никого на войнѣ неубившій» [2]). Въ это время въ духовномъ отношеніи Котовка принадлежала старокодацкой духовной «намѣстніи». До 1775 года Котовка оставалась во владѣніяхъ земель войска низоваго запорожскаго; съ 1775 года она сдѣлалась собственностью «гвардіи поручика» Илларіона Спиридоновича Алексѣева, впослѣдствіи псковскаго губернатора. Семейное преданіе

[1]) Преданіе записано мной отъ крестьянъ Котовки Степана Сатаны и Якова Колваха.

[2]) Θеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 346.

разсказываетъ, будто первый изъ владѣльцевъ Котовки, Иларіонъ Спиридоновичъ Алексѣевъ, купилъ ее у запорожца Кота еще въ 1758 году при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ; но съ этимъ преданіемъ согласиться нельзя по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что земли запорожскаго войска не были достояніемъ отдѣльныхъ лицъ, а составляли «вольности» всего низового войска и никогда не продавались и не отдавались въ частныя руки, особенно же въ руки пановъ; во-вторыхъ, и потому, что гораздо позже означеннаго 1758 года, въ 1774 году, Котовка считалась собственностію запорожскихъ козаковъ, такъ какъ въ это время хлопочетъ объ устройствѣ въ ней церкви не владѣлецъ, о которомъ нѣтъ и рѣчи въ церковныхъ актахъ, а кошевой атаманъ всего войска запорожскаго низоваго П. И. Калнишевскій вмѣстѣ съ фельдмаршаломъ графомъ П. А. Румянцевымъ. Послѣ паденія Сичи Котовка нѣкоторое время оставалась пока въ вѣдѣніи старокодацкой духовной «намѣстніи»; въ 1776 году священнику слободы Котовки, Ивану Высотѣ, прислано было изъ правленія духовной старокодацкой «намѣстніи» предложеніе о представленіи дѣтей священно и церковно-служительскихъ въ кіевскую академію для высшихъ наукъ, вслѣдствіе малолюдства въ ней студентовъ [1]). Въ этомъ же году слобода Котовка считалась уже отчисленной къ самарскому духовному правленію: седьмого января этого года изъ самарскаго духовнаго правленія пришло предложеніе священникамъ и церковнослужителямъ слободъ Котовки, Личковки, Гупаловки, Бабайковки, Могилева, Шульговки, Петриковки, Каменки и Новоселицы о томъ, «чтобъ они, естли какая кому церковная или своя надобность будетъ къ его преосвященству или вдуховную словенскую консисторию спрошенями минуя духовное правленіе, ни подъ какимъ видомъ под опиcениемъ великого штрафа, не входили, а являлись бы в оное духовное правление и оттуда получа полное наставление, в то время представляли ли бы или къ его преосвященству или въ словенскую духовную конси-

[1]) Изъ бумагъ церковнаго архива Котовки.

сторию»[1]. Въ 1784 году Котовка именуется слободой екатеринославскаго намѣстничества алексапольскаго уѣзда[2]), а церковь ея считается зависимой отъ духовнаго алексапольскаго правленія; въ 1785 году въ слободѣ Котовкѣ окончена была первая церковь во имя Преображенія Господня, заложенная еще при запорожцахъ, но оконченная на собственныя средства помѣщика статскаго совѣтника и кавалера Илларіона Спиридоновича Алексѣева; тогда на дьячковскую должность при новой церкви Котовки опредѣленъ былъ церковникъ Ѳедоръ Чернявскій. Въ 1791 году въ слободѣ Котовкѣ было уже сто тридцать пять «подданническихъ» дворовъ, церковь ея все еще находилась въ вѣдомствѣ алексапольскаго духовнаго правленія; тогда алексапольское духовное правленіе сдѣлало представленіе архіепископу екатеринославскому Амвросію о необходимости устройства въ слободѣ Котовкѣ новой церкви вмѣсто старой обветшавшей; резолюція послѣдовала 10 сентября 1791 года: церковь приказано было устроить во имя тогоже праздника Преображенія Господня, но на новомъ мѣстѣ. Въ 1797 году Котовка считалась уже въ числѣ населенныхъ слободъ новомосковскаго уѣзда. Въ настоящее время—это одно изъ многолюдныхъ селеній того же новомосковскаго уѣзда екатеринославской губерніи; оно считается мѣстечкомъ, расположено по лѣвому берегу рѣки Орели, въ семидесяти пяти верстахъ отъ города Екатеринослава и принадлежитъ владѣльцу Гофмейстеру Высочайшаго Двора, Георгію Петровичу Алексѣеву, извѣстному въ новороссійскомъ краѣ собирателю древностей и нумизмату, располагающему большой коллекціей всякаго рода доисторическихъ древностей.

Отъ пребыванія въ Котовкѣ запорожскихъ козаковъ сохранилось нѣсколько воспоминаній въ видѣ серебряной утвари, богослужебныхъ книгъ въ мѣстной церкви и нѣсколькихъ названій могилъ и урочищъ. Въ церкви Котовки отъ запорожскихъ коза-

---

[1]) Изъ бумагъ церковнаго архива мѣстечка Котовки.

[2]) Теперь мѣстечко Царичанка полтавской губерніи, на правомъ берегу Орели.

ковъ осталась большая серебряная позлащенная чаша, одинъ деревянный кипарисовый въ серебряной оправѣ напрестольный крестъ съ надписью: «Сей: крестъ и сею чашу отмѣнилъ(ъ) рабъ божій Андрей за упокой раба божия Іосіпа у сло (=слободу) Котивку до храму Спаса 1775 году»; изъ книгъ—три евангелія, одно въ красномъ бархатѣ и серебряномъ окладѣ по угламъ, московской печати 1760 года при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ; другое въ сплошномъ серебряномъ позлащенномъ окладѣ, тойже печати 1764 года, и третье въ зеленомъ бархатѣ съ серебрянымъ окладомъ по угламъ, кіевской печати 1773 года; двѣнадцать книгъ общей минеи, кіевской печати 1750 года, общая минея московской печати 1763 года и книга постовой тріоди съ надписью по листамъ: «Купленъ Семеономъ... за цену 3 р. 50 к. до храму преображенія господня 1775 году мѣсяца іюня 2-го дня в село Котовку». Изъ могилъ, связанныхъ съ пребываніемъ запорожцевъ въ Котовкѣ, интересны двѣ—Пилипчина и Настина, обѣ ниже усадьбы владѣльца, близъ лѣваго берега рѣки Орели. Пилипчина могила получила свое названіе отъ запорожца Осипа Пилипенка: «Винъ бувъ колы́сь хло̂пцемъ у козакивъ, вары́въ имъ ѝсти, а жи́въ незаба́ромъ передъ тимъ, якъ запорожцивъ выго̂ныли видциля; а воны, якъ би́гли звидциля, то зако́пували у могылахъ клады́; закопа та щей закля́ття поло́же: «хто ви́зьме оце́й кладъ, тому хай за́разъ очи повылазють»; ото́ ї закопа́ли вони́ суму́ у моги́ли за ричкою Заплавкою [1]) на Шагаривськимъ ху́тори; закопали и подали́сь соби геть, а Пилыпенко зоставсь тутъ; бачивъ винъ, де схова́ли запорожци суму, тай сивъ тамъ хуторомъ, сивъ и живе; прыжнвъ сына, диждавсь и ону́ка; а якъ ону́къ зробы́вся уже чима́лымъ парубкомъ, то дидъ ему и розскажи́ про те, що захо́вали запорожци въ могыли; а той и давай прохати дида, шобъ винъ выкопавъ гроши. «Я бъ, каже дидъ, и вы́копавъ, такъ очи повыла́зють».—«Та ничого, диду́сь, я васъ догоду́ю до смерти». Дидъ и выкопавъ, якъ вы-

---

[1]) Заплавка—притокъ Орели съ лѣвой стороны, ниже усадьбы владѣльца.

копавъ, такъ и ослипъ, та й живъ слипымъ, онукъ таки догодувавъ ёго до смерти» [1]). Настина же могила, разсказываютъ, получила свое названіе отъ какой-то дивки Насти. «Тамъ жила дивка Настя; вона́ держа́ла у себя вата́гу козакивъ, а нихто того не знавъ, що вона дивка; ка́жуть, у неи ву́сыки манéньки були́, то и считали іи́ за своѓо брата, и ски́льки, мо́же, годъ вона правыла за козака, а якъ умéрла, то тоди тильки ї дизна́ли, що вона́ дивка» [1]). Изъ урочищъ съ названіемъ отъ запорожскихъ козаковъ самое интересное урочище Левенцево къ сѣверу отъ усадьбы владѣльца, у лѣваго берега Орели. Урочище Левенцево получило свое названіе отъ какого-то Левенца, сына вдовы Левенчихи; онъ бѣжалъ изъ Гетманщины отъ притѣсненія пановъ, поселился на Орели и былъ не то гайдамака, не то запорожецъ. «Давно-давно те було, якъ каза́ли наши батьки́, въ старовыну́. Живъ-бувъ на Орели, биля са́мои горы не то казакъ, не то гайдамака, славный молодець Левенець. Тоди́ времья було пога́не, — нехрещена орда буйнувала: то попалыть се́ла, то зруйну́е святи церквы, то одзене багацько народу въ неволю; одна бида була: ныхто не знавъ, що зъ нимъ и буде завтра. Ото́ Левенéць молодець якъ побачивъ, що дило погане, перехрыстывсь тры́чи тай каже: «ну, проклята орда, я жъ тоби докажу правды! недовго жъ тобі́ мудрувать мижъ нами»! Зробывъ соби на майда́ни биля́ рички Орили куринь тай ставъ воювать зъ нехрыстами. То бувало прыйде татарва, обступе тоїі куринь та й ну гукать на Левенця молодця: «Здавайся, сучій сыну, а то мы тебѣ закыдаемъ стрилка́ми». А Левенець молодець и крычить имъ: «А кидайте, кидайте, погани сыны»! А голосъ у его такый бувъ, що одъ него уси дерева́ у лисахъ и очереты у ричкахъ, начe видъ витру, заколыхнутця. Тоди татарва одскоче одъ Левенця, ста́не де-небудь подальше видъ куриня тай ну кидать стрилами. А ёму й байдуже: стоить соби, сердешный, та сміетця, а стрилки́ округъ нього тилько свыстять та на землю падають. «А що, каже, настриляли багацько? Ну, те-

---

[1]) Записано отъ старика Котовки Степана Сатаны.

перь я буду стриляти»! Та якъ пальне изъ рушныци, абó зъ лука на поганыхъ нехрыстивъ, то такъ и повáле зразу цилу тысячу. Побáче татарва, що ничого не зробе зъ такимъ лыцаремъ та павтикача видъ нёго; а винъ визьме ломаку та за ними, та й ну дубасыть по чимъ попало, ажъ поки вся земля свята не застелется ихъ трупомъ. Такъ довго Левенець молодець мурдувавсь зъ ордою и беригъ нашу святу землю видъ поганыхъ. Бачить погана татарва, що силою ничого не визьме та й ну лукавить. Почула, шо у Левеньця було два сыны, таки, що вже й помогають батькови быться противъ супостатъ, та й давай клята погань пидлащатись до сынивъ. Такъ и тутъ ничого не зробыла. Тилько на лыхо соби, кажуть, Левенець молодець давъ таке заклятте сынамъ, щобъ вони усю жисть не знались зъ дивчатами; колы жъ одинъ изъ ёго сынивъ визьми та крадькомá видъ батька и поженыхайсь зъ дивкою; а та дивка черезъ парубка и роспизнала, де Левеньця молодця можно було захопить пышкомъ, узнала тай переказала поганій татарви, а татарва и пидстерегла его сердешного у Плавахъ [1]), якъ винъ лигъ спати; а якъ вивъ бувъ дуже сильный чоловикъ, то противъ него выйшовъ самъ ханъ поганый, та й не одинъ, а зибравъ коло себе ажъ пьятцотъ чоловика орди; выйшовъ, пидстеригъ Левеньця, накинувсь на него ничью, звязавъ руки сырицею, прывивъ на могылу та й давай ёго пекти та мучити; пикъ-пикъ, мучивъ-мучивъ, а дали вбывъ его и голову одрубавъ. Якъ покотылась же та голова по земли, то вся земля задрижала и пиднявсь велыкій-превелыкій витеръ, шо уси деревá до низу похылылысь, а вся татарва на землю повалылась, та съ тихъ пиръ, кажуть, и загынула проклята. Отъ якій бувъ той Левенець, а теперь якъ згадаешъ про него, то слезы такъ и бижать изъ очей. Винъ лежить закопаный десь у могилы, середъ лиса, у самому Левенцевому, биля Орили, видъ того по Левеньцю молодцю и Левенцево прозвалось. Балакають, будьто винъ дуже богатый бувъ чоловикъ и богатство свое закопавъ десь биля озера Домахи

[1]) Плавы—озеро, на лѣвомъ берегу Орели, недалеко отъ Левенцева.

надъ Орилю у Левенцевому, коло тихъ дубивъ, що три вкупи зрослысь. Колысь прыиздыли люде изъ Крыму шукать биля тыхъ трехъ дубивъ казны Левенця, та ничого не найшли» [1]).

Въ Котовкѣ и теперь старыя бабы поютъ пѣсню о Левенцѣ молодцѣ: въ пѣснѣ онъ изображается ненавистникомъ пановъ, любителемъ чужого добра и разбойникомъ, однимъ словомъ, тѣмъ, что называютъ теперь гайдамакою; изображая его гайдамакою, народъ, однако, симпатизируетъ ему, какъ можно видѣть изъ самой пѣсни, гдѣ къ нему не прикладывается ни одного позорящаго имени эпитета, напротивъ того, имя его называется въ уменьшительномъ и даже какъ бы ласкательномъ видѣ.

«Ой снигъ идé, то зима буде,
На тебѣ, Левенцю, та бида буде,
На тебе, Левенцю, паны встали,
Зъ порадою хóтять взяти та зъ громадою.
Ой хочъ бида й буде, та тилько не заразъ,
Та тильки не заразъ, а трошки згодивши,
Ведуть Левенчика, ведуть уловывши.
Скували ноги зализами, зъязали руки сырыцею,
Везуть Левенчика, везуть вулыцею.
Сырыця сухая руки истягае,
За нимъ идé ненька та плаче рыдае:
«Чи я тоби, сынку, тай не говорила,
Не рубай лиса, лиса Лебедина,
Та не гниви пана, пана господина,
Та не суши серця, мого юдовина.
Коли рубавъ лиса, було бъ зволочити,
Коли вгнивывъ пана, було бъ упросити.
Ажъ ты порубивъ-зволочивъ, зволочивши-запаливъ,
Зволочивши-запаливъ, самъ соби славы наробывъ».
—«Годи тоби, мамо, мене вговоряти,
Печаль къ серцю годи прикладати;
Якъ укравъ я соби, мамо, чепелынку,
Ты сказала, мамо: «гараздъ буде, сынку».
Якъ укравъ я, мамо, корову рябую,
Ты сказала, мамо: «украдь ще другую»!
Якъ укравъ я, мамо, коня вороного,

[1]) Записано Г. П. Алексѣевымъ отъ старика Котовки, дида Дуньки.

Ты сказала, мамо: «пиди по другого».
Якъ укравъ я, мамо, та пару жупанивъ,
Ты, мамо, сказала: «порубай ще й панивъ»
Тоди паны були милостыви,
Узяли Левенця, на волю пустыли,
Левенця пустили, Левенцеву неньку въ кайданы забыли.
Якъ пишовъ Левенчикъ темными лугами,
Та темными лугами, съ тугыми луками;
Лежать паны порублены-попечени,
Левенцевыхъ ручекъ невтечени.
«Оце жъ вамъ, паны, та за ваши кары,
Щобъ вы, паны, якъ треба карали:
Було бъ же вамъ, паны, Левенця не брати,
Вы жъ ёго зловили, кары не зробили,
Левенцеву неньку въ кайданы забыли,
Було бъ же вамъ, паны, Левенця карати,
Та зъ плечъ головку зняти» [1]).

Кромѣ урочища Левенцева близъ Котовки есть еще урочище Заклятый Кутъ, ниже усадьбы владѣльца; тамъ «заклятые» люди жили, запорожцы. «О, то бидовый народъ бувъ; вони оце задумають кого-нибудь обибрати, то выберутъ темну-претемну ничъ, схоплютця чоловикъ двенадцять умисти та й гайда до хаты; якъ пидберутця до хаты, то заразъ одинъ стане коло викна, а другый роздинетця увесь до-гола, визьме въ руку шаблю, пиднимется першому на плечи, ускоче черезъ викно въ хату, стане середъ стола тай кричить: «Ось и я! треба вамъ комышника?» А кругомъ хаты ще десять чоловикъ. Тоди хозяинъ сюды-туды, та никуды; подавай и гроши и все добро, чого забажають» [2]).

Самое названіе рѣки Орели ведетъ свое начало будто бы отъ тѣхъже запорожцевъ. «Тутъ колысь живъ змій та запорожець; змій по ту сторону, а запорожець по цю сторону; жили вони, жили та якось и не поладнали—давай спориться за граныцю; сперили-спорили, бились-бились, а дали змій и каже: «давай проведемъ граныцю, тоди у насъ и сперки не буде;» «да-

[1]) Записана А. П. Базаряниновой отъ крестьянки мѣстечка Котовки Марьи Якимовны Чапчихи.

[2]) Записано мной отъ старика мѣстечка Котовки Летючаго.

*

вай,» каже запорожець. Та ото змій запрягся у плугъ тай проoравъ грянныцю, а по тій *рилли* и пишла рична *Ориль»* [1]). Разсказываютъ, что въ старину близъ Котовки по степи росли такія травы, что какъ пустишь было пастись воловъ, то въ другомъ гонѣ и не увидишь ихъ, а когда свернетъ возъ съ дороги, то за травой и не вылѣзешь; близъ рѣки водились дикія козы, а въ самой рѣкѣ было видимо-невидимо рыбы; тогда и озеръ гораздо больше было и рѣчки полноводнѣе текли: «чи воно земля росте, що теперь меньшъ воды стало, чи воно що друге въ свити божому діется; мабуть, земля росте, человикъ же росте, то й земля повынна рости, видъ того й воды теперь меньше стало, чимъ у стари годы».

Близъ мѣстечка Котовки стоитъ село Лычково. Село Лычково— старѣйшее изъ селъ, находящихся по лѣвому берегу рѣки Орели новомосковскаго уѣзда: начало ему положено запорожскими козаками во второй половинѣ XVII вѣка, а документально извѣстнымъ оно становится въ началѣ XVIII вѣка; въ то время оно входило въ составъ вѣдомства орельской паланки, т. е. округа запорожскихъ земель, и уже въ 1706 году имѣло у себя деревянную церковь; съ 1709 по 1734 годъ въ селѣ Лычковомъ нашли себѣ пріютъ тѣ изъ запорожскихъ козаковъ, которые остались вѣрными русскому царю Петру первому, послѣ измѣны гетмана Ивана Мазепы и кошеваго атамана Константина Гордіенка, и не послѣдовали за своими собратьями въ Турцію на новыя Сичи Каменскую и Алешковскую; въ 1737 и 1738 годахъ Лычково подверглось страшнымъ бѣдствіямъ—моровой язвѣ и набѣгу татаръ, разорившихъ въ немъ дома, церковь и истребившихъ много жителей мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Но эти бѣдствія не были, однако, роковыми для села: черезъ три года послѣ нашествія татаръ и спустя два года послѣ страшной чумы въ селѣ Лычковомъ устроена была часовня, въ которую назначенъ былъ изъ ближайшаго запорожскаго монастыря на рѣкѣ Самарѣ іеромонахъ для отправленія въ ней богослуженія, а спустя тридцать

---

[1]) Записано мной отъ старика мѣстечка Котовки Степана Сатаны.

два года, въ 1772 году, въ немъ сооружена была и церковь, во имя Покрова пресвятой Богородицы. Церковь эта была перенесена въ Лычково изъ села Бригадировки, основаннаго въ 1767 году, между лѣвымъ берегомъ рѣки Орели и Днѣпра, но залитаго днѣпровскими водами и засыпаннаго рѣчнымъ иломъ и береговымъ пескомъ. «Будучи на низкомъ очень къ Днѣпру и песковатомъ мѣстѣ учреждена, каждой весны полонною водою обливается такъ, что во время весенняго залива въ церковь бродятъ водою, съ лѣтняго времени окружена оная жъ церковь кучугурами и пескомъ; отъ песку аппаратовъ церковныхъ, да и самыхъ божественныхъ таинъ уберечь никакъ (не) можно, при томъ же и вся церковь, причиною нетвердости земли и раздавшагося подъ нею песку, на одну сторону повернулась такъ, что и дверей съ одной стороны отворить насилу можно. И мы (т. е. войсковая запорожская старшина)... разсудили за пристойное сей церквѣ перенесенной быть здѣшнихъ вольностей—изъ села Бригадировки—въ село Лычково, какъ мѣсто, ради сооруженія церкви, не низкое и не песковатое, но со всѣми удобствами самопристойнѣйшее» [1]).

Въ настоящее время отъ прошлыхъ временъ въ церкви села Лычкова хранятся два колокола и шесть священныхъ книгъ съ характерными надписями, сдѣланными на нихъ. Колоколъ большой съ надписью: «Сей звонъ: в слободу Благодировку до храму Покрови пресвятой Богородици коштомъ козаковъ лечковскихъ Павла Брехаря да Хоми и Ивана Чорного здѣланъ 1756 года»; колоколъ меньшій съ надписью: «1756 року божія»; евангеліе кіевской печати 1733 года, временъ императрицы Анны Ивановны, въ серебряномъ окладѣ съ надписью: «Силами и трудами Афанасея Емельянова сына Сенюкова»; цвѣтословъ, московской печати 1763 года, съ надписью по листамъ: «1764 году купленна сия книга цвѣтословъ стараниемъ и коштомъ козаковъ Іоаномъ і братомъ его Іоавраамомъ куреня кислаковскаго до храму покрови пресвятия Богоматере в вольность

[1]) Θеодосій. Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 325.

запорожскую в брегадировку; трудомъ Іоанномъ Мовчаномъ въ Киевѣ»; житія Іоанна Дамаскина, Варлаама пустынножителя и Іосафа лидійскаго, московской печати 1680 года, съ двумя превосходными гравюрами, исполненными знаменитымъ представителемъ русской школы живописи, называемой «царской школой», второй половины XVII вѣка, Симономъ Ушаковымъ; изъ нихъ одна изображаетъ «миръ,» т. е. женщину, стоящую на головѣ барашка съ цвѣтами въ рукѣ; другая изображаетъ «брань;» т. е. воина съ копьемъ и мечемъ въ рукѣ и со шлемомъ на головѣ; подъ фигурами означено имя гравера: «Начерталъ Симонъ Ушаковъ ҂ахп», а внизу книги на первомъ же мѣстѣ сдѣлана по-польски надпись: «1773 Miesionca Aprуla 11 Wydalem Ieskarbcu Cerhiewica»; поученія епископа Ильи Минятія, московской печати 1759 года; бесѣды Іоанна Златоустаго, тойже печати 1768 года; трофолой безъ обозначенія года напечатанія, но съ длинною надписью по листамъ: «Во имя отца и сына и святаго духа и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь. По благословенію Его Преосвященщаго (sic) митрополита Кіевскаго, Галицкаго, Малия Росии отменилъ сию книгу трофолой (и) купилъ его Степанъ Порошко до веси Каетановки до храму Пресвятія Богородици нашея Покрови (,) купленъ цѣною рублѣй десять и купилъ его за свои власніи денги при честному отцу иерею Михаилу (;) а хто бъ его моглъ отдалити отъ храму святого покрови (,) отъ той будетъ судимъ во второе пришествіе (,) 1754 года мѣсяца февраля дня 6 (;) по которой (-послѣ которой) куплѣ сея книги нарицаемой трофолой козакомъ запорожскимъ и товаришемъ куреня Доньского Данииломъ Махиновскимъ отдалъ ко храму святаго чудотворца Николая вѣдомства орельскаго, личковской часовне честному отцу Іерею... 1776 года мѣсяца ноября 22 дня».

Послѣ паденія Сичи, въ 1775 году, село Лычково, по раздѣлу земель, было пожаловано маіору Михаилу Семеновичу Кочубею, а въ настоящее время состоитъ во владѣніи княгини Натальи Ивановны Черкаской.

VII.

Изъ поѣздки по бывшимъ запорожскимъ вольностямъ.

Осенью 1885 года, послѣ продолжительныхъ и трудныхъ раскопокъ кургановъ въ одномъ изъ мѣстъ бывшихъ вольностей запорожскихъ козаковъ, близъ теперешней деревни Вороной, имѣнія владѣльца А. М. Миклашевскаго, пониже города Екатеринослава, медленно тащился я на парѣ захудалыхъ лошаденокъ, запряженныхъ въ огромную нѣмецкую бричку, имѣющую видъ длиннаго ящика съ придѣланнымъ къ нему дышломъ. Мой путь лежалъ отъ села Славгорода, павлоградскаго уѣзда, къ селу Покровскому, александровскаго уѣзда. День былъ превосходный; на небѣ ни облачка; солнце хотя и припекало, но не жгло и не палило такъ, какъ оно жжетъ и палитъ въ лѣтніе мѣсяцы; въ степи было такъ тихо, точно природа погрузилась на время въ сладкую дремоту, въ легкій полусонъ, послѣ долгаго знойнаго лѣта. Я сидѣлъ на такъ-называемомъ креслѣ, попросту сказать, люлькѣ, навѣшенной при помощи толстыхъ ремней на поперечныя стѣнки брички, и слегка покачивался, то нависая всѣмъ тѣломъ напередъ, то наклоняясь правымъ или лѣвымъ бокомъ на ту или на другую сторону брички; покойное сидѣніе и тихая ѣзда убаюкивали меня. Передо мною на передней дощечкѣ сидѣлъ кучеръ, типичный новороссійскій хохолъ, бѣлокурый, съ длинными русыми усами, съ короткой рыжеватой,

давно небритой бородой, съ остриженной вплотную круглой головой, въ широкихъ темнаго цвѣта шароварахъ, надѣтыхъ поверхъ бѣлой съ мережками сорочки и опоясанныхъ суконнымъ, зеленаго цвѣта, поясомъ. И выраженіе лица, и отрывочныя, бросаемыя какъ бы на ходу и вскользь, замѣчанія моего возницы сразу дали мнѣ понять, что я имѣю дѣло съ человѣкомъ не безъ юмора.

— Пане!

— А что?

— Я хотѣлъ спросить васъ о чемъ-то, да и самъ не знаю, какъ оно вамъ покажется.

— Спроси, можетъ быть и хорошо покажется?

— Вы подчасъ не изъ тѣхъ, что курганы копаютъ?

— Нѣтъ, братецъ не изъ тѣхъ; цуръ имъ совсѣмъ! Я съ тѣми и знаться не знаюсь и вѣдаться не вѣдаюсь. А что, развѣ ты знаешь кого-нибудь изъ нихъ?

— Самъ-то ихъ не знаю, а вотъ слыхать объ нихъ—слыхалъ.

— А что же именно ты объ нихъ слыхалъ?

— Да слыхалъ, будто они много золота выкапываютъ въ курганахъ. Вотъ тамъ, надъ Днѣпромъ, близъ Лоханскаго порога, стоитъ деревня пана Миклашевскаго, и близъ той деревни Богъ насѣялъ страшное множество кургановъ. Такъ вотъ до этихъ-то кургановъ выѣхалъ изъ Петербурга панъ; говорятъ, и молодой еще, а бѣдовый, каторжный человѣкъ... Ну, такъ этотъ панъ и выѣхалъ до кургановъ, выѣхалъ онъ до кургановъ и давай ихъ копать. И что бы вы думали, что онъ выкопалъ? Выкопалъ сорокъ пудовъ золота!.. Выкопалъ, навалилъ на воловъ да и посунулъ въ губернію. Кожа на волахъ трещитъ, а онъ сунетъ; а изъ губерніи прямо до царя повезъ. Вотъ оно что!.. И какъ вы думаете, спрошу я васъ, своею онъ то силою выкопалъ тѣ деньги? Думаю, что не своею. Потому, видите ли, прежде чѣмъ копать курганъ, онъ всходитъ на самую вершину его, вынимаетъ изъ кармана какую-то стрѣлочку и на нее смотритъ, а она уже ему и показываетъ, гдѣ и клады

лежатъ, гдѣ и что другое [1]). Она такъ и «типается» у него въ рукахъ; онъ говоритъ: тутъ кладъ! А она показуетъ: нѣтъ, неправда, вотъ тутъ!

— Нѣтъ братику, я не изъ такихъ. И неужелижъ-таки правда тому, что въ тѣхъ курганахъ богатство зарыто?

— Вѣроятно, что правда, коли у насъ всѣ такъ говорятъ; сорока—сорокѣ, ворона—воронѣ, а за ними уже и мы.

— Да кто же зарывалъ его тамъ?

— Гм! Кто зарывалъ? Куцые черти да чубатые запорожцы!

— Какъ такъ?

— А вы не знаете, какъ? Дивно мнѣ; вы, кажется, и грамотный человѣкъ, а той причты, какъ чортъ да запорожскій кузнецъ зарывали въ курганы деньги и не знаете.

— И слыхомъ не слыхалъ.

— Э, такъ вы, значитъ, не знаете и того, какъ старыхъ людей передѣлываютъ на молодыхъ?

— Ну, ужъ этого, братику, я и понять-то не могу, не то что не знаю.

— А коли не знаете, такъ послушайте! Вотъ какъ оно было.

Жилъ когда то между запорожцами одинъ кузнецъ, да не такой кузнецъ, какіе теперь повелись,—пьянюги да мошенники,—а кузнецъ настоящій, честный, трезвый человѣкъ, еще стариннаго завѣту. И ковалъ онъ коней чуть-ли не на всю Сѣчь. Чуть свѣтъ, а онъ уже и въ кузницѣ, уже й «гукаетъ» молотомъ. Только сколько онъ ни дѣлалъ, сколько ни годилъ себѣ и козакамъ, а все бѣднякомъ былъ: ни на немъ, ни подъ нимъ. Вотъ какъ-то разъ приходитъ онъ къ своей кузницѣ «у-досвита», а на дворѣ было еще такъ темно, что хочь въ глазъ коли, такъ ничего не видно. Отомкнулъ кузнецъ дверь; вошелъ въ средину А тамъ, у него, видите-ли, всегда висѣло двѣ картины: на одной срисованъ былъ Господь Іисусъ Христосъ, а на другой намалеванъ чортяка съ рогами; первая кар-

[1]) Рѣчь идетъ о моихъ собственныхъ раскопкахъ; разсказчикъ разумѣетъ магнитную стрѣлку, которую я употребляю при раскопкахъ кургановъ для опредѣленія точекъ ихъ положеній.

тина прибита была на стѣнѣ, что прямо противъ дверей, а вторая на стѣнѣ, что надъ дверьми. Такъ вотъ какъ бывало войдетъ кузнецъ въ кузницу, то сейчасъ же станетъ лицомъ къ иконѣ и помолится Богу, а потомъ обернется назадъ и плюнетъ чорту, да и плюнетъ какъ разъ въ самую рожу. Такъ онъ дѣлалъ каждый день: Богу помолится, а чорту плюнетъ. Такъ сдѣлалъ и на этотъ разъ: вошелъ въ кузницу, перекрестился на икону, плюнулъ въ самую харю чорту, потомъ взялъ въ руки молотокъ и началъ гукать. Но только ударилъ раза два или три, коли гулькъ, а передъ нимъ стоитъ парняга, здоровый, красовитый, съ такими черными усами, что они такъ у него и «вылыснуются», а на видъ нѣсколько смугловатый.

— Здоровъ, дядьку!

— Здоровъ, парняга!»

— Часъ добрый тебѣ ковать и не перековать, брать деньги и не перебрать.

— Хорошо говоришь, да не ладно выходитъ.

— А что такъ?

— А то, что сколько я ни работаю, а нѣтъ ни на мнѣ, ни подо мною.

— Жалко мнѣ тебя, дядьку, но что дѣлать, коли у тебя такая скверная наука? Вотъ если бы ты зналъ той науки, которую я знаю, тогда бы ты и горемъ объ землю покатилъ.

— А какая же твоя наука?

— Моя такая наука, что я по ней могу старыхъ людей передѣлывать на молодыхъ.

— Неужели можешь?

— Могу!

— Научи меня, спасибо тебѣ!

— Э, не хотѣлось мнѣ, но жаль ужь очень тебя. Такъ вотъ же что: пойдемъ вмѣстѣ по свѣту, посмотришь ты, какъ я дѣло дѣлаю, то и себѣ научишься.

— Пойдемъ.

Вотъ и пошли они. Идутъ-идутъ; приходятъ въ одну слободу и сейчасъ же спрашиваютъ: «А что это панская слобода?»—

«Панская»—«А есть тутъ панъ?»— «Есть!—«А что онъ старый или молодой?»—«Да лѣтъ съ девяносто будетъ».—«Ну, вотъ это и нашъ; идемъ къ нему.» Пришли, доложились объ себѣ. Вотъ и вылазитъ панъ, старый-престарый, сморщенный, на силу ноги волочитъ. «А что вы скажете, мужички?»—«Да мы пришли, пане, называться вамъ работою» «А какую же вы работу можете исполнять.—Мы можемъ, пане, старыхъ людей передѣлывать на молодыхъ.

— Неужели можете?

— Можемъ.—«Сдѣлайте милость, передѣлайте меня!—«А что дадите?» «А что возьмете?»—«Да съ васъ тысячу рублей надо, потому что вы ужъ больно стары.»—«Нельзя-ли взять восемьсотъ?—«Нѣтъ, пане, никакъ нельзя, струментъ дорого стоитъ». Сюды-туды, сторговались за тысячу. Тогда тотъ молодой парняга взялъ долбню, «ошелешилъ» ею пана по лбу, изрѣзалъ его на куски, повкидалъ тѣ куски въ бочку, налилъ туда воды, насыпалъ золы, взялъ весилку да и давай все это мѣшалъ весилкою. Мѣшалъ-мѣшалъ, мѣшалъ-мѣшалъ, а потомъ дунулъ—плюнулъ да какъ крикнетъ: «Стань передо мною какъ листъ передъ травою»! Тутъ по этому слову изъ бочки выскочилъ такой молодецъ, что ажъ любо на него посмотрѣть, молоденькій-молоденькій, какъ будто ему лѣтъ семнадцать Получилъ парняга тотъ деньги, часть далъ кузнецу, а часть зарылъ зачѣмъ-то въ курганъ. Пошли дальше. Идутъ-идутъ; приходятъ въ другую слободу и сейчасъ же спрашиваютъ: «А что это панская слобода?»—«Панская.»—«А кто тутъ живетъ—панъ или паня?»—«Паня.» «А старая она?»—«Да лѣтъ сто, а то и больше будетъ.»—«Вотъ это и наша; идемъ.» Пришли, доложились объ себѣ. Вотъ и выносятъ имъ паню на подушкахъ. Такая старая, такая старая смотрѣть на нее нельзя. «Что вы скажете, мужички?»—«Да мы пришли называться работою.» «А что вы можете работать?»—«Можемъ старыхъ людей передѣлывать на молодыхъ.—«Можете?»—«Можемъ!»—Сдѣлайте божескую милость, передѣлайте меня!»—«А чтожъ, можно! Только дадите вы намъ двѣ тысячи рублей?»—«Нельзя-ли полторы?»—Никакъ нельзя,

струментъ дорого стоитъ». Ну, вотъ, такъ-сякъ, за двѣ тысячи договорились. Вотъ тотъ парняга вновь взялъ свою долбню, хватилъ ею паню по лбу, порѣзалъ тѣло на куски, повкидалъ куски въ бочку, налилъ воды, насыпалъ золы, взялъ весилку и давай ею мѣшать. Мѣшалъ-мѣшалъ, мѣшалъ-мѣшалъ, а потомъ плюнулъ-дунулъ да какъ крикнетъ: «Стань передо мною, какъ листъ передъ травою!» а оттуда и вышла такая красавица, такая красавица, что ажъ «сіяетъ»: точно ей годовъ шестнадцать. Получили деньги, подѣлили; опять часть ихъ парняга зачѣмъ-то зарылъ въ курганъ, и пошли въ третью слободу. Тутъ они тоже нашли какого-то пана и передѣлали его изъ стараго на молодого. Вотъ кузнецъ видитъ, что наука того парня не особенно мудра, и говоритъ самъ себѣ: «Э, катъ тебя бери! Я и самъ теперь могу тоже самое сдѣлать! Положились спать. Вотъ только-что нашъ парняга заснулъ, а кузнецъ поднялся да и ушелъ. Приходитъ въ первую слободу и сейчасъ же спрашиваетъ: «А есть-ли тутъ панъ?»—«Есть—«А старъ онъ?»—«Да годовъ семьдесятъ будетъ.»—«Вотъ это и мой.» Приходитъ; доложился объ себѣ. Выходитъ панъ хилый-прехилый, да еще и сгорбленный. «А что скажешь, мужичекъ?» — «Да пришелъ работою называться, пане.—«А какую ты работу можешь дѣлать?»—«Могу изъ старыхъ людей дѣлать молодыхъ.»—«Можешь.»—«Могу!»—«А что ты возьмешь передѣлать меня?»—«Тысячу рублей!» «О, какъ дорого! возьми восемьсотъ—«Никакъ нельзя, пане, струментъ дорого стоитъ.» Такъ—сякъ, за тысячу согласились. Вотъ тотъ кузнецъ взялъ долбню, убилъ ею пана, изрѣзалъ его на кусочки, побросалъ тѣ кусочки въ бочку, налилъ воды, насыпалъ золы, взялъ весилку и давай мѣшать ею. Мѣшалъ-мѣшалъ, мѣшалъ-мѣшалъ, а потомъ какъ свистнетъ, какъ крикнетъ: «Стань передо мною, какъ листъ передъ травою!» А оно ничего и не выходитъ. Онъ вновь мѣшать; мѣшалъ-мѣшалъ, мѣшалъ-мѣшалъ, потъ бѣднягу прошибаетъ, снова какъ свистнетъ, какъ крикнетъ: «Стань передо мною, какъ листъ передъ травою!» и снова ничего не выходитъ. Онъ и въ третій разъ, и въ третій не выходитъ. Что тутъ дѣлать? А дѣти убитаго пана пристаютъ,

чтобы кузнецъ воротилъ имъ отца, а не воротитъ, то въ Сибирь зададутъ. «Погодите,»—говоритъ кузнецъ,—«старъ онъ черезчуръ: не вкипѣлъ!» Да снова мѣшать. Вотъ уже и ночь обняла его; усталъ бѣдный кузнецъ, сѣлъ и задумался. «Эхъ, побила бы меня лихая година! И на что я ушелъ отъ этого парня? И гдѣ онъ теперь есть?» Только онъ сказалъ эти слова, коли тутъ кто-то торкъ его за руку! Оглянулся кузнецъ, а это парняга, тотъ самый съ блескучими глазами и черными усиками.

— Чего это ты, дядьку, такъ зажурился?

— Э, голубчикъ мой сивый, выручъ изъ бѣды! Покарала меня нечистая година: я думалъ, что уже научился твоей наукѣ, взялъ да ушелъ отъ тебя и давай передѣлывать старыхъ людей на молодыхъ, а вотъ оно вышло такъ, что я ничего не умѣю: убилъ человѣка, а теперь и не воскрешу. Сдѣлай милость, помоги въ бѣдѣ! До вѣку не забуду!» Задумался парняга, а кузнецъ все проситъ, все молитъ его.

— Ну, вотъ же что: я тебѣ помогу, только дай мнѣ одинъ зарокъ.

— Какой твоей душѣ угодно, такой и дамъ; что именно тебѣ нужно?

— Да что? Не будешь ты плевать на ту картину, которая виситъ у тебя въ кузницѣ надъ дверьми?

— Да это та, что чортъ на ней намалеванъ?

— Та самая.

Понялъ тогда кузнецъ, что у него за товарищъ и какая его наука... Ну, что же было дѣлать?

— Не буду!.. До вику не буду».

Съ тѣхъ поръ пересталъ кузнецъ плевать чорту въ рожу, съ тѣхъ же поръ люди и пословицу сложили: «Бога не забывай, да и чорта не обижай».

Это сдѣлалось между запорожцами, а отъ нихъ уже и къ намъ перешло... А что хороша моя баечка?

— Хороша твоя баечка, но только я не пойму, зачѣмъ же чортъ зарывалъ заработанныя имъ деньги въ курганы?

— А затѣмъ, что то христіанскія деньги,—онѣ бы его спалили.

— Ну, а слыхали жъ вы, папе, какъ можно достать тѣ деньги изъ кургана, что зарывалъ чортъ съ запорожскимъ кузнецомъ?

— Нѣтъ, не слыхалъ.

— Зубомъ изъ мертвеца!

— Какъ такъ?

— А такъ, что нужно вырвать изо рта мертвеца кутнiй зубъ,—такъ съ тѣмъ зубомъ можно находить клады, отпирать замки, «обертать» къ себѣ дивчатъ. На этотъ счетъ тоже есть старинная байка.

— Какая такая?

— А вотъ слушайте. Когда-то въ очень давнюю давину, тутъ-таки у насъ, на Запорожьѣ, былъ себѣ безродный, немущiй козакъ, сирома, голякъ. Только й богатства у него, что конь, кресало да люлька. И такой онъ былъ безстрашный человѣкъ, что вездѣ бывало бродитъ то по степи, то по балкамъ, то по лѣсу; день или ночь, лѣто или зима, — ему все равно. Вотъ какъ-то, въ зимнее время, ночью выѣхалъ онъ изъ Запорожья въ «Гетманщину на городы». Выѣхалъ, погода была хорошая, а потомъ поднялась такая «хуртеча», что, Боже, сохрани! И свѣта божьяго не видно! Одно куритъ, одно куритъ, и все дальше больше, дальше больше. А козакъ все ѣдетъ; ѣхалъ-ѣхалъ, наконецъ, сбился съ пути. Сюды-туды, сюды-туды, нѣтъ дороги; пришлось такъ, что хоть Богу душу отдавай... «Ну, что-жъ теперь дѣлать? Пущу коня, пусть онъ самъ ѣдетъ, куды знаетъ». Пустилъ коня и опять ѣдетъ; ѣхалъ-ѣхалъ, вдругъ конь тыць и сталъ. Что такое? Смотритъ козакъ, ограда, а за оградой церковь. «А, слава Богу! Вѣроятно, тутъ же гдѣ-то и слобода». Привязалъ козакъ коня до ограды, а самъ пошелъ искать слободы; искалъ-искалъ, нѣтъ слободы да и только! Хотѣлъ было вернуться до коня, но и тутъ бѣда: слѣдъ потерялъ. «Вотъ когда уже такъ смерть»! Что-жъ теперь-то ужъ дѣлать?.. А дай позову коня». Позвалъ коня, конь заржалъ гдѣ-то вдали. Козакъ пошелъ на голосъ коня и наконецъ кое-какъ добрался до него. «Нѣтъ, теперь я вотъ что сдѣлаю: коня за-

веду подъ колокольню, самъ сяду подъ дверь церкви, закурю люльку и буду сидѣть до утра: хоть грѣхъ, хоть два курить подъ церковью, а вже-же пусть Богъ проститъ: не буду курить,—засну, а засну. замерзну». Вотъ завелъ онъ коня подъ колокольню. самъ сѣлъ спиной къ церковной двери и куритъ люлечку. Сидитъ себѣ и сидитъ, изъ люлечки попыхиваетъ. Вдругъ слышитъ, въ церкви какъ будто что-то сорвалось со стѣны и шарахнулось объ полъ. Такъ по всей церкви и раздался гулъ... Козакъ вздрогнулъ и сталъ прислушиваться... Не слышно ничего: все тихо. «Это, вѣроятно, мнѣ вздремнулось да въ дремотѣ и пригрезился какой-то стукъ». Поправилъ козакъ на головѣ шапку, пощупалъ чупрыну, наложилъ табачку, придавилъ его пальцемъ, накрылъ крышечкой и опять сидитъ и попыхиваетъ люлечку. Но вдругъ чудится ему, какъ будто кто-то ходитъ по церкви... Такъ тихо идетъ, не спѣша: «шамъ-шамъ-шамъ»... «Что же это такое? Нѣтъ, это уже не во-снѣ»... Козакъ вскочилъ съ мѣста и сталъ осматривать церковную дверь. Видитъ, въ двери торчитъ ключъ. «Эге, тутъ что-то неладно!» Тотчасъ же досталъ изъ сапога соломенную «устильку», выкресалъ огню, приложилъ трутъ къ «устилькѣ», помахалъ ею, чтобы зажечь, нѣсколько разъ въ рукѣ, потомъ отворилъ дверь, вошелъ въ церковь, нащупалъ тамъ свѣчу, зажегъ ее и сталъ осматривать церковь. Видитъ, среди церкви стоитъ гробъ, а около гроба на полу лежитъ крышка. Козакъ подошелъ къ гробу, заглянулъ въ него, въ гробу лежитъ мертвецъ, лежитъ такъ, какъ и слѣдуетъ ему лежать. «Значитъ, это не онъ стучитъ; кто-жъ бы это могъ?» Пошелъ козакъ по церкви, заглянулъ въ углы, никого нѣтъ. На одномъ клиросѣ—никого нѣтъ, на другомъ тоже нѣтъ; пошелъ въ алтарь; заглянулъ подъ жертвенникъ, никого нѣтъ; поднялъ одѣяніе на престолѣ, смотритъ подъ престолъ, а тамъ сидитъ какая-то женщина. «Чего ты сюда забралась? А вылазь да скажи, кто ты такая и чего ты вобралась ночью въ церковь?» Вылѣзла та женщина изъ подъ престола да заразъ бухъ въ ноги козаку. Голубчикъ, такой сякой, не губи меня, я все тебѣ разскажу.

Я пришла сюда, чтобы вырвать у мертвеца «кутній» зубъ, бо такимъ зубомъ можно отмыкать замки, доставать изъ земли клады, привертать дивчатъ. Такъ вотъ я украла у попа ключи, пробралась въ церковь, гдѣ стоялъ покойникъ, и уже совсѣмъ было наладилась, чтобы вырвать у него зубъ, какъ тутъ услыхала, будто кто-то идетъ въ церковь, побѣжала въ алтарь и спряталась тамъ подъ престолъ. Теперь, если хочешь, я достану для тебя зубъ, и будешь ты богачемъ на весь міръ: чего хочешь, того и проспшь».—«Богъ съ тобой и съ твоимъ зубомъ! Былъ я сиромой-голякомъ и умру такимъ же, а ты выходи изъ церкви, я тебѣ покажу, какъ заниматься такимъ ремесломъ». Тутъ козакъ выволокъ изъ церкви женщину, изрубилъ ее въ мелкіе куски, бросилъ куски въ снѣгъ, заперъ церковь, самъ сѣлъ на коня и, такъ какъ было уже къ свѣту, скоро нашелъ слободу, гдѣ и разсказалъ о своемъ приключеніи людямъ, а тѣ люди своему поколѣнію, а то поколѣніе намъ, а мы уже вамъ.

Вотъ чѣмъ добываютъ клады изъ земли! Не захотѣлъ козакъ попользоваться, а былъ бы и богатъ и счастливъ. А отчего не попользовался? Боялся, вѣроятно, заклятія; какъ закапывали люди клады, то клали на нихъ огонь, а на огонь баранчика, связаннаго по ногамъ желѣзнымъ дротомъ; жарили того баранчика да й приговаривали: «Вотъ какъ этому баранцю, связанному дротомъ, тяжко та нудно лежать на огнѣ, такъ пусть будетъ тяжко и нудно тому, кто осмѣлится взять изъ-подъ него закопанные гроши».

Послѣ этого мой разсказчикъ умолкъ. Тутъ бричка наша поднялась на небольшой пригорокъ, потомъ скатилась внизъ, и черезъ десять—пятнадцать минутъ мы очутились въ селѣ Николаевкѣ. Передъ нами потянулись вереницы чистенькихъ, выбѣленныхъ хатъ съ ихъ зеленѣющими садиками и высокими, стройными тополями, то тамъ, то сямъ пирамидально поднимающимися кверху. А вотъ, среди села, у самой дороги, показалась и корчма, съ большой бутылкой, привязанной къ палкѣ, воткнутой подъ стрѣху хаты, и съ желѣзной вывѣской, стоящей на соломенной крышѣ, съ изображеніемъ бочки и ухаживающаго

возлѣ нея полупьянаго хохла съ огромнымъ рожкомъ для табаку въ лѣвой рукѣ.

— Пане, а пане! что я вамъ скажу?

— Говори, если что есть.

— Вы не знаете, какъ я страдаю животомъ?

— Нѣтъ, не знаю; но если ты страдаешь животомъ, то ты бы побывалъ у доктора.

— Я былъ у доктора.

— Что же онъ тебѣ сказалъ?

— Да что онъ мнѣ сказалъ? Ты, говоритъ, хлопче, ничѣмъ другимъ не можешь вылѣчиться, какъ горилкою: какъ будешь ѣхать мимо корчмы, такъ и не минай.

— Ну, коли тебѣ такъ докторъ сказалъ, то подвертай къ корчмѣ.

... Уже солнце совсѣмъ склонялось къ горизонту, когда мы оставили корчму и потянулись дальше по направленію къ востоку отъ Николаевки. Лошаденки наши, переступая съ ноги на ногу, едва-едва тащили тяжелую бричку.

— Охъ, пане, пристанутъ наши кони!

— Такъ что же намъ дѣлать?

— Что намъ дѣлать? Съѣдемъ вотъ въ ту балочку, что впереди насъ, отпряжемъ коней да и заночуемъ въ ней.

— И то дѣло.

Скоро мы сползли въ балку, отъѣхали немного въ сторону съ дороги, распрягли коней, пустили ихъ въ степь, а сами расположились подъ бричкой, между колесами, на голой землѣ, подмостивъ лишь подъ головы по клочку душистой степной травы. Ночь была тихая—тихая; изъ-за горизонта выплывала полная и чистая луна, на небѣ мигали и переливались миріады звѣздъ, дикіе степные цвѣты отдѣляли отъ себя пахучіе ароматы и напояли ими прозрачный воздухъ, а вдоль всей балки тянула пріятная, послѣ жаркаго дня, прохлада. Среди ночной тишины только и слышно было, какъ фыркали да пощипывали травку наши лошади. Я долго прислушивался къ этому звуку, потомъ мало-по-малу сталъ забываться и наконецъ заснулъ мирнымъ и безмятежнымъ сномъ...

VIII.

О лѣсахъ въ предѣлахъ запорожскихъ вольностей.

Запорожцы занимали огромное пространство степей, прилежащихъ къ обоимъ берегамъ Днѣпра въ его нижнемъ теченіи между Бугомъ на западной и Калміусомъ на восточной сторонѣ: все это пространство запорожскихъ вольностей носило характеръ степной по преимуществу; лѣса же въ немъ росли только по мѣстамъ низменнымъ, наиболѣе влажнымъ или же наиболѣе суглинистымъ и супесчаным, т. е. по берегамъ рѣкъ, озеръ, лимановъ или рѣчнымъ островамъ и по склонамъ балокъ, овраговъ, пригорковъ; всѣ другія мѣста представляли изъ себя безлѣсную равнину, покрытую въ лѣтнее время травой, въ зимнее замурованную глубокими снѣгами. У запорожскихъ козаковъ различались собственно лѣсъ, потомъ гай, чагарникъ и байракъ: гай—небольшая роща, преимущественно на ровномъ мѣстѣ изъ деревьевъ небольшихъ, легкихъ, скоро зеленѣющихъ; чагарникъ (отъ тюркскаго «чагал»)—мелкій, тернистый кустарникъ, перелѣсокъ, иногда молодиякъ, выросшій вмѣсто срубленнаго; байракъ (отъ тюркскаго корня «баир»—косогоръ)—небольшой лѣсъ, но изъ толстыхъ и тяжелыхъ деревьевъ, преимущественно въ оврагахъ и по склонамъ ихъ. Сколько и въ какимъ именно мѣстахъ росло въ запорожскихъ вольностяхъ лѣсовъ, на этотъ счетъ мы имѣемъ лишь отрывочныя указанія разныхъ писате-

лей прошлыхъ вѣковъ, случайно или намѣренно посѣщавшихъ земли запорожскихъ козаковъ, и только со второй половины XVIII вѣка, послѣ паденія Сичи, начиная съ 1777 года, располагаемъ точными данными, заключающимися въ геометрическихъ специальныхъ планахъ владѣльческихъ земель. Изъ этихъ данныхъ видно, что сѣверовосточная окраина запорожскихъ вольностей, паланки протовчанская, орельская и самарская, теперешній новомосковскій и частію павлоградскій уѣзды, по справедливости считались самыми лѣсистыми паланками всего Запорожья: тутъ лѣсъ тянулся двумя полосами— узкою полосою по лѣвому берегу рѣки Орели [1]), отдѣлявшей границы запорожскихъ владѣній отъ границъ владѣній гетманскихъ, и широкою полосою по обоимъ берегамъ рѣки Самары, составлявшей центръ самарской паланки. Свѣдѣній объ орельскихъ лѣсахъ мы не находимъ ни у Ласоты въ XVI вѣкѣ, ни у Боплана въ первой половинѣ XVII вѣка; о существованіи лѣсовъ на Орели упоминаютъ лишь русскіе послы Тяпкинъ и Зотовъ во второй половинѣ XVII вѣка, и подробныя даютъ указанія геометрическіе специальные планы конца XVIII вѣка. Изъ геометрическихъ плановъ видно, что орельскіе лѣса тянулись почти на протяженіи ста сорока двухъ верстъ, начиная выше того мѣста, гдѣ впадаютъ въ Орель рѣчки Богатыя съ обѣихъ сторонъ ея, по теперешнему отъ села Черноглазовки - Стешиной, павлоградскаго уѣзда, и кончая устьемъ Орели, шириною отъ лѣваго берега въ степь иногда до двѣнадцати верстъ, т. е. въ общемъ до 5,000 десятинъ всего лѣса. Въ настоящее время этотъ лѣсъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ по селамъ, слободамъ, деревнямъ и усадьбамъ павлоградскаго и новомосковскаго уѣздовъ екатеринославской губерніи: въ Черноглазовкѣ, Чернявщинѣ, Шандровкѣ [2]), Татарбрапкѣ и Кирносовкѣ идутъ небольшие перелѣски; ниже начинаются уже настоящіе лѣса; въ Афанасьевкѣ—

---

[1]) Были лѣса и по правому берегу Орели, но они принадлежали гетманскимъ, а не запорожскимъ козакамъ.

[2]) Первыя три села павлоградскаго, а послѣдующія села новомосковскаго уѣзда.

5 десятинъ «дровяного лѣсу»; въ хуторѣ А. А. Гапа—4 десятины лѣсу; въ хуторѣ Давыдовкѣ-Нѣметчинѣ—2 десятины и 1,700 квадратныхъ саженъ; въ селѣ Перещепинѣ—117 десятинъ и 1/10 часть десятины, сверхъ того «2 десятины и 7/10 лѣсныхъ полянъ»; въ деревнѣ Александріи—45 десятинъ и 1,700 квадратахъ саженъ, сверхъ того 165 десятинъ и 120 квадратныхъ саженъ «сѣнокосу съ поросшимъ на немъ лѣсомъ»; въ селѣ Козырщинѣ—125 десятинъ; въ селѣ Лычковомъ—561 десятина и 869 квадратныхъ саженъ; въ селѣ Бузовкѣ—«лѣсу лиственнаго» 120 десятинъ и 200 квадратныхъ саженъ и «лѣсу дровяного» 230 десятинъ; въ деревнѣ Степановкѣ—18 десятинъ [1]); въ селѣ Колпаковкѣ—36 десятинъ; въ мѣстечкѣ Котовкѣ—«дровяного лѣсу» 375 десятинъ и 158 квадратныхъ саженъ; въ деревнѣ Марковой-Горкѣ—154 десятины 1,326 квадратныхъ саженъ; въ хуторѣ Сулимовкѣ—«мѣшаннаго строевого и дровяного лѣсу» 82 десятины и 560 квадратныхъ саженъ; въ хуторахъ Жученка и Хижняка—41 десятина; въ Степановкѣ-Шагаровкѣ—239 десятинъ и 158 квадратныхъ саженъ; въ слободѣ Чернетчинѣ—193 десятины и 9 квадратныхъ саженъ; въ слободѣ Гупаловкѣ—«мелкаго кустарнику» 11 десятинъ и 2,359 квадратныхъ саженъ; въ хуторѣ Житецкомъ—«лѣсу, между коимъ сѣнной покосъ» 130 десятинъ и 1,057 квадратныхъ саженъ; въ слободѣ Михайловкѣ—15 десятинъ; въ хуторѣ Войновкѣ—«лѣсу строевого и дровяного»—22 десятины; хуторѣ Ключниковомъ—25 десятинъ; въ деревнѣ Ненадовкѣ — 60 десятинъ; въ селѣ Бабайковкѣ—400 десятинъ; въ деревнѣ Плавещинѣ—179 десятинъ, которыя въ настоящее время раздѣляются между семью владѣльцами: Е. М. Новохацкой — 67 десятинъ въ трехъ участкахъ, М. Г. Яковца — 31 десятина, М. Г. Степановой и Е. М. Новохацкой совмѣстно 42 десятины, М. Г. Степановой—2 десятины, Л. И. Юрьевой — 17 десятинъ, П. П. Базилевскаго—7 десятинъ, Григорія Лысенка и Глафиры Курдюковой—

[1]) На правомъ берегу Орели къ владѣнію Степановки принадлежитъ 12 д. лѣсу.

30 десятинъ; наконецъ въ слободѣ Шульговкѣ—2,225 десятинъ и 1,150 квадратныхъ саженъ, изъ коихъ въ настоящее время осталось только 130 десятинъ.

Преобладающей породой лѣсной растительности по лѣвому берегу рѣки Орели былъ дубъ, который достигалъ здѣсь довольно значительныхъ размѣровъ; такъ въ мѣстечкѣ Котовкѣ, владѣльца Г. П. Алексѣева, въ урочищѣ Левенцевомъ и господскомъ саду есть дубы, имѣющіе въ окружности по шести аршинъ при корнѣ; а въ деревнѣ Степановкѣ, имѣніи А. Н. Синельникова, годъ тому назадъ срубленъ былъ дубъ, имѣвшій въ окружности 6 аршинъ и 1 вершокъ, въ діаметрѣ 1 аршинъ и 10 вершковъ; послѣднему, по опредѣленію спеціалистовъ лѣсного дѣла, было не менѣе 150 лѣтъ. Кромѣ дуба по Орели росли: берестъ, ясень, кленъ, верба, дикія яблоки и дикія груши.

Къ востоку отъ орельскихъ лѣсовъ, на разстояніи прямою линіей около пятидесяти верстъ, въ томъ же направленіи отъ сѣвера къ югу, тянулись самарскіе лѣса. О существованіи лѣсовъ по рѣкѣ Самарѣ знали Бопланъ [1]), Тяпкинъ и Зотовъ [2]), московскіе ратные люди Иванъ Коломнинъ и товарищи [3]) и секретарь московской иностранныхъ дѣлъ коллегіи Василій Чернявскій въ 1766 году [4]). Самарскіе лѣса начинались по рѣчкѣ Терновкѣ, далѣе шли вдоль береговъ Самары и захватывали нѣкоторые изъ ея притоковъ—Кильчень, Самарчикъ, Волнянку, Волчью, Кочережку, Гнѣздице, Великую Терновку, Малую Терновку, Татарку, Песчанку, Чаплынку и Быкъ; все это пространство до устья рѣки составляло 182 версты, при наибольшой ши-

---

[1]) Описаніе Украйны, Спб., 1832, 18; также карта Украйны Боплана въ Исторіи Малороссіи Маркевича, 1842, Ш.

[2]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, т. II, от. II и III, 573.

[3]) Лѣтопись занятій археографической коммиссіи, Спб. 1861, I, 60—63.

[4]) Мышецкій, Исторія о коз. зап, Одесса, 1852, 80. В. Чернявскій посланъ былъ въ 1760 году къ запорожцамъ для разбора взаимныхъ жалобъ между козаками и татарами.

ринѣ въ 20 верстъ. Самарскіе лѣса по справедливости считались «знатными», запорожскими лѣсами, «несходимыми» и «невидимыми», въ своемъ родѣ «муромскими дебрями.» «Окрестности Самары, говоритъ Бопланъ, замѣчательны чрезвычайнымъ богатствомъ въ лѣсѣ, такъ что едва-ли какое-либо мѣсто можетъ сравниться въ семъ съ окрестностями Самары. Оттуда доставляемъ былъ лѣсъ для построекъ на Кодакѣ [1])». «Вѣдомо да будетъ впредь ходящимъ тѣмъ путемъ (чрезъ рѣку Самару и далѣе), какъ посломъ, такъ и рати царскаго величества, дубровы и прочія дровяныя угодья до того помянутаго стану (ниже Самары) кончились. А отъ того стану даже до Крыму по рѣкамъ и рѣчкамъ и по удоліямъ многіе тальники и терники, гдѣ звѣря и птицъ и рыбы множество есть, и по нуждѣ безъ большихъ простоевъ великимъ ратемъ дровами пронятца мочно. На тѣхъ Овечьихъ-Водахъ и на всѣхъ вершинахъ Конскихъ и Самарскихъ и Орельскихъ, и на степяхъ дубравы суть великія и лѣса, и терники, и тальники и камыши [2]). «Изъ сихъ лѣсовъ, а главнѣйше изъ находящихся по рѣкѣ Самарѣ, запорожскіе козаки не только дома и зимовники свои созидали, но и въ 1756 году, послѣ пожара, который большую часть Сѣчи въ пепелъ обратилъ, главные курени козацкіе, купеческіе и мастеровые дома вновь построили и всегда на согрѣваніе и на прочія свои потребности дрова употребляютъ.» [3])

Самарскіе лѣса состояли изъ деревьевъ самыхъ разнообазныхъ породъ: ясеня, клена, липы, береста, груши, яблони, сосны, терновника, орѣшника, съ преобладаніемъ, однако, какъ и на Орели, дуба; между деревьями лѣса, близъ рѣкъ, были обширные луга, сѣнокосы, озера, болота, покрытые высокими камышами и непроходимою травой; по лугамъ паслись дикія козы, кабаны, туры, въ чемъ убѣждаютъ насъ и въ настоящее время находимые здѣсь турьи рога [4]). То, что сказано было о самарскихъ лѣсахъ

---

[1]) Бопланъ. Описаніе Украйны, Спб. 1832, 18, 19.

[2]) Записки одес., общества исторіи и древ., т. II, от. II, 573.

[3]) В. Чернявскій. Исторія о козакахъ зап. Мышецкаго, 1852, 85.

[4]) Д. И. Эварницкій. Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888 г. I, 236.

250 лѣтъ тому назадъ французскимъ инженеромъ Бопланомъ, почти тоже можно сказать о нихъ и въ настоящее время. Не смотря на варварское обращеніе владѣльцевъ съ самарскими лѣсами, они все же поражаютъ человѣка даже и въ настоящее время и особенной высотой, и особенной толщиной своихъ деревьевъ: въ нихъ и теперь растутъ сосны, имѣющія въ обхватѣ 6, дубы — 9 и вербы — 10 аршинъ. Что же тутъ было въ далекомъ прошломъ? Объ этомъ можно судить по тѣмъ окаменѣлымъ гигантскимъ дубамъ, которые находятся въ разныхъ мѣстахъ на днѣ русла рѣки Самары. Такихъ дубовъ можно видѣть цѣлую сѣть, при пониженіи воды въ рѣкѣ, близъ села Вольнаго. Въ настоящее время самарскій лѣсъ тянется на протяженіи около ста верстъ по обѣимъ сторонамъ рѣки Самары, съ нѣкоторыми, однако, перерывами, начиная отъ того мѣста, гдѣ Самара принимаетъ въ себя рѣку Волчью, на границахъ новомосковскаго и павлоградскаго уѣздовъ, и кончая нѣсколько выше устья ея.

Подвигаясь далѣе отъ Самары къ востоку, находимъ указанія на существованіе «лѣсныхъ чащей и дубравъ» по рѣчкѣ Нижней Терсѣ и «тальниковъ» по рѣчкѣ Соленой, притокахъ рѣки Волчьей [1]), и особенно по самой Волчьей: въ селѣ Мавриномъ, близъ города Павлограда, гдѣ въ настоящее время считается «лѣсу и кустарнику» 40 десятинъ и 190 квадратныхъ саженъ; деревнѣ Осиповой, имѣніи Лацины-Мартыненка, гдѣ считается «лѣсу дровяного» 10 десятинъ, «рогозу и лозы» 187 десятинъ и шелюгу 48 десятинъ [2]); деревнѣ Катериновкѣ, александровскаго уѣзда, имѣніи Н. Н. Мазаракія, въ семи верстахъ отъ помѣщичьей усадьбы, въ урочищѣ Святомъ, 25 десятинъ и ниже того урочища столько же «терновнику, дикихъ грушъ, яблонь, вербъ и отчасти татарскаго клена»; деревнѣ Богодарѣ, имѣніи Ѳ. И. Михеева, при впаденіи рѣчки Ганчула

---

[1]) Ѳеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 523, 538.

[2]) Изъ фамильныхъ плановъ княгини Н. И. Черкаской, владѣлицы Маврина.

въ Волчью, 33 десятины, «татарскаго клена, осинъ, терновника, бузины, дикихъ грушъ и яблонь»; въ томъ же Богадарѣ въ балкѣ Каменоватой «лѣсу четыре верты въ длину»; лѣтъ семьдесятъ тому назадъ въ Каменоватой балкѣ, по словамъ старожиловъ, росъ такой лѣсъ, чрезъ который и «не просунешься», а на самомъ днѣ ея стояли криницы «чистой, какъ серебро, воды»: въ настоящее же время отъ того лѣса ни пня, а отъ криницы и слѣда не осталось; въ мѣстѣ соединенія рѣчки Ганчула съ съ Янчуломъ, по Байковскому оврагу, въ Прасковейской пустоши, и въ трехъ мѣстахъ сельца Косовцова, владѣльца Н. Р. Косовцова, теперь хутора Родзянки, «мелкаго лѣса терновыхъ кустарниковъ 24 десятины и 90 саженъ [1]); въ селѣ Большой-Михайловкѣ или Дибривкѣ «естественнаго лѣса, стараго запорожскаго, дуба 107 десятинъ и 2,000 квадратныхъ саженъ, шелюга 264 десятины 1650 квадратныхъ саженъ, осины, осокоря и пирамидальнаго тополя 17 десятинъ и 1,350 квадратныхъ саженъ, сосны 11 десятинъ и 1,630 квадратныхъ саженъ, шелковицы 2 десятины и 1,500 квадратныхъ саженъ; терну и татарскаго клену 18 десятинъ и 280 квадратныхъ саженъ, всего 424 десятины и 1,060 кв. саж.; кромѣ того вновь насажденнаго 186 десятинъ и 260 кв. саж.» [2]) Самые толстые дубы дибривскаго лѣса имѣютъ сверхъ четырехъ аршинъ въ окружности; по опредѣленію специалистовъ лѣснаго дѣла, старѣйшие изъ дибривскихъ дубовъ имѣютъ по 121 году; въ деревнѣ Евграфовкѣ, имѣніи М. Н. Жебуневой, на той же Волчьей, противъ лѣса Большой-Михайловки, «дуба и терноваго кустарника 13 десятинъ и 1,700 квадратныхъ саженъ» [3]); и здѣсь преобладалъ дубъ, средняя толщина котораго въ окружности два аршина и три четверти; во всемъ александровскомъ уѣздѣ дибривскіе и жебуневскіе лѣса составляютъ единственное богатство уѣзда, если исключить лѣса при самомъ Днѣпрѣ въ томъ же уѣздѣ. Еще восточнѣе шли лѣса

[1]) Владѣльческія бумаги поручика Н. З. Мухортова.

[2]) Свѣдѣнія добыты въ лѣстничествѣ отъ П. Г. Несмѣянова.

[3]) Спеціальный геометрическій планъ 1791 года, въ деревнѣ Евграфоркѣ.

по рѣчкѣ Мокрымъ-Яламъ, гдѣ теперь села Федоровка, Времьевка, Маіорское, Большой-Янисоль, Веселое, Клевцово; тутъ росли: береза, осокорь, дикія яблони, груши, и отсюда прямо на югъ по берегамъ рѣки Калміуса и ея притокамъ, по склонамъ Азовскаго побережья. Склоны Азовскаго побережья и калміусская низменность нѣкогда покрыты были лѣсами, гдѣ находили себѣ убѣжище волки и дикіе кабаны. «И теперь еще на поверхность безлѣснаго прибрежнаго взгорья выступаютъ мѣстами толстые пни вѣковыхъ деревьевъ, преимущественно берестовъ. Мало того, есть очевидныя доказательства, что въ болѣе отдаленныя времена лѣсная растительность распространялась далеко въ глубь уѣзда (маріупольскаго) по рѣчнымъ долинамъ: по рѣчкѣ Западному Кальчику, между селомъ Малымъ-Янисолемъ и колоніей Кирши-вальдомъ встрѣчаются подъ глубокимъ рѣчнымъ наносомъ огромные дубовые стволы» [1]).

Въ западной окраинѣ запорожскихъ вольностей, въ бывшихъ паланкахъ кодацкой, ингульской и буго-гардовской, лѣса шли также по рѣчкамъ и балкамъ; и тутъ, однако, ни Ласота, ни Бопланъ, ни Мышецкій, ни Червявскій, ни Величко не даютъ точныхъ указаній количества десятинъ лѣса и породы его деревъ; по ихъ словамъ, лѣса шли по двумъ рѣчкамъ Сухому и Мокрому Омельникамъ, въ теперешнемъ верхне-днѣпровскомъ уѣздѣ екатеринославской губерніи; здѣсь росъ дровяной дубовый, осиновый, липовый и терновый лѣсъ [2]); въ настоящее время остатки этихъ лѣсовъ едва лишь можно возстановить по разсказамъ старожиловъ: по Омельницкой балкѣ, близъ Плахтіивки, Бутивскому урочищу, близъ Троицкой, и по ярамъ близъ Каменно-Потоцкаго было около 500 десятинъ дубоваго лѣса; по балкамъ и оврагамъ противъ Мишурина-Рога росли также дубовые лѣса—Долгое-Провалье, Лѣщина, Заячій, Кислый, Должикъ, Михайловскій, Голоднивскій, Криничный, Скотоватый, Рядовой, Липовый, Россоховатый, Калужный, Глубокій, Бѣло-

---

[1]) Александровичъ. Краткій обзоръ маріуп. узд., Маріуполь, 1884, 11.
[2]) Экономическія примѣчанія къ верхне-днѣпровскому уѣзду, 42.

усовъ, Косый, Патерловъ, Шестигривенный, Лысый, Дрыщальный и Западный—всего до 250 десятинъ; далѣе лѣса шли по рѣкамъ Домоткани, Самоткани, притокамъ Днѣпра: это были небольшіе участки, называвшіеся у козаковъ байраками; ниже Домоткани до Сухой-Суры шла почти совершенно голая и совершенно безлѣсная степь [1]); затѣмъ по рѣчкѣ Сухой-Сурѣ «лѣсъ дровяной, дубовый, кленовый, липовый и ивовый» [2]); по балкѣ Княжимъ-Байракамъ, падающей въ рѣчку Переволочанскій-Омельникъ, на протяженіи 15 верстъ, особенно въ вершинѣ балки, гдѣ была непроходимая трущоба; по балкѣ Глубокой, падающей въ рѣчку Желтыя-Воды, ниже деревни Камчатки, 11 десятинъ 1,350 кв. саж.; затѣмъ близъ рѣчки Зеленой, въ теперешнемъ селеніи Березовкѣ, имѣніи П. М. Селиванова, бывшемъ Орлая, «250 десятинъ лѣсу дуба, береста и бука»; далѣе по рѣчкамъ Каменочкѣ и Терновкѣ, притокамъ Ингульца, и по самому Ингульцу; къ верховьямъ послѣдняго выходили два знаменитые лѣса Черный и Чута, считавшіеся, какъ надо думать, спорными лѣсами между гетманскими и запорожскими козаками: «По объявленію запорожскихъ старожиловъ попа Максима Колиболотскаго да Алексѣя Вербицкаго, въ Черномъ лѣсѣ прежде сего запорожское войско владѣли Чернымъ лѣсомъ или нѣтъ, о томъ не знаютъ; а была въ прежніе годы отъ кошевого атамана Сѣрка въ ономъ лѣсу пасика; а тому назадъ лѣтъ около 80-ти» [3]); тутъ же былъ и лѣсъ Кругликъ, «о которомъ также не было извѣстно, владѣло-ли имъ войско запорожское или нѣтъ».

Въ настоящее время отъ Чуты и Чернаго лѣса остались слѣдующіе лѣса въ александровскомъ уѣздѣ херсонской губерніи: Цырульниковскій 93 десятины; Хрящеватый 38 десятинъ; Григорашевскій 82 десятины—всѣ три ниже села Вершаца; Чута, 5,978 [4]) десятинъ; Кринечеватскій 97 десятинъ, ниже урочища Старый—

---

[1]) Эрихъ Ласота, Путевыя записки, Одесса, 1873, 54.

[2]) Экономическія примѣчанія къ екатеринославскому уѣзду.

[3]) Мышецкій, Исторія о козакахъ зап., Одесса, 1852, 74.

[4]) Казенной Чуты 3,078 десятинъ, частной 2,900 десятинъ, итого 5,978 десятинъ.

Курень и выше урочища Чернечьяго; Краснокутскій 76 десятинъ, ниже лѣса Чуты и между урочищъ Стѣпковское и Веселый-Кутъ; Черный 7,824 десятины: Кругликъ, Должикъ и Кушнiревъ 210 десятинъ —всѣ три около Чернаго лѣса, между селами Цыбулевомъ и желѣзнодорожной станціей Богдановкой; Коротянскій, Половинка, Хвощевой-Довжко 115 десятинъ—всѣ три около того же Чернаго лѣса, близъ желѣзно-дорожной станціи Знаменки; Больше-Зарудневскій и Мало-Зарудневскій 176 десятинъ—оба близъ желѣзнодорожной станціи Медеровой; Линейцевъ и Объѣздной 45 десятинъ—оба ниже лѣса Мало-Зарудневскаго и села Краснаго-Яра; Бѣшевскій 94 десятины, Нерубай 2,870 десятинъ —оба вдоль границы кіевской и херсонской губерній; Бобошковскій 178 десятинъ, ниже лѣса Нерубая и между селъ Федваремъ и Сентовымъ; Зайцевскій 160 десятинъ, ниже села Сентова; Довжко и Срибковскій 129 десятинъ, Гончаровскій 25 десятинъ и Срубанскій 37 десятинъ— всѣ три ниже села Федваря, и наконецъ Плоскій лѣсъ 450 десятинъ, выше села Елисаветградки [1]). Изъ этихъ лѣсовъ Чута и Черный нѣкогда составляли одинъ сплошной лѣсъ, служили продолженіемъ знаменитаго въ исторіи малороссійскихъ козаковъ Мотронинскаго лѣса кіевской губерніи чигиринскаго уѣзда [2]) и тянулись до теперешней желѣзно-дорожной станціи Знаменки; они пересѣкались лишь двумя рѣчками, Ирклейцемъ, отдѣляющимъ кіевскую губернію отъ херсонской и Ингульцомъ, идущимъ отъ кіевской границы къ правому берегу Днѣпра: въ настоящее время этотъ лѣсъ, послѣ громадныхъ порубокъ, носитъ три названія: Медвѣдовки отъ Мотронинскаго монастыря до рѣчки Ирклейца, Чуты отъ рѣчки Ирклейца до рѣчки Ингульца и Чернаго отъ рѣчки Ингульца до станціи Знаменки [3]).

---

[1]) Свѣдѣнія добыты въ лѣсничествѣ города Александріи отъ Д. И. Крутова.

[2]) Здѣсь стоялъ Мотронинскій монастырь, гдѣ съ 1753 по 1766 годъ былъ архимандритомъ Мелхедисекъ Значко-Яворскій, святившій ножи гайдамакамъ на брань противъ ляховъ и жидовъ.

[3]) Свѣдѣнія сообщены священникомъ города Александріи, отцемъ Василіемъ Никифоровымъ.

Черный лѣсъ и Чута состоитъ изъ дуба, клена, береста, осины, орѣшника и др.; въ немъ водятся волки, лисицы зайцы, дикіе кабаны, дикія козы и множество разнаго рода птицъ; въ исторіи запорожскихъ козаковъ Черный и Чута-лѣсъ игралъ ту важную роль, что въ немъ часто скрывались запорожцы отъ преслѣдованія татаръ, турокъ и поляковъ; тутъ же находили себѣ пристанище православные монахи отъ притѣсненія католиковъ и страшные гайдамаки, поднимавшіе оружіе противъ польскихъ пановъ на защиту своихъ человѣческихъ правъ; гайдамаки особенно любили Черный и Чуту-лѣсъ; у козаковъ XVIII вѣка сложилось даже особое выраженіе «утикъ до Чорного лису»—значитъ сдѣлался гайдамакою. Неудивительно поэтому, почему на счетъ Черного и Чуты-лѣса ходитъ и въ настоящее время такое множество разнаго рода преданій о вырытыхъ въ немъ погребахъ, скрытыхъ скопищахъ кладовъ, страшныхъ голосахъ, слышимыхъ въ лѣсу и т. п.

Далѣе, лѣса шли по притоку Ингульца, Саксагани и по балкамъ, впадающимъ въ него; такъ въ Дубовой Балкѣ или Запорожскомъ ущельѣ, имѣніи А. Н. Поля, и теперь уцѣлѣли столѣтніе дубы, имѣющіе въ окружности до шести аршинъ и растущіе между громадныхъ скалъ по обоимъ склонамъ балки на протяженіи двѣнадцати десятинъ; кромѣ того по берегу самой рѣки Саксагани, противъ Дубовой Балки, имѣется «лѣсу и кустарниковъ» двѣнадцать десятинъ. Ниже Саксагани по Бешкѣ — «лѣсу достаточно», — Аджамкѣ — «лоза и терны», Ингулу, Сугаклеѣ, Сугаглейчику, Мертвоводу, — въ послѣдней, впрочемъ, весьма немного: «дровъ здѣсь претрудно» [1]). Далѣе лѣса по Чечаклеѣ и Громоклеѣ: «по рѣкѣ Аргамаклы (т. е. Громоклеѣ) есть нѣсколько лѣса, годнаго для строенія; главный—осокорь, ясень, таволга, липнякъ, илимъ или берестъ, кленъ, ветла, ивнякъ, вязникъ, цвѣдина, а также груши, яблони, хмель, шиповникъ и немало терновнику, мелкій дубнякъ, по все

[1]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, III, 578.

изрѣдка»[1]). Въ настояще время, близъ впаденія рѣчки Громоклеи въ рѣку Ингулъ, у деревни Полковничьей или Воеводской херсонскаго уѣзда, есть лѣсъ, состоящій изъ 400 десятинъ, извѣстный еще съ 1740 года, когда заключенъ былъ «пограничный инструментъ» между Россіей и Турціей, и занесенный въ 1770 году на карту Риччи-Заннони подъ названіемъ Соколиной дубравы. Затѣмъ, между Кагарлыкомъ и Терновой росъ какой-то лѣсъ, называвшійся Наумовымъ[2]), и наконецъ по Бугу у Песчанаго брода «терновники и чащники малые»[3]), въ урочищѣ Виноградная-Криница «строевой лѣсъ»[4]), по Семенову-Рогу «терны»[5]), на островѣ Андреевомъ и «не далѣе полумили отъ Кременцова острова «строевой лѣсъ»[6]). Вообще говоря, западная окраина запорожскихъ вольностей менѣе была богата лѣсами, чѣмъ восточная, по крайней мѣрѣ, если исключить Черный и Чуту-лѣсъ, какъ кажется, непринадлежавшіе de jure запорожскимъ козакамъ. «Отъ сѣвера къ устью рѣки Буга лѣсовъ довольныхъ нѣтъ, только по балкамъ мѣстами растутъ яблони, груши, шиповникъ, хмель, виноградъ, крысберсень, вишня, ивнякъ, осокорь, боярышникъ, гордина, а болѣе всего терновникъ, все рѣдкими кустарниками»[7]).

Кромѣ лѣсовъ, росшихъ по степнымъ рѣчкамъ, балкамъ и оврагамъ, были, разумѣется, лѣса и по берегамъ самаго Днѣпра, также какъ и по островамъ и балкамъ, въ него впадающимъ, начиная сверху внизъ по теченію рѣки, отъ границъ запорожскимъ вольностей. Однако, перечислить всѣ лѣсныя мѣста Днѣпра нѣтъ возможности, и потому надлежитъ упомянуть лишь о значительныхъ лѣсахъ Днѣпра. Таковы: лѣсъ Шопиновскій, выше селе-

---

[1]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 186.

[2]) С. И. Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 75

[3]) Д. И. Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ для ист. зап. коз., Спб., 1888, 75.

[4]) Бопланъ, Описаніе Украины, Спб. 1832, 30.

[5]) Сементовскій, Запорожская рукопись о кладахъ, Кіевъ, 1857, 14.

[6]) Бопланъ, Описаніе Украины, Спб., 1832, 31.

[7]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 186.

нія Шопиновки, верхне-днѣпровскаго уѣзда, 200 десятинъ: лѣсъ Сомовка, по теченію рѣки Сомовки, противъ села Каменки новомосковскаго уѣзда, у лѣваго берега Днѣпра, 550 десятинъ: лѣсъ Орловъ по балкѣ Орловой, тамъ же 154 и три десятыхъ десятины, лѣсъ Чернетчино, тамъ же, 265 и двѣ десятыхъ десятины, всего 969 десятинъ и 236 квадратныхъ саженъ; тутъ же, противъ Брянцевскаго завода, на островахъ Подмежевномъ—102 десятины и 2140 квадр. саженъ; Спорномъ—118 десятинъ и 30 саженъ, Свинячьемъ—117 десятинъ и 530 квадр. саженъ, Муравомъ—59 десятинъ и 320 квадр. саженъ; лѣсъ по рѣчкѣ Половицѣ, на которой стояла запорожская слобода Половица [1]), теперь губернскій городъ Екатеринославъ, гдѣ въ настоящее время стоятъ сады Волоцкаго, Техническій и Городской, чему доказательствомъ служатъ столѣтніе дубы, вязы, груши и тополи екатеринославскихъ садовъ; на острову Монастырскомъ, гдѣ преобладалъ дубъ, остатки котораго сохранились и въ настоящее время; на островахъ Конскомъ [2]), Становомъ, Яцевомъ и рѣчкѣ Татаркѣ, падающей въ Днѣпръ съ лѣвой стороны ниже Кодацкаго порога—120 десятинъ «мелкаго и дровяного лѣсу» [3]); на острову Демекѣ—груши, яблони—«черное дерево и родючее» [4]); по всему возвышенному берегу Днѣпра отъ Новаго-Кодака и до Стараго-Кодака «большіе лѣса и чагарники, а между ними поляны сѣнокоса» [5]); по оврагу, впадающему въ вершину рѣчки Суры, праваго притока Днѣпра, до 4 десятинъ лѣса: здѣсь стояли запорожскій зимовникъ и пасѣка, отъ коихъ и въ настоящее время сохранились слѣды и подземные ходы, можетъ быть, погреба для пчелъ [6]); по балкамъ Лоханской—90 десятинъ и 280 квадратныхъ саженъ; сорокъ лѣтъ тому назадъ лѣсъ въ балкѣ Лоханской представлялъ изъ себя настоящую

---

[1]) Планъ города Екатеринослава 1786 года А. П. Струкова.

[2]) Бопланъ, Описаніе Украйны, Спб., 1832, 18.

[3]) Изъ фамильныхъ бумагъ генералъ-маіора А. Н. Синельникова.

[4]) Екатеринославскій юбилейный листокъ, 1887, 17 мая, 170.

[5]) Н. Коржъ, Сочиненія Гавріила, архіеп. тверс. и кашин., Москва, 1854.

[6]) Изъ бумагъ А. Н. Поля, владѣльца Любомировки, верхнедн. уѣзда.

чащу, гдѣ стояли дубы до двухъ аршинъ въ діаметрѣ при корнѣ: тутъ росли дубъ, липа, кленъ, берестъ, осина, черноклёнъ, серебристый тополь, калина, дикія вишни, глодъ, жостеръ, бузина, барбарисъ и др.; по балкѣ Большой Стрѣльчьей—24 десятины, по лѣвому берегу Днѣпра, въ урочищѣ Дубровѣ—93 десятины и 440 квадратныхъ саженъ, въ урочищѣ Кучугурахъ у устья рѣчки Вороной—3 десятины и 660 квадратныхъ саженъ [1]): далѣе по балкѣ Тягинской, у праваго берега Днѣпра, въ теперешнемъ селѣ Васильевкѣ, противъ Ненасытецкаго порога—135 десятинъ «мелкаго лѣсу» и въ деревнѣ Алексѣевкѣ, противъ того же порога, 92 десятины «лѣсу дровяного и мелкаго» [2]); по рѣчкѣ Осокоровкѣ, впадающей въ Днѣпръ съ лѣвой стороны ниже Ненасытецкаго порога, на острову Дубовомъ —120 десятинъ дубоваго строеваго лѣса; по балкамъ лѣваго берега Днѣпра—Россошкамъ, Диденковой и Балчанской, между Дубовымъ островомъ и Волниговскимъ порогомъ; здѣсь, особенно въ балкѣ Россошкахъ, сохранились отъ старыхъ дубовъ пни сверхъ шести аршинъ въ окружности; по правому берегу Днѣпра, на протяженіи около десяти верстъ, отъ верхняго конца острова Дубоваго внизъ, гдѣ въ настоящее время одни ничтожные намеки на нѣкогда существовавшій лѣсъ; по балкѣ Орловой лѣваго берега Днѣпра, около тридцати десятинъ дубоваго строеваго лѣса [3]): на островѣ Таволжанкѣ, «гдѣ растетъ во множествѣ тавала» [4]); на островѣ Большомъ-Дубовомъ, ниже послѣдняго, Вильнаго, порога; онъ заключаетъ въ себѣ до пятнадцати десятинъ земли и весь покрытъ большимъ строевымъ дубовымъ лѣсомъ; въ урочищѣ Сагайдачномъ, на лѣвомъ берегу Днѣпра, между попелищемъ Сагайдака и скелями Середней и Дурной: здѣсь считалось до пятидесяти десятинъ превосходнаго дубоваго лѣса, въ настоящее время уже почти совершенно истребленнаго; на островѣ Маломъ-Дубовомъ въ Новомъ Днѣпрѣ противъ острова Хортицы,

[1]) Изъ бумагъ А. М. Миклашевскаго, владѣльца деревни Вороной.
[2]) Геометрическій спеціальный планъ 1779 года.
[3]) Изъ владѣльческихъ бумагъ села Свистунова-Петровскаго.
[4]) Бопланъ. Описаніе Украйны, Спб. 1832, 23.

и Большомъ-Дубовомъ, тамъ-же, ниже поперечныхъ траншей на островѣ Хортицѣ: Большой-Дубовый островъ имѣлъ длины одну версту и двѣсти-сорокъ саженъ, ширины сто-шестьдесятъ саженъ, и весь покрытъ былъ дубовымъ лѣсомъ [1]); на островѣ Хортицѣ, именно въ средней и нижней части его; о существованіи на островѣ Хортицѣ лѣса зналъ еще греческій императоръ Константинъ Багрянородный (905—959): разсказывая о плаваніи древнихъ руссовъ по Днѣпру, онъ говоритъ, что, спустившись ниже пороговъ, они приставали къ острову св. Григорія, теперешней Хортицѣ, и тутъ совершали свои жертвоприношенія: на немъ стоялъ огромной величины дубъ—ἐκεῖσε ἵσταθον παμμεγέθη δρῦν—,у котораго и собирались руссы; видимо, это—тотъ самый дубъ, который стоялъ въ ста-пятидесяти саженяхъ отъ Острово-Хортицкой колоніи, на югъ, у самой дороги, идущей чрезъ островъ въ длину; онъ имѣлъ въ окружности при корнѣ до трехъ саженъ и въ 1876 году былъ срубленъ нѣмцами-колонистами, вслѣдствіе того, что усохъ; у запорожскихъ козаковъ онъ считался «святымъ дубомъ»: подъ его священною сѣнью они собирались на шумныя рады и подъ его же могучими и многовѣковыми вѣтвями лили горькія слезы, прощаясь въ послѣдній разъ, въ 1775 году, послѣ «троицкаго свята», съ свою «Матерью-Сичею» и расходясь въ далекіе края «доживать вику—хто на Динъ, хто на Дунай, а хто до ридной осели».

Ниже острова Хортицы по лѣвому берегу Днѣпра начинался знаменитый у запорожскихъ козаковъ Великій-Лугъ, т. е. громадный вѣковой лѣсъ, раскинувшійся по береговой днѣпровской низинѣ, изрѣзанной въ разныхъ направленіяхъ рѣками, рѣчками, лиманами, ериками, озерами и покрытой непроходимой болотной травой и высокими камышами, на протяженіи семидесяти верстъ въ длину при двадцати пяти верстахъ наибольшей въ ширину; вначалѣ, отъ рѣчки Мокрой-Московки въ Великомъ-Лугу преобладалъ дубъ, далѣе дубъ смѣнялся лѣсною растительностію мягкой породы, какова: верба, осокорь, шелковица, лоза и т. п.

[1]) Такъ показано на геометрическомъ спеціальномъ планѣ 1779 года.

Есть основаніе думать, что въ теперешней плавнѣ отъ Александровска внизъ по лѣвому берегу Днѣпра, или въ запорожскомъ Великомъ Лугѣ, кроется знаменитая Гилея Геродота; иначе говоря, въ Гилеѣ Геродота нужно видѣть вообще всѣ плавни лѣваго берега Днѣпра, начиная отъ теперешняго города Алешекъ, таврической губерніи, днѣпровскаго уѣзда, и кончая Великимъ-Лугомъ у города Александровска, екатеринославской губерніи. Въ самомъ дѣлѣ: во-первыхъ, тому доказательствомъ служитъ положеніе мѣстности, почва и характеръ лѣса: лѣсъ у города Алешекъ и лѣсъ у города Александровска идетъ по одному и томуже лѣвому берегу Днѣпра, растетъ на одной и тойже песчаной съ древесными и травяными отложеніями почвѣ и представляетъ изъ себя одну и туже мягкой породы лѣсную растительность; во-вторыхъ, только допустивъ конецъ Гилеи близъ города Александровска, т. е. противъ острова Хортицы, можно указать и мѣсто называемой Геродотомъ Змѣиной пещеры—въ сѣверо-западной оконечности Хортицы, тогда какъ, ограничивъ Гилею окрестностями Алешекъ, мы тщетно будемъ искать въ Гилеѣ Змѣиной пещеры: на всемъ протяженіи лѣваго берега Днѣпра до самой Хортицы нѣтъ ни одной пещеры, да нѣтъ и такого возвышеннаго скалистаго мѣста, гдѣ бы могла быть какая бы то ни было пещера; въ-третьихъ, если Геродотъ поднимался по Днѣпру до пороговъ, въ чемъ, кажется, сомнѣваться нельзя, то онъ не могъ не обратить вниманія и не отмѣтить потомъ въ своей исторіи присутствія громаднѣйшаго лѣса у лѣваго берега Днѣпра, ниже острова Хортицы и около него, того лѣса, который впослѣдствіи у запорожскихъ козаковъ назывался Великимъ-Лугомъ и въ которомъ они, какъ въ наши дни раскольники въ муромскихъ лѣсахъ, находили себѣ надежнѣйшій и вполнѣ безопасный пріютъ отъ окружавшихъ ихъ враговъ—поляковъ, татаръ, турокъ, а отчасти и русскихъ: «Сичъ-Мате, а Великій-Лугъ батько!»...

Въ соотвѣтствіе Великому-Лугу на лѣвомъ берегу шли лѣса и на правомъ: ниже рѣчки Нижней-Хортицы, гдѣ въ 1784 году была деревня Разумовка, считалось, «мелкого дровяного лѣсу»

129 десятинъ и 489 квадр. саженъ; на островахъ Каневскомъ, Крутоярскомъ и Наливачѣ «разнаго рода дровяной и мѣлкій лѣсъ, и частію фруктовыя деревья, яблоки и груши, а всего лѣсу въ деревнѣ Бѣленькой 508 десятинъ»; близь рѣчки Бѣленькой, по правому берегу рѣки Днѣпра, гдѣ «обрывистый и мѣстами крутой и отлогій косогоръ, а далѣе овраги называются Заломы, внизу косогора по Заломамъ разнаго рода дровяной и мелкой лѣсъ, частію рѣдко фруктовыя деревья, яблони и груши»; по балкѣ Червонной съ ея боковой Дубовой, 2400 квадратныхъ саженъ рѣдкій лѣсъ—груши, берестъ, дикая яблонь; далѣе по всему правому берегу Днѣпра, особенно при впаденіи въ него рѣчки Бѣленькой, вѣтокъ Тараса и Ненажоры «лѣсу лиственнаго по болоту» 447 десятинъ и нѣсколько вдали отъ Днѣпра, на островѣ Томаковкѣ, гдѣ была Томаковская Сѣчь: «островъ Томаковка, по свидѣтельству Боплана, весь былъ покрытъ лѣсомъ» [1]; потомъ отъ перваго соединенія вѣтки Подпильной съ Днѣпромъ у Никитина-Рога и далѣе по-надъ правымъ берегомъ Днѣпра до впаденія въ него рѣки Базавлука, что составляетъ около сорока пяти верстъ, слѣдуя по теченію рѣки, при двадцати-пяти верстахъ наибольшей ширины: тутъ въ одной экономіи села Покровскаго и деревни Капуливки считается въ настоящее время до 26 тысячъ десятинъ плавенъ, покрытыхъ непроходимымъ лѣсомъ, исключительно, однако, мягкой пороры: осокоремъ, вербой, шелковицей, лозой и только изрѣдка, на возвышенныхъ мѣстахъ, дикими столѣтними грушами; ниже Базавлука лѣса шли по острову Каиру, гдѣ въ 1786 году считалось 1,500 десятинъ лѣса [2], по рѣчкѣ Бургункѣ и вѣткѣ Дремайловкѣ, падающихъ въ Днѣпръ съ правой стороны [3]; по лѣвому берегу Днѣпра, между Конкой, и далѣе, гдѣ въ настоящее время стоитъ городъ Алешки; здѣсь-то и начиналась знаменитая Гилея Геродота: «Съ переходомъ черезъ Борисоенесъ вступаемъ въ ближайшую

---

[1]) Бопланъ, Описаніе Украйны, Спб., 1832, 25.

[2]) Екатеринославскія губернскія вѣдомости, 1889, № 40, 266.

[3]) Карта Украйны Боплана въ Исторіи Малороссіи Маркевича, III.

отъ моря землю Гилею... что подлѣ Ахиллова бѣга [1]), изобилующую всевозможнымъ лѣсомъ» [2]). Слово «Гилея» происходитъ отъ греческаго слова—ὕλη—лѣсъ и означаетъ собой лѣсное пространство, извѣстную лѣсную мѣстность. За начало этого лѣснаго пространства нужно принять окрестность названнаго города Алешекъ, въ чемъ убѣждаютъ насъ какъ самое названіе города, такъ и общія соображенія. Алешки, или древне-русское Олешье, есть коренное славянское слово, происходящее или отъ слова «лѣсъ» и означающее собой «мѣсто подлѣсное», «мѣсто около лѣса»; или же отъ слова «ольха», «елоха», означавшаго въ старинномъ топографическомъ языкѣ болото, водяное, поёмное мѣсто, покрытое кустарникомъ, именно лѣсьемъ [3]), то, что теперь приднѣпровскіе жители разумѣютъ подъ словомъ плавни. «Нынѣ лѣвый низменный берегъ Днѣпра, говоритъ Ѳ. К. Брунъ, на протяженіи около 20 верстъ вокругъ Алешекъ, опутывается нерѣдко болѣе или менѣе густыми кустами лѣсной растительности: дубами, осиной, лозникомъ, а преимущественно ольхой и березой. Безъ сомнѣнія эти лѣски были настоящими лѣсами въ древности, когда масса водъ въ колоссальномъ бассейнѣ была несравненно обильнѣе, а потому и сила произябанія береговаго края гораздо могущественнѣе, особенно на луговой сторонѣ рѣки. По мѣрѣ уменьшенія этой силы, разныя породы деревьевъ, нѣкогда здѣсь встрѣчавшіяся, легко могли вывестись, а это тѣмъ скорѣе, что климатъ нашихъ степей подвергся измѣненіямъ еще болѣе ощутительнымъ, чѣмъ перемѣна, происходившая въ ихъ отношеніяхъ гидрографическихъ. Гилея могла представлять въ древности взорамъ путешественниковъ, кромѣ древесныхъ породъ, еще и нынѣ тамъ попадающихся, и другія породы, въ настоящее время, быть можетъ, уже совершенно чуждыя этой мѣстности. Къ таковымъ породамъ могли принадлежать европейскія породы хвойныхъ деревьевъ, какъ напримѣръ, ель или сосна, поелику онѣ тре-

[1]) Ахилловъ бѣгъ, какъ думаютъ, соотвѣтствуетъ Тендерской косѣ.

[2]) Геродотъ, въ переводѣ Ѳ. Г. Мищенка, Москва, 1885, I, 305 и 331.

[3]) И. Е. Забѣлинъ, Исторія русской жизни, Москва, 1876, 16.

*

буютъ почвы песчаной, а таковою именно отличаются окрестности Алешекъ [1]). Къ физическимъ причинамъ, измѣнившимъ видъ Гилеи, нужно прибавить то, что она въ теченіе столь многихъ вѣковъ подвержена была разрушительному вліянію народовъ, и не одних только ногайцевъ, какъ полагаетъ баронъ Тоттъ, который въ проѣздѣ своемъ чрезъ эту мѣстность, узналъ отъ туземцевъ, что она нѣкогда была покрыта густымъ лѣсомъ. Такъ какъ остатки сего лѣса тому назадъ болѣе ста лѣтъ, безъ сомнѣнія, были значительнѣе, чѣмъ теперь, то и легко объясняется, почему турки могли сказать, что запорожцы, которые послѣ сраженія при Полтавѣ, искали убѣжища въ Алешкахъ, поселись въ «лѣсѣ братьевъ». Въ среднихъ вѣкахъ лѣсъ этотъ долженъ былъ занимать еще болѣе пространства и поэтому могъ соотвѣтствовать тому, въ которомъ переночевалъ бургундскій рыцарь Гилльбергъ де-Ланнуа въ своемъ путешествіи изъ Монкастро въ Кафу въ 1421 году. Лѣсъ не могъ не обратить на себя вниманія современныхъ рыцарю итальянскихъ промышленниковъ, посѣщавшихъ Черное море и образовавшихъ рядъ поселеній па берегахъ его, равно какъ и при нижнемъ Днѣпрѣ, столь важномъ съ давнихъ поръ, по рыбной ловлѣ, которая въ немъ производилась» [2]). «Есть поводъ думать, замѣчаетъ Д. И. Иловайскій, что европейская Скиѳія въ древнія времена не была такою почти безлѣсною степью, какъ въ наше время, а потому и не страдала такимъ недостаткомъ влаги, какъ теперь. Глубокія балки, въ настоящее время сухія, когда-то были прорыты водными потоками и служили ложбинами для многочисленныхъ рѣчекъ и ручьевъ. Хотя Геродотъ указалъ на величественныя рѣки и недостатокъ лѣса, какъ на отличительныя черты Скиѳіи, однако онъ упоминаетъ о лѣсистой ея части, которая называлась Гилея и лежала, по его словамъ, къ востоку отъ Днѣпра, на разстояніи трехъ или

---

[1]) Вѣроятность этого предположенія подтверждается между прочимъ и тѣмъ, что у Стефана Византійскаго Гилея называется словомъ Ἀβική, что значитъ «страна елей»: «abies» съ латинскаго на русскій значитъ «ель».

[2]) Ѳ. К. Брунъ, О позднѣйшихъ названіяхъ древней Гилеи. Записки одес. общества исторіи и древностей, IV, 235—239.

четырехъ дней пути отъ его устья. Эта лѣсистая и довольно холмистая полоса, повидимому, простиралась отъ нижняго теченія Днѣпра почти до береговъ Азовскаго моря. Остатки лѣсовъ, разсѣянные по холмамъ, видѣлъ еще въ XIII вѣкѣ латинскій монахъ Рубруквисъ на пути своемъ въ Татарію. Іосафатъ Барбаро, итальянскій путешественникъ XV вѣка, говоритъ о значительныхъ лѣсахъ на нижнемъ теченіи Дона и Волги и вообще въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ представляется голая степь. Очевидно, густые лѣса средней Россіи въ древности простирались на югъ гораздо дальше, чѣмъ въ наше время, и посылали отъ себя отдѣльныя группы до самыхъ береговъ Понтійскихъ и Каспійскихъ» [1]).

Но какъ бы далеко ни простиралась Гилея, каковы бы ни были породы ея деревьевъ, во всякомъ случаѣ можно сказать, что въ ней росли громадныя деревья: о величинѣ ихъ можно судить по тѣмъ окаменѣлымъ дубамъ, которые находятся теперь въ Великомъ-Лугу: дубы эти свидѣтельствуютъ, что настоящіе днѣпровскіе лѣса только ничтожная пародія тѣхъ исполиновъ-лѣсовъ, которые нѣкогда своей могучею головой осѣняли широкій Днѣпръ [2]). Наконецъ, ниже Гилеи шли лѣса въ мѣстности около Кинбурна и на островахъ днѣпровскихъ гирлъ, но здѣсь была исключительно мягкая порода деревьевъ: «лознякъ березовый, ольха, яблони, дикія груши, пвнякъ, верба, а всего болѣе тернъ и все изрѣдка кустами, самый мелкій, а на островахъ камыши и мелкая ольха, между песками и около озеръ тростникъ, въ берегахъ около острововъ много земляныхъ орѣховъ» [3]). «На островахъ, что въ Гирлахъ, довольно ольхи, березы, лознику, вербы, терну, но все мелкіе» [4]).

Изъ общаго обзора лѣсовъ въ запорожскихъ вольностяхъ

---

[1]) Д. И. Иловайскій. Розысканія о началѣ Руси, Москва, 1876, 4, 6, 7.

[2]) Таковы колоссальнѣйшіе дубы, которые вытащены были лѣтъ шесть тому назадъ въ Великомъ-Лугу, противъ села Балабина-Петровскаго, имѣнія графа В. И. Канкрина.

[3]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 170.

[4]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 186.

слѣдуетъ прямой выводъ тотъ, что земли, доставшіяся запорожскимъ козакамъ, носили характеръ по преимуществу степной: на 200 тысячахъ квадратныхъ верстъ степей лѣса представлялись только оазисами и то въ низменныхъ и влажныхъ мѣстахъ—балкахъ, оврагахъ, берегахъ рѣкъ и островахъ. Впрочемъ, нельзя умолчать о томъ, что во время запорожцевъ лѣсовъ было больше, чѣмъ теперь, и въ началѣ историческаго существованія козаковъ больше, чѣмъ въ концѣ; причинами этого были чисто случайныя явленія: пожары, истребленіе татарами, польскими и русскими войсками, во время большихъ походовъ на югъ. «Оттого, что боръ нѣсколько кратъ горѣлъ, а наипаче отъ татарскаго въономъ зимованія и безъ разбору порубленія, всѣ знатные лѣса гораздо рѣдки стали. Во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ — на Самарѣ, Конкѣ и Калміусѣ—лѣса крайне разорены не только огрѣваніемъ отъ строгости зимы, кормленіемъ скота, порубленными верхушками и вѣтвями деревъ, употребленіемъ на постройку для скота загородовъ и вывозомъ въ свои аулы немалаго числа лѣсу, не обходя и садовыя деревья; но и насильнымъ забраніемъ при нѣсколькихъ зимовникахъ заготовленныхъ на строеніе колодъ, брусьевъ и досокъ, которые они въ свои степные аулы, подъ прикрытіемъ татаръ, привозили. Сіи дикіе и голодные народы... около зимовниковъ и на лугахъ выбиваютъ травы и истравляютъ сѣно, разоряютъ молодой лѣсъ... чрезъ всю зиму крадутъ и грабятъ все, что только могутъ... заготовленный къ строенію лѣсъ, не щадя и садовыхъ деревьевъ. Одинъ изъ мурзъ, прошедшею весною, забравъ найденный при нѣкоторыхъ зимовникахъ заготовленный на строеніе лѣсъ, на сорока возахъ, съ пятьюдесятью вооруженныхъ татаръ самъ до своихъ ауловъ проводилъ, отбивая козаковъ, въ провозѣ препятствовать хотящихъ» [1]). Не мало истребили лѣса и первые поселенцы, явившіеся въ новороссійскомъ краѣ послѣ паденія Запорожья, особенно при постройкахъ такихъ городовъ, какъ Ека-

[1]) В. Чернявскій, Исторія о козакахъ запорожскихъ Мышецкаго, Одесса, 1852, 84, 85, 89, 90.

теринославъ, Херсонъ, Николаевъ, Одесса, Никополь, Алешки, и др. Сами помѣщики, получившіе послѣ изгнанія запорожцевъ земли въ Новороссіи, частію даромъ, частію за ничтожную плату казнѣ, также много извели лѣсовъ или вслѣдствіе неправильнаго веденія хозяйства или же вслѣдствіе дробленія большихъ лѣсныхъ участковъ на малые, достававшихся нѣсколькимъ лицамъ сразу [1]. Сверхъ того не нужно забывать и того, что мѣстами степными часто называются такія, въ которыхъ лѣса немного менѣе по количеству всей земли, чѣмъ въ губерніяхъ, называемыхъ нестепными.

Относительно флоры лѣсной въ странѣ запорожскихъ вольностей нужно сказать, что здѣсь росли почти всѣ тѣ породы деревьевъ, которыя свойственны Сѣверной Америкѣ, что происходитъ, быть можетъ, отъ сходства климата той и другой страны: суровая зима, палящее лѣто, вѣтреная и непостоянная погода обусловливали и произрастаніе извѣстныхъ видовъ древесной растительности, изъ коихъ господствующими здѣсь были: липа, кленъ, грабъ, вязъ, дубъ, берестъ, иначе илимъ, ясень, верба, осокорь, шелковица, яблонь, груша, вишня, дули, калина, ива, ольха, береза, сосна, орѣшникъ, черноменъ, тополь серебристый, глодъ, боярышникъ, кизилъ, кожевенное дерево, желтинникъ, крушина, жостеръ, таволга (sipiraca crenota), бузина, лоза, яворъ (чинаръ, нѣмецкій кленъ, ложноклепъ), барбарисъ, гордовое дерево (viburnum lantana), жежевика, дикій чай, шалфей, персикъ, бружмель, толокнянка, пищальникъ и другія [2].

---

[1]) Струковъ, О новороссійскихъ лѣсахъ. Ж. М. Г. И., 1853, февраль, 167, 169, 170.

[2]) С. И. Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 78; Н. К. Средиискій, Матеріалы для флоры новороссійскаго края, Одесса, 1872.

IX.

Илья Муромецъ въ пересказѣ малороссійскаго слѣпца.

Около полугода тому назадъ, въ разговорѣ съ извѣстнымъ славистомъ профессоромъ О. Ѳ. Миллеромъ, я случайно сообщилъ ему о томъ, что въ одну изъ своихъ поѣздокъ по Малороссіи мнѣ удалось слышать былину объ Ильѣ Муромцѣ изъ устъ слѣпца-разсказчика. Профессоръ Миллеръ былъ немало удивленъ моимъ сообщеніемъ и не замедлилъ передать объ этомъ профессору-академику А. Н. Веселовскому. Въ свою очередь, и профессоръ Веселовскій пріятно удивился слышанному и просилъ меня лично, а потомъ и письменно, напечатать записанную мной былину цѣликомъ по-малороссійски въ одномъ изъ столичныхъ журналовъ или газетныхъ органовъ. Я далъ обѣщаніе удовлетворить желаніямъ почтенныхъ ученыхъ и въ настоящее время исполняю желанную просьбу. Былина объ Ильѣ Муромцѣ передана мнѣ въ формѣ сказки; записана она въ екатеринославской губерніи, александровскаго уѣзда, въ деревнѣ Богодарѣ, имѣніи Ѳ. И. Михеева, отъ крестьянина Ѳомы Проворы—слѣпца отъ рожденія; въ настоящее время ему сверхъ 50 лѣтъ; онъ отлично играетъ на «сопилци», превосходно поетъ пѣсни и мастерски разсказываетъ сказки, преданія. Память у него положительно феноменальная; голову Ѳомы Проворы можно сравнить съ безконечнымъ лабиринтомъ: онъ можетъ разсказывать каждый день

въ теченіе цѣлаго года и всякій разъ непремѣнно что-нибудь новое; повтореній не терпитъ: съ большимъ трудомъ можно заставить его повторить какой-нибудь разсказъ: «Це вже я казавъ; я лучче шо-небудь друге прокажу»—обыкновенно отвѣчаетъ Ѳома въ подобныхъ случаяхъ. Сказку объ Ильѣ Муромцѣ онъ слышалъ отъ своего отца, а отецъ—отъ дѣда. И тотъ и другой были люди неграмотные, и, стало быть, усвоили ее не книжнымъ путемъ, а путемъ пересказа. Сказка эта важна въ виду сложившагося въ наукѣ убѣжденія, что наши былины, не смотря на ихъ видимую южно-русскую обстановку—Кіевъ, князь Владиміръ и др., всѣ записаны не близъ Кіева, въ Малороссіи, а близъ Москвы, въ сѣверной Великороссіи. Для объясненія этого страннаго явленія строились разныя гипотезы и предположенія; многіе пришли къ убѣжденію, что, вообще, на югѣ Россіи нѣтъ даже и слѣдовъ былинъ. Въ виду-то этого сказка объ Ильѣ Муромцѣ и заинтересовала спеціалистовъ дѣла; въ виду же этого она и предлагается вниманію какъ ученыхъ, такъ и вообще всѣхъ интересующихся произведеніями народнаго творчества, но предлагается не въ малорусской рѣчи, далеко не всѣмъ доступной, а въ рѣчи великорусской. Впервые эта сказка записана пять лѣтъ тому назадъ; теперь она вторично выслушана мной 9-го апрѣля, 1889 года, въ томъ же Богодарѣ и отъ того же еще и нынѣ здравствующаго слѣпца, Ѳомы Проворы, и записана дословно, безъ всякаго измѣненія во фразахъ и отдѣльныхъ словахъ.

«Жилъ себѣ человѣкъ да жинка; имѣли они себѣ одного сына да и того калѣку, а званіемъ Илью Муромца; тридцать лѣтъ сидѣлъ онъ въ калѣчествѣ; только того и дива, что очи. А въ то время люди такъ жили, то выкопаютъ въ лѣсу ями, посѣютъ хлѣба, сожнутъ, поѣдятъ да тѣмъ и живутъ. Такъ жили и родители Ильи Муромца. Передъ тѣмъ какъ идти въ лѣсъ, они накормятъ, напоятъ своего сына, посадятъ его подъ хатой, положатъ ему пирожковъ да и пойдутъ въ лѣсъ. Вотъ разъ накормили, напоили, положили въ голову пирожковъ да и пошли въ лѣсъ; лежитъ онъ и ждетъ, пока они придутъ обратно домой.

Коли вотъ приходятъ къ Ильѣ два старичка. «Здравствуй, сынашу!» — Здравствуйте, старички!» — «Дай намъ, сынашу, милостыни!»—«Я-бъ вамъ радъ подать милостыни, такъ я уже лѣтъ тридцать лежу въ калѣчествѣ; вотъ тамъ у меня подъ головой лежатъ пирожки, возьмите ихъ себѣ и идите съ Богомъ.» — «А можетъ быть, сынъ, ты и самъ подашь намъ, протяни-ка руку!..» Онъ протянулъ...—«Ну, теперь вставь-ка на ноги!» Онъ всталъ и на ноги.—«Ну, теперь же иди въ погребъ да наточи намъ квасу.» Илья пошелъ и наточилъ квасу. «Пей же теперь самъ». Илья выпилъ. «А какъ въ твоемъ здоровьѣ?»—«Да такъ, что если-бъ былъ столбъ отъ земли и до неба, то я бы повернулъ и землю, и небо». «Ну, это для тебя многонько; поди-ка да наточи еще квасу, половину того, что ты сейчасъ принесъ.» Илья пошелъ и наточилъ.—«Пей снова.» Илья выпилъ. «А какъ теперь въ твоемъ здоровьѣ?» «Теперь въ половину того, что было раньше.»—Ну, вотъ этого для тебя довольно будетъ.» Послѣ этого старички выпили сами квасу и пошли себѣ Илья Муромецъ, проводивъ старичковъ, вошелъ въ хату, нашелъ тамъ въ печи борщъ, кашу и курятину; завязалъ все это въ скатерть и понесъ въ лѣсъ къ отцу да къ матери. А отецъ и мать корчатъ себѣ пни и ничего не знаютъ, что дома дѣлается. Коли смотрятъ, кто-то идетъ къ нимъ. «Отъ же, старикъ, то нашъ хлопецъ идетъ!»—«Тю-тю! что ты говоришь?»—«Я-жъ тебѣ говорю, что нашъ хлопецъ идетъ.»—«Да какъ же онъ можетъ ходить?» Коли точно Илья подходитъ. «Ну, садитесь же вы, батько да мать, отдыхать, а я вмѣсто васъ потружусь.» Отецъ и мать сѣли. Пока они отдыхали, такъ Илья за часъ или за два надѣлалъ столько, что они и за два дня того не могли сдѣлать: вырвалъ множество пней и перегатилъ цѣлую рѣчку. Но у людей есть очи: люди стали Ильѣ завидовать. Тогда Илья и говоритъ родителямъ: «Напечите мнѣ сухарей да сдѣлайте сумку,— я пойду отсюда въ чужіе края, да смотрите, когда прилетятъ два голубя и побѣжитъ вотъ по этому ручнику кровь, тогда поминайте меня: я уже не буду въ живыхъ». Отецъ и мать спекли ему хлѣба, насушили сухарей, повѣсили сумку на плечи, и по-

шелъ Илья въ чужіе края; поплакали-поплакали старики и отпустили сына. Приходитъ Илья въ чужую слободу, а тамъ вся вода «запрещена»: сидитъ змѣй и не позволяетъ брать изъ рѣки воды; какъ приведутъ ему утромъ и вечеромъ одну душу на «прожереніе», то наберутъ воды. Пришелъ Илья въ слободу, упросился къ одной старухѣ въ хату спать и заснулъ. И захотѣлось ему пить; онъ и сталъ просить у старухи воды. «А вотъ сегодня будутъ вести царевну на прожереніе съ хоругвями, съ крестами, послѣ того только и можно будетъ набрать воды.»—«Этого я знать не хочу; иди ты, старуха, къ змѣю, да скажи ему, пусть непремѣнно дастъ мнѣ воды.» Старуха взяла «кухлыкъ» и пошла. «Подорожный человѣкъ проситъ у тебя воды.»—«Кто же смѣетъ просить у меня воды? Есть на бѣломъ свѣтѣ Илья Муромецъ, такъ его сюда и воронъ костей не занесетъ; такъ развѣ онъ? Ну, набери кухлыкъ воды и понеси.» Коли вотъ ведутъ царевну «на прожереніе» змѣю; привели, стали служить службу. Въ это время Илья обошелъ незамѣтно сзади, да лѣвою рукою черкъ царевну, а правою хвать голову змію,—такъ и снесъ по самыя плечи! Послѣ этого посадили ихъ въ карету и везутъ къ царю; тутъ Илья и говоритъ: «Мы съ царевною полюбуемся, потомъ и придемъ;» ихъ выпустили изъ кареты. Тогда церевна надѣла Ильѣ Муромцу на средній палецъ кольцо и сѣла на землю; Илья положилъ ей голову въ колѣни – а голова точно бочка — положилъ голову и лежитъ; царевна стала «искать» ему въ головѣ. «Ну, смотри-жь, царевна, когда я засну, такъ ты меня ничѣмъ не буди, а только иглой: колни въ пятку, я и проснусь». Сказалъ эти слова и заснулъ. Въ это время пріѣзжаетъ къ царевнѣ бондарь. Видитъ онъ, что Илья Муромецъ крѣпко спитъ, и говоритъ: «Брось ты этого Илью, поди лучше за меня замужъ, а своему отцу скажи, что то я отвелъ тебя отъ смерти.» Царевна испугалась отъ этихъ словъ и стала будить Илью Муромца: качала она ему голову, качала, никакъ не разбудитъ, а то и забыла, что онъ ей говорилъ: кольнуть иглой въ пятку. Тутъ бондарь подскочилъ къ Ильѣ, отрубилъ ему голову и откатилъ прочь далеко отъ туло-

вица. Въ это время прилетѣли къ отцу и матери Ильи два голубя, а по рушничку потекла кровь. «Ну, не стало нашего сына, старикъ! Давай служить по немъ службу». Господь и услыхалъ ихъ молитву. Тѣмъ часомъ бондарь посадилъ царевну на тачку и везетъ,—чтобы жениться на ней, а самъ такой «зашоханый, засопляный», что страшно на него и смотрѣть: такъ изъ-подъ носа табакъ и течетъ. Пріѣхали къ царю, царевна и говоритъ: «Вотъ человѣкъ, который избавилъ меня отъ смерти, я должна идти за него замужъ.» Взяли того бондаря «обхаили», обмыли, послѣ того стали ихъ «дружить, да свадьбу гулять». Въ это время идетъ Господь со святымъ Петромъ по полю и видитъ убитаго Илью Муромца. «Э, вотъ гдѣ положилъ свою голову нашъ Илья Муромецъ!» Подошелъ Господь Богъ къ Ильѣ, дохнулъ на него, Илья и ожилъ. «Ну, долго же я спалъ!»—говоритъ Илья. «Спалъ бы ты и еще дольше, спалъ бы цѣлый вѣкъ, если бы мы не встрѣтили тебя; иди же теперь, справляйся съ злодѣемъ». Илья пошелъ на свадьбу; а тамъ пируютъ полковники, генералы, князья, графы; Илья пришелъ на пиръ, да и сталъ у порога комнаты; видитъ, царевна плачетъ-надрывается, а у бондаря изъ-подъ носа табакъ течетъ. Плакала царевна, плакала, потомъ подняла глаза, да прямо на двери и смотритъ; смотритъ она, а тамъ стоитъ человѣкъ, и у него на среднемъ пальцѣ кольцо горитъ огнемъ. Какъ увидѣла она это кольцо, тогда прыгъ, какъ сорока, черезъ столъ прямо къ Ильѣ. Всѣ изумились этому, а царевна и говоритъ:» Вотъ кто меня отъ смерти отвелъ, а не этотъ поганецъ бондарь! «Тутъ бондаря схватили, а царевну за Илью отдали, и живутъ они себѣ: постолòмъ [1]) добро возятъ, а у насъ хлѣба просятъ, а бондарь пошелъ на покаяніе».

---

[1]) Постòлъ—кожаная обувь безъ подметокъ и каблуковъ, подобно лаптю.

X.

Двадцати-семи-милліонный кладъ.

Исканіе сокрытыхъ въ землѣ кладовъ распространено было у насъ съ очень давнихъ временъ, еще съ тѣхъ поръ, когда насыпались надъ прахомъ умершихъ могилы. Видя, напримѣръ, съ какою обстановкою погребались тѣла умершихъ скиѳскихъ царей, многіе изъ современниковъ и еще больше изъ ближайшихъ поколѣній, знавшихъ о томъ по слуху, нерѣдко подкапывались подъ курганы царей и похищали оттуда главнѣйшія сокровища, положенныя въ нихъ. Такъ, при раскопкѣ знаменитой Чортомлыцкой или Толстой могилы, близь Никополя екатеринославскаго уѣзда, найденъ былъ скелетъ кладоискателя, подкопавшагося подъ курганъ и уже успѣвшаго было похитить изъ него дорогую вазочку, но потомъ засыпаннаго землей и истлѣвшаго съ вазой въ одной рукѣ и съ свѣтильникомъ въ другой. Впослѣдствіи исканіемъ кладовъ въ могилахъ стали заниматься, видимо, цѣлыя правильно организованныя партіи людей. Въ этомъ отношеніи большую извѣстность пріобрѣли генуэзцы, имѣвшіе съ XIII по XV вѣкъ свои колоніи въ нашемъ Крыму и нѣсколько сѣвернѣе отъ него, между нижнею частью Дона и Днѣпра. Этимъ объясняется то весьма печальное обстоятельство, что очень многіе изъ кургановъ, послѣ научнаго вскрытія ихъ, оказываются ограбленными отъ самой вершины ихъ и до чернаго пятна. Запорожскіе козаки, жившіе съ конца XV по XVIII вѣкъ

на югѣ теперешней Россіи, въ приднѣпровскихъ новороссійскихъ степяхъ, какъ говорятъ очевидцы, не мало скрывали кладовъ на островахъ и въ руслахъ рѣкъ [1]) и тѣмъ подавали поводъ разнымъ любителямъ легкой наживы къ исканію кладовъ. Особенно много, по разсказамъ столѣтнихъ стариковъ, запорожцы зарыли въ землѣ кладовъ въ то время, когда въ 1775 году удалялись изъ предѣловъ Россіи въ предѣлы Турціи, за Дунай: поспѣшно уходя изъ своихъ земель, запорожцы, будто бы сокрыли несмѣтныя сокровища въ разныхъ мѣстахъ бывшихъ своихъ вольностей; но, чтобы не забыть мѣстъ зарытыхъ кладовъ, они оставили будто бы подробныя записи съ точнымъ обозначеніемъ мѣстъ, количества и качества кладовъ. Впослѣдствіи такія записи стали ходить изъ рукъ въ руки и по нимъ любители легкой наживы пытались отыскивать зарытые въ землѣ клады. Быть можетъ, такія записи и составлялись запорожскими козаками, но несомнѣнно и то, что рядомъ съ подобными записями существовали и ложныя, завѣдомо сочиненныя досужей фантазіей. Во время частыхъ разъѣздовъ по бывшимъ владѣніямъ запорожскихъ козаковъ, авторъ настоящей замѣтки не рѣдко слышалъ о существованіи записей, указывающихъ на сокрытые клады, но видѣть ему долго ни одной не удавалось; около полугода тому назадъ, однако, ему посчастливилось добыть одну изъ многихъ записей о кладахъ въ селѣ Покровскомъ, екатеринославской губерніи, александровскаго уѣзда, у мѣстнаго народнаго учителя И. П. Чайкина. Подлинникъ писанъ на сѣрой бумагѣ, довольно безграмотно и несомнѣнно однимъ изъ людей великороссійскаго происхожденія, судя по пристрастію переписчика къ буквѣ «ѣ», по замѣнѣ окончаній «ево» вмѣсто «его», буквы «и» вмѣсто «е» (напримѣръ «каминь» вмѣсто «камень», «сажинь» вмѣсто «сажень» и т. п.); при записи приложенъ подробный планъ для отысканія клада и въ самомъ концѣ помѣченъ годъ 1764-й. Запись передается почти буквально, съ ничтожными измѣненіями въ правописаніи и знакахъ препинанія, и то лишь въ мѣстахъ мало доступныхъ для пониманія.

[1]) Бопланъ. Описаніе Украйны, Спб., 1832, 27.

«Милостію и счастіемъ божіимъ мы жиласмъ, чтобы наши грешныя души были помянуты и молили о нашихъ душахъ истиннаго, вечнаго и всемогущаго Бога, вообще за сорокъ братіевъ, которые лишены вѣчно страны россійской. Отъ города Херсона въ восьмидесяти верстахъ, на дачи Дюфимской деревни Одаренкова, въ двухъ верстахъ отъ оной деревни есть трактиръ, а отъ трактира въ одной верстѣ есть кошара, а отъ кошары есть дикой камень пять саженъ длины, на немъ надпись; на томъ мѣстѣ погрѣбѣны сорокъ козаковъ запорожскихъ; отъ камня того есть плита около трехъ аршинъ, а другая плита въ полтора аршина отнесена 12 саженъ; еще 12-ть аршинъ плита ребромъ въ копана (=вкопана); еще 12-ть аршинъ камѣнь стоя въ копанъ; ещѣ отъ того камня 12-ть шаговъ камѣнь круглый, а отъ того камня круглова отмерей 12 саженъ въ доль (=вдоль) балки; какъ кончишь 12 сажинъ, то всторону крута (=круто) повѣрни прямо направо, тоже 12 сажинь, будетъ небольшой бугоръ, заваленный соромъ и землей. Всѣ сіи примѣты въ доль (=вдоль) балки, а по сторонамъ небольшіе пригорки, а по срединѣ тропочка пѣшаму ходить. А потомъ клятвенное обѣщаніе наше вамъ въ точности исполнить: поминать насъ всегда; на церкви божіи и на нищію братію раздать одинъ милліонъ, по невольникамъ и тюрьмамъ раздать милліонъ; по банкрутамъ и беднымъ раздать милліонъ; написать въ мѣсто нищей братіи сорокъ человѣкъ, ково будѣ вамъ угодно, тоже сорокъ человѣкъ и раздѣлить милліонъ; на построеніе домовъ бедныхъ раздать милліонъ. Буде же кто не выполнитъ сего повиленія, то не будетъ ему благополучія на вѣки. Заклинаемъ васъ, доброжелательные съ чесливѣцы (=счастливцы), вѣчно молить Бога. А всѣй суммы *двадцать семь* милліоновъ, золотомъ и серебромъ полтора милліона да разныхъ вещей на пить (=пять) милліоновъ. Просимъ васъ, любезныя наши поминатели, не исчезать въ мысляхъ вашихъ и утверждаемъ живымъ нашимъ Богомъ выполнить въ точности подъ великимъ нашимъ заклятіемъ; а если вы не выполните, то вечная вамъ будетъ погибель. Богъ васъ благословитъ искать то, что выше показано и упомянуто, 1764 года,

12 дня, Херсонъ». Странно, однако, что запись помѣчена 1764 годомъ въ городѣ Херсонѣ: Херсонъ въ 1764 году вовсе не существовалъ; онъ заложенъ въ 1778 году, спустя четыре года послѣ паденія запорожской Сѣчи; уже одно это обстоятельство подаетъ поводъ къ сомнѣнію въ подлинности записи о кладѣ и смотрѣть на нее, какъ на плодъ досужей фантазіи; очевидно, она интересна лишь какъ литературный памятникъ, характерный въ извѣстномъ родѣ и въ извѣстное время.

I.

Матеріалы къ исторіи запорожскаго края.

1870 года, марта 3 дня. Дарственная грамота царей Ивана и Петра Алексѣевичей полковнику Данилу Апостолу [1]).

«Божіею милостію мы пресвѣтлѣйшіе и державнѣйшіе, великіе государи цари, и великіе князи, Іоаннъ Алексіевичъ, Петръ Алексіевичъ, всея великія, и малыя, и бѣлыя Россіи самодержцы [2]) пожаловали миргородскаго полковника Данила Апостола повелѣли ему дать сию нашу великихъ государей и нашего царского величества жалованную грамоту на села Хомутецъ да на село Бакумовку и на Өридровку и на мельницы и на всякие угодья, для того, билъ челомъ намъ великимъ государемъ и нашему царскому величеству онъ Данило, что въ прошлыхъ годахъ служилъ онъ Данило отцу нашему государствовавшему блаженныя и вѣчно достойныя памяти великому государю нашему и великому князю Алексѣю Михаiловичю всеа великия и малыя и бѣлыя росиі самодержцу и брату нашему блаженныя і вѣчнодостойныя памяти великому государю царю і великому князю Өеодору Алексѣевичю всеа великия и малыя и бѣлыя росиі самодержцу ихъ царскому величеству, также ныне и

[1]) Подлинникъ; изъ фамильныхъ бумагъ генералъ-маіора А. Н. Синельникова.

[2]) Слѣдуетъ полный царскій титулъ.

намъ великимъ государемъ нашему царскому величеству служитъ со всякимъ усердиомъ и въ прошлыхъ чигиринскихъ і выныхъ вомногихъ, также і влѣто ҂з҃р҃ч҃е і влѣто ҂з҃р҃ч҃з во обоихъ крымскихъ походехъ былъ и за тѣ ево службы по нашему великихъ государей указу нашего царскаго величества подданноіі войска запорожскаго обоихъ сторонъ Днепра гетманъ Иванъ Степановичь Мазепа подтвердилъ ему листомъ своимъ прежние его отчины въ миргородскомъ уѣзде села Хомутецъ и Бакумовку и новопоселенную слободу Ѳридровку съ мелницы пожитками ево построенными, а нашей де великихъ государей нашего царского величества жалованной грамоты въ укрепление и утверждение того всего ему недано; и чтобъ мы великие государи наше царское величество пожаловали ево Данила велѣли на тѣ ево вышеписанные села и мелницы и на всякие угодья дать нашу царского величества жалованную грамоту; а влисту подданного нашего войска запорожского обоихъ сторонъ Днепра гетмана Ивана Степановича прошлого лѣта ҂з҃р҃ч҃з написано, по нашему великихъ государей указу разсмотря онъ знатные ввойске запорожскомъ службы миргородского полковника Данила Апостола подтвердилъ ему села Хомутецъ да Бакумовку и Ѳридровку съ плотинами и смелницами, и тѣми селами ему Данилу владѣть и повинности всякую обыклую и послушание и подати съ нихъ имати и чтобъ и намъ великимъ государемъ и нашему царскому величеству служилъ со всякимъ усердиемъ и въ прошлыхъ чигиринскихъ і выныхъ во многихъ, также і влѣто ҂з҃р҃ч҃е і влѣто ҂з҃р҃ч҃з во обоихъ ему въ томъ нихто из старшины и черни нимало не чинилъ препоны, а козаки въ тѣхъ селахъ живущие были бъ сохранены при своихъ козацкихъ волностяхъ. И мы пресвѣтлѣйшие и державнѣйшие великие государи цари и великие князи Іоаннъ Алексѣевичь, Петръ Алексѣевичь всеа великия і малыя и бѣлыя росиі самодержцы наше царское величество слушавъ того ево Данилова челобитья і подданного нашего войска запорожского обоихъ сторонъ Днепра гетмана Ивана Степановича листа, пожаловали ево Данила и жену ево и детей повелѣли имъ тѣми селами і мелницами со всякими къ нимъ надлежащими угоды,

которые по нынешнему великихъ государей нашего царского величества указу далъ ему подданной нашъ гетманъ Иванъ Степановичь и въ даномъ ево листу написаны такожде и купленными ево мелницами и групгами въ розныхъ мѣстехъ обрѣтающимися со всѣмъ принадлежащимъ къ нимъ угоды, какъ они въ себѣ изстари ограничение имѣютъ, буде от кого въ чемъ спору какова не будетъ владѣть и всякіе съ нихъ пожитки употреблять, на что ию нашу великихъ государей нашего царскаго величества жалованную грамоту дать ему указали на память впредь будущимъ роду ево, и то все мы великие государи наше царское величество силою сей нашей царского величества жалованной грамоты ему Данилу и женѣ его и детемъ и роду ево укрепляемъ и утверждаемъ, и быти тѣмъ селамъ и мелницамъ и всякимъ угодьямъ за нимъ в вотчинѣ, потому что онъ ту нашу великихъ государей нашего царского величества милость и жалованье получилъ за свои вѣрные и радѣтелные и знатныя къ намъ великимъ государемъ и нашему царскому величеству службы и чтобъ впредь смотря на тѣ ево службы и вѣрное радѣние дѣти ево и внучата и правнучата и кто по немъ роду ево будутъ также намъ великимъ государемъ нашему царскому величеству и нашимъ государскимъ наслѣдникомъ служили і выше помянутому Данилу и женѣ ево и дѣтямъ и внучатомъ и правнучатамъ тѣми селами и мелницами и со всѣми къ нимъ принадлежащимі угоды владѣть и всякие доходы имать и пожитки употреблять и тѣ вышеписанные села и мелницы съ надлежащими къ нимъ угодьи ему Данилу и женѣ ево и дѣтямъ и внучатомъ и правнучатамъ вроды ихъ неподвижно, и волно имъ тѣ вотчины продать і заложить и въ приданые дать и во всякие крѣпости укрепить; а для вящего утверждения нашей царского величества милости і вѣчного владѣния тѣми селами со всѣми угодьи ему Данилу и женѣ ево и дѣтямъ ево сее нашу великихъ государей нашего царского величества жалованную грамоту утвердить нашею царского величества печатью повелѣли; писана ся наша царского величества жалованная грамота государствия нашего во дворѣ въ царствующемъ граде Москвѣ лѣта ҂зрчи году

мѣсяца октября ȝ дня, государствия нашего н году. Великихъ государей ихъ царскаго величества Думной Дьякъ Емельянъ Игнатьевичь Украинцовъ».

Эта грамота подтверждена была другой грамотой, данной Данилу Апостолу въ 1710 году съ прибавленіемъ, однако, новыхъ девяти селъ. Новая грамота повторяетъ буквально слова старой, кромѣ того мѣста, гдѣ перечисляются села и мельницы.

«...Наше царское величество пожаловали миргородского полковника Данила Апостола за многие вѣрные службы отца ево Данилова Павла Апостола, такъ и за ево Даниловы къ намъ великому государю вѣрные и знатные службы, а особливо въ нынѣшнюю ізмѣну вора і измѣнника Мазепы, повелѣвъ ему дать сию нашу царского величества жалованную грамоту на прежніе і вновь данные маетности по универсаломъ войска запорожского прежнихъ гетмановъ и нынѣшняго гетмана Ивана Ильича Скоропадскаго, а именно на городище Крыловъ совсѣми принадлежностями і смелницы на реке Тясмине, на села Хомутецъ, Бакумовку, Савинцы, Поповку, на Перевозъ, на слободу Ѳрировку, Сухаробовку, Вергуны, Овдѣевку, Шабалтасовку, Хлопяники, Лузики і на мелницу войсковую і на мелницу Павловского і на хуторъ і со всѣми къ тѣмъ вышепомянутымъ селамъ і мелницамъ грунта і на всякіе угодья, для того что въ нынѣшнемъ ҂аѱі году генваря въ 15 день билъ челомъ намъ великому государю нашему царскому величеству онъ полковникъ миргородскій Данила Апостолъ [1])... Того ради разсмотря и видя ево полковника миргородского въ нынѣшнемъ чрезъ измѣнника Мазепу учинившемся замѣшаніи при достоинствѣ намъ великого государя нашего царского величества неотступную і неізмѣнную вѣрность, тѣ всѣ вышепомянутые мѣстности і со всѣми къ нимъ надлежащими угодьи подтверждаемъ в вѣчное ему владѣніе. Да вновь дали ему полковнику миргородскому за разоренія и обиды вымѣніяхъ ево отъ войскъ непріятелскихъ швецкіхъ чрезъ на-

---

[1]) Далѣе идетъ описаніе заслугъ Данила Апостола во время чигиринскихъ походовъ, о которыхъ упоминается и въ предыдущей грамотѣ.

ущеніе изменника Мазепу немало понесенныхъ: село Шабалтасовку, село Хлопяники, село Лузики і мелницу войсковую, межъ Обловкою и Кизіловкою на реке Убеде стоящую, да въ черніговскому полку мелницу умершого Павловского съ хуторомъ, и со всѣми до тѣхъ вышепомянутыхъ селъ і мелницъ належащими грунтами і угодьямі, і чтобъ около села Хлопяніковъ посторонніе жители того села въ пущахъ никакого дерева не рубили і не пустошіли і дабы войты и тяглые люди в вышеписанныхъ прежнихъ і нынѣ вновь данныхъ селехъ обретающіеся, что яко властные подданные ему полковнику миргородскому всякое належащее вприходахъ и поборахъ отдавали послушаніе, опричь козаковъ въ тѣхъ сѣлехъ живущихъ, которые при своіхъ стародавніхъ волностяхъ сохранены быть імѣютъ і во отбираніи стѣхъ со всехъ селъ і мелницъ і всякихъ угодей, также і смелницы Хоміной всякихъ пожитковъ, чтобъ ни отъ кого не было німалого препятствия и противности. И мы пресветлѣйшій і державнѣйшій великій государь царь і великій князь Петръ Алексѣевичь всеа великія і малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ наше царское величество слушавъ подданного нашего гетмана Ивана Ильича Скоропадского і прежнихъ гетмановъ универсаловъ і челобитья того миргородского полковника Данила Апостола, пожаловалі повелѣвъ ему тѣмі всѣми вышеименованными селы и деревни і мелницы и грунты со всякими принадлежащими угодьи како изстари ко онымъ во ограниченіи належатъ по универсаломъ нынѣшняго гетмана Ивана Ильича, владѣть і всякіе пожитки со оныхъ потреблять какъ въ сей нашей Царского величества жалованной грамоте написано выше сего; чего ради и сію нашу великого государя жалованную грамоту и нашею царского величества печатію подтвердить повелѣли. Дана сія нашего царского величества грамота въ нашемъ царствующемъ велицемъ граде Москвѣ лѣта отъ Рождества Христа Спасителя нашего 1710 года марта 3 дня. Канцлеръ Графъ Гаврило Головкинъ».

II.

1728 года, сентября 7 дня. Грамота Данилу Апостолу на подтвержденіе его гетманскаго уряда императора Петра.

«Поспѣшествующею милостью мы всепресвѣтлѣйшій державнѣйшій великій государь Петръ вторый імператоръ и самодержецъ всероссійскій пожаловали подданного нашего войска запорожскаго обоихъ сторонъ Днепра гетмана Данила Апостола, повелѣли ему дать сию нашу імператорского величества жалованную грамоту для того. Въ прошломъ 1727 году июня 20 дня мы великій государь наше імператорское величество милосердуя о подданныхъ нашихъ малороссійскаго народа, повелѣли вмалой Россіи быть гетману і генеральной старшинѣ, і послана наша імператорскаго величества грамота малороссійскаго народа кдуховнымъ и мирскимъ. А особливо войско нашего запорожскаго обоихъ сторонъ Днепра кполковникамъ і кгородовой старшинѣ і козакамъ і ко всему посполству, дабы они попрежнему обыкновенно обрали въ гетманы кого ізмалороссійскаго народа, на которое обрание отъ нашего імператорского величества посланъ былъ нашъ тайной совѣтникъ Ѳедоръ Наумовъ. И потому нашего імператорскаго величества всемилостивѣйшему сонзволению они малороссійского народа духовные, і полковники, і старшина свойскомъ і все посполство будучие для помянутаго обрания гетманскаго вглухове по прежнимъ своимъ войсковымъ обыкновеніямъ волными голосы выбрали вгетманы ево Данила Апостола при вышепомянутомъ нашемъ тайномъ совѣтнике, которой по нашему імператорскаго величества указу ему гетману і клейноты войсковые: булаву, знамя, бунчукъ і литавры отдалъ. И онъ подданной нашъ гетманъ потомъ обраніи своемъ учинилъ намъ великому государю нашему імператорскому величеству вѣрности своей вглухове вцеркви присягу предъ святымъ евангеліемъ при крестномъ цѣлованіи. И прошлого 1727 году ноября въ 27 день

---

[1]) Подлинникъ; изъ фамильныхъ бумагъ генералъ-маіора А. Н. Синельникова.

намъ великому государю нашему імператорскому величеству доносилъ онъ подданной нашъ гетманъ присланными своими нѣжинскаго полку с судьею полковымъ, с Михаиломъ Забѣлою, прилуцкаго полку с сотникомъ Григорьемъ Стороженкомъ, переяславскаго полку съ есауломъ полковымъ с Лукою Васильевымъ, гадяческого полку с судьею полковымъ с Мартыномъ Штишевскимъ, прося наше імператорское величество пожаловали ево подданного нашего гетмана повелѣли на урядъ гетманскій і на маетности на булаву определенные дать ему нашу імператорского величества жалованную грамоту. И мы всепресвѣтлѣйшій державнѣйшій великій государь императоръ і самодержецъ всероссійскій наше императорское величество призірая на выше писанное ево подданного нашего гетмана прошение всемилостивѣйше і вѣдая ево кнашему імператорскому величеству по учиненному обѣщанию вѣрность і службу повелѣли сию нашу грамоту на подтверждение уряду гетманского дать і силою сей нашей імператорского величества жалованной грамоты соизволяемъ ему подданному нашему гетману войсковую армату іли артилерию і клейноты, данные при обраніи, імѣть такъ, какъ прежние гетманы вѣрности своей к намъ бывшие содержали і всякие воинские і гражданские вмалой Россіи дѣла управлять по войсковымъ правамъ і по постановленнымъ пунктамъ, на которыхъ приступилъ подъ державу прадѣда нашего блаженныя памяти великого государя царя і великаго князя Алексѣя Михайловича всеа великия і малыя і бѣлыя Россіи самодержца его царского величества гетманъ Богданъ Хмельницкой со всѣмъ войскомъ запорожскимъ і народомъ малороссійскимъ і по нашимъ імператорского величества указомъ определеннымъ і впредь определяемымъ і к нему присылаемымъ і маетностми на булаву определенными противъ иныхъ подданныхъ нашихъ бывшихъ гетмановъ владѣть со всякою пристойною повинностью. И дабы видя онъ подданной нашъ гетманъ къ себѣ сию нашу імператорскаго величества милость, нашему імператорскому величеству і нашимъ наслѣдникомъ служилъ вѣрно і постоянно со всѣмъ подданнымъ нашимъ войскомъ запорожскимъ і народомъ малороссійскимъ

противъ всѣхъ нашихъ непріятелей, во всѣмъ противъ данной своей вышеимяновванной при обрашіи присяги, за что наша великого государя нашего імператорского величества милость і призрѣніе і впредь от него подданного нашего отъемлема не будетъ, но і паче умножится і для вящей кнему подданному нашему гетману нашей милости і утверждения сию нашу імператорского величеетва грамоту собственнаго нашего імператорскаго величества рукою подписали і нашею государственною печатью утвердить повелѣли. Данъ в Москвѣ лѣта от рождества Христова 1728 сентября 7 дня, государствования нашего 2-го году. Петръ. Графъ Головкинъ».

Эта грамота подтверждена такою же точно грамотою въ 1730 году 15 мая императрицей Анной Іоанновной, вступившей на русскій престолъ послѣ смерти Петра II; какъ и первая грамота, вторая также подписана собственноручно императрицей Анной и ниже ея графомъ Головкинымъ.

III.

1759 года, сентября 13 дня. Аттестатъ значкового товарища Василія Христофорова [1].

«Ея Императорскаго Величества Малой Россіи обоихъ сторонъ Днѣпра и войскъ запорожскихъ Гетьманъ дѣйствительный камергеръ Императорской Санктъ-Петербургской Академіи наукъ президентъ графъ Кириллъ Разумовскій. Господамъ генеральнымъ, малороссійскимъ старшинамъ, полковникамъ, бунчуковымъ товарищамъ, полковымъ старшинамъ, войсковымъ товарищамъ, сотникамъ съ сотенными старшинами и всѣмъ, кому о семъ вѣдать надлежитъ, объявляется. Полтавскій житель грекъ Василій Христофоровъ подалъ намъ доношеніе, а въ немъ написалъ: въ давныхъ де годахъ вышелъ онъ съ другими товарищами его греками съ турецкой области въ Малую Россію въ подданство самодержавной всероссійской имперіи и имѣлъ жительство и

[1]) Копія; изъ фамильныхъ бумагъ владѣльца села Лошкаревки екатеринославскаго уѣзда, Димитрія Васильевича Христофорова.

осѣдлость въ городѣ Полтавѣ, въ той осѣдлости служилъ всероссійскому престолу съ оказаньемъ немалаго усердія, особливо въ бытность при россійской арміи въ послѣднюю бывшую съ турками войну по употребленію его отъ господъ фельдмаршаловъ и другаго генералитета въ посылки въ сосѣдственныя области по секретнымъ экспедиціямъ, въ засвидѣтельствованіе чего даны ему отъ генералитета самой гвардіи, якіе какъ указомъ правительствующаго сената 1749 года, такъ и присланною къ намъ 1754 года изъ государственной колегіи иностранныхъ дѣлъ грамотою подтвержденны, а кромѣ того и послѣ въ разныхъ годахъ, отъ командующаго генералитета посыланъ былъ Христофоровъ въ Крымъ для секретныхъ развѣдываній на собственномъ его коштѣ, съ послѣдованіемъ немалой траты, какъ то и въ прошломъ 1758 году по письму господина генерала лейтенанта графа Девіера отъ генеральной войсковой канцеляріи наряженъ и къ тому развѣдыванію употребленъ былъ и отпущенъ отъ него генерала лейтенанта съ тѣмъ, чтобы къ такому жъ употребленію всегда находился въ готовности; и что де протчіе его товарищи за таковые службы награждены чинами, а онъ Христофоровъ себѣ никакого награжденія не имѣетъ. Де того просилъ о награжденіи и его Христофорова за показанныя службы чиномъ войсковыхъ товарищей съ увольненіемъ отъ всѣхъ службъ нашего разсмотрѣнія. И мы гетьманъ и кавалеръ по данной намъ отъ Ея Императорскаго Величества власти респектуемъ, за таковыя означеннаго грека Василія Христофорова оказанныя къ пользѣ государственныхъ интересовъ службы (о которыхъ и намъ небезъизвѣстно есть) въ разсужденіи его Христофорова нынѣшней старости и въ здравіи слабости со званіемъ войсковыхъ товарищей увольняемъ его отъ всѣхъ службъ до возрасту дѣтей его, поощряя тѣмъ и протчихъ къ ревностнымъ и вѣрнымъ Ея Императорскаго Величества службамъ; и дабы господа генеральные малороссійскіе старшины, полковники, бунчуковые и войсковые товарищи, такожъ полковые старшины и сотники и протчіе чины о семъ вѣдали, предлагаемъ для сего и сей нашъ универсалъ за подписомъ нашимъ и при національной малороссійской

печати ему Василю Христофорову. Дан въ Санктъ-Петербургѣ сентября 13 дня, 1759 года».

IV.

1765 года, апрѣля 12 дня. Запродажняя запись царичанскаго козака Максима Луценка козакамъ Кириллу и Давиду Мандрыкамъ [1]).

«1765 году апрѣля 12 дня я ниже подписавшійся далъ сию в городской царичанской канцеляріи царичанскимъ козакамъ Кирилу и Давиду Мандрикамъ росписку втомъ, что доставшійся мне понаслѣдію отца моего царичанского жителя Григорія Луценка дѣдизвій свой грунтъ, а именно лѣсъ стоячій над рекою Орѣлью высше Помозановихъ мелницъ зсенокосами и рибними ловлями всмежность съ едной сторони по Орѣлъ, здругой по лѣсъ и сѣнокосъ царичанского жителя Данила Ярѣза, стретей чрезъ озеро прозиваемое Подполне по сенокосъ царичанского козака Марка Портянки, а счетвертой сторони царичанского жителя Алексѣя Кулика лѣсъ и сѣнокосную луку даже до Орели, показанним Мандрыкамъ по согласию жени и дѣтей продалъ въ вѣчное владѣніе ценою за восемъдесятъ рублевъ, и неповиненъ я, жена и дѣти мои в ономъ грунтѣ никакова препятствия чинити, а нѣ откуповати, для лутшого жъ вѣроятия и твердости имеющійся вмене от покойного отца моего вышеписанного Луценка врученной ему от покойной жени его, а моей мачухи царичанской жителки Софьи Палагутовни духовной дестаментъ показаннимъ Мандрикамъ вручилъ и что на ономъ духовномъ дестаменти за ветхостію его надписѣ о вышеписанной продажѣ учинить неможно, для того вышеписаннимъ покупщикамъ Кирилу и Давиду Мандрикамъ сию росписку в городской царичанской канцеляріи даю и подписуюсь къ сей росписки царичанскій жителъ и козакъ Максимъ Луценко, а вмѣсто его неграмотного по его прошенію царичанскій же житель и козакъ Ѳома

---

[1]) Подлинникъ; изъ фамильныхъ бумагъ С. А. Ильяшенка, владѣльца села Афанасьевки екатеринославской губерніи, новомосковскаго уѣзда.

Рудяга руку прыложылъ. При више писанної продажи были и во свидѣтельство подписались царичанские козаки Степанъ и Власъ Мантули и Мусѣй Калиболотскій, а вмѣсто ихъ неграмотнихъ, по ихъ прошенію царичанскіі житель козакъ Мосейло руку приложилъ. 1765 году апрѣля 12 д. сия росписка от показанныхъ продавца Максима Луценка и покупщиковъ Кирила и Давида Мандриковъ въ городской царичанскої канцеляріи была представленна, которуї росписку признаю за правилную указамъ и малороссійскимъ правамъ непротивную, подписомъ рукъ и приложеніемъ обыкновенної печати на сполошное владеніе сътвержена; Сотникъ царичанскій Алексѣй Руновскій, Сотенный царичанскій канцеляристъ Иванъ Николаевъ».

V.

1777 года, марта 6 дня. Владѣльческіе документы ротмистру Ивану Байдаку[1]*.*

«Предъявителю сего елисаветградскаго пикинерного полку ротмистру Ивану Байдаку елисаветградской провинціи крюковскаго уезда вокругѣ тогожъ елисаветградского полку 12 роты омелницкой приречкѣ Омелникѣ к заселенію слободы на двадцать восемь дворовъ восемъ сотъ сорокъ десятинъ земли владеть дозволяется, считая оную льготными летами съ 1774 года, сентября съ 24 числа; а мерою ему ротмистру Байдаку начиная отъ вышеописанної речки Омельника по смежности Капканцевыхъ хуторовъ триста пятдесятъ саженъ, потомъ поворотъ влево посмежности техъ же хуторовъ до угла слободской дачи подпоручика Ильи Иванова одна верста, и отъ оного угла прямою линіею по смежности оного подпоручика Иванова три версты триста пятдесятъ саженъ, отселѣ поворотъ влево по смежности порозжей земли в ширину две версты. Потомъ поворотъ вълѣво до вышесказанної речки Омелника и по оноі до первопочиного пункта; почему ему ротмистру Байдаку въ владеніи никому

---

[1]) Копія; изъ фамильныхъ бумагъ владѣльца Г. А. Байдака.

никакого препятствія не чинить и сей билетъ объявить вышеписанной округи смотрителю и кому надлежитъ чрезъ сіе дается знать всѣмъ пзмежевой экспедиціи вгородѣ Кременчугѣ. Марта 6 дня 1777 году. Генералъ маиоръ Муромцовъ, землемѣръ маиоръ Араповъ». «1777 году іюля 8, по указу Ея Императорскаго Величества новороссійская губернская канцелярія по рапорту здешней межевой экспедиціи, которымъ на посланной в оную изъ сей канцеляріи прошлого 1776 году октября 1 дня указъ о отведенныхъ подъ слободу ротмистру Ивану Байдаку въ округе елисаветградского пикинерного полку слободы Омелницкой при реке Омелничкѣ и урочищѣ Капканцевомъ дачѣ, на которой и государственныхъ поселянъ до двадцати хатъ поселеніе имѣютъ обявлено, что, по резолюціи его превосходительства господина генералъ-маиора новороссійской губерніи губернатора и кавалера Матвея Васильева Муромцова, велѣно какъ де и ево ротмистра Байдака тамъ уже немалое число дворовъ поселено, то и раздѣлить ихъ, которая межевая экспедиція смотря по карте и раздѣлена, чтобъ де оное и внатурѣ учинено было сотводомъ земли какъ Байдаку на двадцать же четыре двора от межевой экспедиціи прапорщику и межевщику Степанову данъ ордеръ; приказали: о вышеописанномъ для сведѣнія вкрюковскую воеводскую канцелярію указъ послать».

VI.

1778 года, іюня 30 дня. Аттестатъ секундъ-маіору Ивану Байдаку [1]).

«По указу Ея Величества Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны Самодержицы всероссійской и прочая и прочая и прочая изъ государственной военной коллегіи отставному отслужбы секундъ маиору Ивану Байдаку, которой въ елисаветградскомъ пикинерномъ полку ротмистромъ состоялъ и по списку объ немъ представленному вколлегію откоманды обще съ его

[1]) Подлинникъ; изъ фамильныхъ бумагъ владѣльца села Байдаковки верхне-днѣпровскаго уѣзда, екатеринославской губерніи, Г. А. Байдака.

челобитною показано: отъ роду ему 30 летъ изъ молороссіянъ, въ службе съ 1764 года, ротмистромъ за урядъ 1773 августа 26, армейскимъ 1774 октября съ 24 былъ вминувшемъ турецкомъ походѣ и враженіяхъ снепріятелемъ, вштрафахъ не бывалъ, а челобитною просилъ за имеющимися у него болезньми оботставке отслужбы на ево пропитаніе, по которому ево прошенію, а по определенію государственной военной коллегіи учиненному минувшаго апреля 20 дня оной Байдакъ отвоинской службы отставленъ вовсе по беспорочной во оной бытности и по удостоинству откоманды снагражденіемъ секундъ маиорского чина, на которой получени присяги и по взятіи за повышеніе с симъ Ея Императорскаго Величества указомъ по выключеніи исполку отпущенъ на ево собственное пропитаніе. Данъ всанктъ-бетербурге іюня 30 дня 1778 года. Генералъ поручикъ и кавалеръ Ник., Генералъ маіоръ Веревкинъ, Генералъ маіоръ Бороздинъ».

VII.

1778 года, августа 8 дня. Аттестатъ запорожскаго полковаго Хорунжаго Сергѣя Махна [1]).

«Предъявитель сего бывшаго войска запорожскаго полковой хоружіи Сергей Леонтиевъ сынъ Махновъ продолжалъ службу втомъ войскѣ запорожскомъ смалихъ возвраста своего лѣтъ внутренныхъ изаграничнихъ командираціяхъ, а потому будучи впоходахъ сначала 769 по 774 годъ всторонѣ крѣпостей ачаковской, каджибейской и привзятіи аджидера и другихъ разнихъ понад Чернимъ моремъ мѣстахъ имѣлъ съ непріятелемъ впартияхъ иподъездахъ дѣйствителныя сраженіи поспѣвая и прислучаяхъ противъ неприятеля (,) какъ бывшие въ сихъ походахъ старшины и почотные запорожские козаки объявили мнѣ незакрито здолжнимъ командѣ повиновеніемъ неимѣя притомъ никакихъ пороковъ и какъ онъ всходство состоявшегося по разрушеніи быв-

---

[1]) Подлинникъ; изъ фамильныхъ бумагъ купца города Новомосковска, Степана Михайловича Махна.

шей Сѣчи запорожской прошедшаго 775 года августа 3 дня высочайшаго ея императорскаго величества манифеста заслуживаетъ противу товарищей своихъ воздаянія, то свидѣтелствуя отомъ всепокорнѣйше прошу властей и правителствъ не оставить его Махна заслужбы впрозбахъ его пожалованиемъ. Данъ заподписомъ моимъ исприложениемъ печати. Августа 8 дня 1778 году. Ея императорскаго величества всемилостивѣйшей государыни моемъ (моей?) отъ арміи полковничей Филипъ Федоровъ».

VIII.

1778 года, сентября 2 дня Аттестатъ запорожскаго асаула Григорія Пластуна [1]).

«Бывшаго войска запорожскаго низового полковому асаулу Григорію Якимову сыну Пластуну въ томъ, что зашедше онъ въ оное войско въ 1735 году, продолжая всероссійскому престолу службу, былъ въ прежнихъ турецкихъ походахъ очаковскомъ, крымскомъ, днѣпровскомъ и хотѣнскомъ, имѣлъ снеприятелемъ сраженіи, между чемъ въ днѣпровскомъ въ грудь стрѣлою раненъ и по выздоровленіи стого (отъ того) по усмотрѣнію его храбрости и проворства командированъ былъ отъ предводительствовавшаго тогда войсками его сіятельства князя Никиты Юрьевича Трубецкого спрепорученными ему пристойнымъ числомъ запорожскими козаками подъ Царьградъ къ поимкѣ турецкаго языка, гдѣ поймавъ турецкихъ двухъ визѣровъ и трехъ султановъ, которыхъ по повелѣнію помянутаго князя Трубецкого, доставилъ онъ Пластунъ самолично къ ея императорскому величеству блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти государыни Елисаветъ Петровны, а по возвратѣ оттоль и по окончаніи съ турецкой войны и по прибытіи въ Сѣчь запорожскую употребленъ былъ по его вѣжливости (знанію или опыту) въ разные государственные и войсковые внутренніе и заграничные

---

[1]) Копія, списанная въ 1874 году А. Н. Полемъ съ подлинника, хранящагося въ селѣ Діевкѣ екатеринославскаго уѣзда у крестьянина Пластуна, внука означеннаго въ аттестатѣ Григорія Пластуна.

командировки, между чемъ въ награжденіе его продолженныхъ службъ и по усмотренію его зъ годности (згодности) выбранъ былъ отъ цѣлаго войска въ 1752 году въ бывшую при турецкой границѣ бугогардовскую паланку полковымъ асауломъ и потомъ 1763 году вкуренѣ кореневскомъ того куреня товариством и козаками атаманомъ (т. е. выбранъ), которую должность исправляя порядочно и недавно кончившейся стуркомъ войны былъ 1770, 1771, 1772, 1773 и 1774 годовъ всторонѣ Очакова въ походахъ, имѣя снепріятелемъ дѣйствительные сраженія, стоялъ мужественно какъ долгъ вѣрно подданному ея императорскаго величества довлѣетъ зъ должнымъ у командѣ повиновеніемъ безъ всякаго порока и подозрѣнія; въ засвидѣтельствованіе вышеписанныхъ его Пластунова службы и честнаго поведенія сей ему вручая атестатъ, прошу властей и правительствъ о неоставленіи его въ высочайшей ея императорскаго величества въ сходство состоявшагося о разрушеніи бывшей запорожской Сѣчи манифеста милости пожалованіемъ Данъ въ благополучномъ лагерѣ Таманѣ (?), 1778 году сентября 2 дня. Ея императорскаго величества всемилостивѣйшей государыни моей отъ арміи полковничей Филиппъ Федоровъ».

IX.

1780 года, декабря 2 дня. Геометрическій специальный планъ на владѣніе премьеръ-маіора Алексѣя Максимовича Синельникова слободой Алексѣевкой на правомъ берегу Днѣпра, никопольскаго уѣзда.

«Геометрическій специальный планъ новороссійской губерніи никопольскаго уѣзда слободы Алексѣевки съ принадлежащими къ ней островами, называемыми Шулаевымъ, Песковатымъ и всѣми землями, которыя даны по указу новороссійской канцеляріи изъ порозжихъ казенныхъ земель во владѣніе премьеръ-маіора Алексѣя Максимова Синельникова, межеваніе учинено въ 1780 году декабря 20 дня прапорщикомъ и межевщикомъ Яковомъ Пономаревымъ, а внутри того владѣнія обмежеваннаго отъ

всѣхъ смежныхъ земель одною окружною межою, по нынѣшней мѣрѣ по исчисленію земли состоитъ степи способной къ хлѣбопашеству 2868 десятинъ, сѣнныхъ покосовъ 36 десятинъ, лѣсу дровяного и мелкого 92 десятины, подъ населеніемъ, огородами, гуменниками и коноплянниками 4 десятины, подъ половиною рѣки Днѣпра праваго берега 124 десятины, 200 квадр. саж., подъ бичевниками 16 десятинъ 1600 квадр. саж., подъ каменьями 19 десятинъ 1400 квадр. саж., подъ дорогами проселочными и полевыми 35 десятинъ 150 квадр. саж., подъ крутыми косогорами и оврагами 157 десятинъ, подъ песками 6 десятинъ. Всего 3359 десятинъ и 361 квадр. сажень; въ той слободѣ Алексѣевкѣ подданныхъ малороссіянъ мужеска пола 28 душъ, женска пола 22 души».

X.

1782 года, марта 18 дня. Дарственная грамота премьеръ-маіору Алексѣю Максимовичу Синельникову на владѣніе деревни Норовки, тожъ Алексѣевки, или Любимовки, на лѣвомъ берегу Днѣпра, новомосковскаго уѣзда [1]).

«По указу ея императорскаго величества самодержавицы всероссійской изъ азовской губернской канцеляріи деревни Норовки помѣщику господину премѣръ маіору Алексѣю Максимовичу Синельникову... Прошлого 1776 года февраля 29 дня братъ вашъ астраханскаго драгунскаго полку подъполковникъ Иванъ Максимовичъ Синельниковъ по доверенности вашей поданнымъ в сію канцелярію доношеніемъ просилъ объ отводѣ вамъ изъ найму не пустыхъ и иныхъ незанятыхъ земель полторы тысячи десятинъ при реке Днепрѣ между Самарскимъ ретраншементомъ и крепостью Александровскою по теченію реки Татарки с лѣвой стороны, зачавъ отъ устья оной речки внизъ рекою Днепромъ мимо лежащаго в Днепрѣ порога Сурскаго три версты и двесьтѣ сажень, а отъ оной реки Днепра в открытую степь от почни-

---

[1]) Подлинникъ; изъ фамильныхъ бумагъ генералъ-маіора, владѣльца села Любимовки, А. Н. Синельникова.

ного мѣста устья речки Татарки вверхъ по оной на пять споловиною верстъ, а от окончательнаго по той рекѣ пункта соединяя ту дачу в открытую же степь на столько длиннику, сколько на вышеозначенное число десятинъ, выключая неудобную землю, сыщется по мѣрѣ, по которому учиненнымъ всей канцеляріи тогоже году марта 10 дня опредѣлениемъ и посланнымъ къ землемѣру капитану Ильміонову указомъ велѣно вамъ (Алексѣю Максимову Синельникову) в просимомъ вами урочищѣ тысячу пятьсотъ десятинъ земли, буде тамъ никакого селенія и никакихъ препятствій не окажется, в наемъ с платежомъ в годъ за каждую десятину по пяти денегъ отвести и на планѣ назначить; а в 1778 году июля 30 дня вы поданнымъ в сию канцелярію доношеніемъ просили о добавленіи вамъ къ отмежованной при рекѣ Днепрѣ и речке Татарке земли еще, сколько между помежниками вашими по размежеваніи сыскаться можетъ, и по тому учинить нынѣ же в сей канцеляріи опредѣленіемъ и посланнымъ в губернскую межевую экспедицію указомъ велено, какъ по справкѣ оказалось, что просимая вами в 1776 году в вышеписанныхъ урочищахъ земля состоящая в трехъ тысячахъ десятинъ, да просимая вами втомъ же 1776 году и по довѣренности отъ вас братомъ вашимъ подполковникомъ Иваномъ Синельниковымъ в прошломъ 1777 году межевщикомъ прапорщикомъ Тимофѣевымъ формально отмежевана, то оную землю и оставить за вами в вѣчное владѣніе, какъ его свѣтлость господинъ генералъ-аншефъ четерехъ губерній генералъ-губернаторъ всѣхъ россійскихъ и разныхъ ординовъ кевалеръ князь Григорій Александровичъ Потемкинъ присланнымъ къ генералъ-поручику сей губерніи губернатору и кавалеру Черткову отъ 26 декабря прошлого 1777 году ордеромъ повелѣть изволилъ: для удобнѣйшаго и скорейшаго в пустыхъ мѣстахъ заведенія селеній назначенныя владельцамъ казенныя земли утверждать за ними вѣчно з десятилетнею лготою (;) на основаніи положенія о семъ в штатахъ учиненнымъ всей канцеляріи прошлого 1780 году августа 10 дня опредѣленіемъ и посланными во всѣ присутственныя сей губерніи мѣста указами велено всѣмъ владѣльцамъ, а в небытность

ихъ прикащикамъ объявить с подписками, чтобъ они, не вымышляя никакой претензіи яко о земляхъ еще ихъ в границахъ неутвержденныхъ, по требованію межевщиковъ къ планамъ и межевымъ книгамъ подписывались безотговорочно, а ежели кто по здѣланнымъ отъ межевщиковъ повѣсткамъ не явится, то оканчивать планы межевые и книги без ихъ рукоприкладства, по сходству котораго опредѣлены межевщикомъ и межевою экспедиціей... Того ради приказали за четыре тысячи восемъ сотъ пятьдесятъ девять десятинъ пятьсотъ квадратныхъ сажень сто сорокъ пять рублевъ, семьдесять семъ копеекъ и три чети и по взысканіи оные денги отослать при указѣ губернскому казначею секундъ маіору Ходоревскому, велеть принявъ записать въ приходъ и всю губернскую канцелярію рапортовать, подписавъ о полученіи оныхъ на планахъ и межевыхъ книгахъ при даче вамъ плана по содержанію межевой инструкціи 7 главы 9 пункта о береженіи межевыхъ признаковъ обязать васъ в сей канцеляріи подпискою с тѣм, ежели на межахъ просѣки будутъ заростать, то оные должны быть вашимъ коштомъ разчищены, а когда ямы заровняются и столбы выгниютъ, о томъ объявлять въ ближайшихъ присутственныхъ мѣстахъ, отъ которыхъ вмѣсто прежнихъ таковые же вновь ставить и по межѣ сохою или плугомъ проходить, а притомъ вамъ дать знать, чтобъ вы за оказавшуюся нынѣ во владѣніи вашемъ удобную землю три тысячи девять сотъ десятинъ земли за каждую десятину по пяти денегъ, по минованіи лготныхъ девяти лѣтъ, то есть будущаго 1789 года генваря съ перваго числа, взносили ежегодно, всего по 97 рублевъ, по 50 к. в сию канцелярію бездоимочно, в уверение чего сей ея императорскаго величества указъ за подписаниемъ и с приложеніемъ печати данъ изъ азовской губернской канцеляріи в Екатеринославѣ, показанные жъ планъ и межевая книга при семъ прилогаемая, марта 18-го, 1782 году. Генералъ порутчикъ Николай Чертковъ».

Эти свѣдѣнія дарственной грамоты А. М. Синельникову пополняются данными межевыхъ книгъ 1779 и 1828 годовъ. Изъ межевой книги 1779 года видно, что въ Норовкѣ считалось

пашенной земли 3,400, сѣнныхъ покосовъ 360, мелкаго лѣса 120 десятинъ по рѣчкѣ Татаркѣ, по островамъ Днѣпра, по горѣ надъ Днѣпромъ, но выше мелкаго показанъ и «дровяной» лѣсъ; остальная земля была подъ Днѣпромъ, Татаркою, деревнею и дорогами. Въ Днѣпрѣ ниже селенія показанъ большой островъ Яцевъ и противъ него въ степи оврагъ Яцевъ. Выше Норовки, между деревней Чаплями и деревней Черняковской, показанъ оврагъ Войсковой. Мужскаго пола въ Норовкѣ показано 45 душъ, женскаго пола 35 душъ. Смежными съ Норовкой селеніями названы: деревня Петровская, маіора Ивана Петровича Тургенева; деревня Скотоватая, прапорщика Степана Ивановича Степанова; деревня Вороная, инженеръ-капитана Өедора Алексѣевича Наковальнина; деревня Чапли, князя Александра Александровича Прозоровскаго. Эти данныя межевой книги 1779 года пополняются данными такой же книги 1827 года. Въ ней мы читаемъ: «Прошедъ проливъ реки Днѣпра и взошедъ на стоящій на рекѣ Днѣпрѣ островъ, направо отъ реки бичевникъ, а за онымъ пещаное мѣсто, а на островѣ древесный лѣсъ села Любимовки, что прежде была Алексѣевская, а налѣвѣ рѣка Днѣпръ и на оной островъ съ лѣсомъ, а за рѣкой екатеринославскій уѣздъ... Направѣ (идя вверхъ противъ теченія) отъ рѣки Днѣпра дровяной лѣсъ села Любимовки»[1]). Къ этому еще прибавлено 109 десятинъ подъ селеніемъ, огородами и «легулярными и нелегулярными садами». Въ послѣдней межевой прибавленъ также оврагъ Терноватый, между Петровкой и Любимовкой. Сосѣдними селеніями названы: Петровка и Чапли, тогоже князя Александра Александровича Прозоровскаго, Вороная вдовы полковницы Марьи Петровны Наковальниной; Скотоватая и Ивановка, совмѣстное владѣніе ротмистра Козьмы Семеновича Синельникова, прапорщика Василія Кондратьевича Алексѣева и колежскаго регистратора Якова Михаиловича Черняка.

---

[1]) Должно думать, тотъ же самый, что показанъ въ межевой книгѣ 1779 года, по горѣ надъ Днѣпромъ, выше мелкаго лѣса.

Цѣна 1 р. 50 k.

2007051332